

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
БРОНЗОВОГО ВЕКА
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

Министерство высшего и среднего специального образования
РСФСР

Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Сборник научных трудов)

Отсканировано для библиотеки
Объединенной Северокавказской
археологической экспедиции
ГИМ, КБГУ и ИА РАН
<https://vk.com/clubsskae>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Сборник научных трудов.—Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986.—с. 116.

Настоящий межвузовский сборник посвящен этнокультурным проблемам археологии и древней истории Северного Кавказа. Основное внимание в сборнике уделяется предгорно-плоскостной зоне Центрального Кавказа как территории, на которой традиционно происходил синтез и симбиоз различных этнокультурных элементов.

Сборник рассчитан на археологов, историков, антропологов, студентов исторических факультетов, а также на широкий круг читателей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т. Б. Тургиев (отв. ред.), М. М. Блиев (зам. отв. ред.), В. Б. Виноградов, В. А. Петренко, В. С. Уарзиати, В. Л. Ростунов (отв. секретарь).

НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ ПЛОСКОСТНОЙ И СТЕПНОЙ ЗОН В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Всеобщий прогресс наций и народностей в СССР закономерно сопровождается постоянным становлением и ростом их национально-го самосознания (1). Важный элемент его — острый интерес к происхождению и истории формирования современных народов, особенно в таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ (2, с. 6). Объективное удовлетворение этого интереса сегодня невозможно в рамках нарочито полемических суждений о «коренных» и «пришлых» этносах (этносоциальных организациях); в русле поисков и деклараций лишь «самобытных», автохтонных элементов их культуры, этнографического лица.

Сегодня на повестку дня советской исторической науки стала проблема глубокого осмысления всей суммы аспектов постоянно актуальной мировоззренческой проблемы «Прошлое и мы» (3, с. 105—116), использования достижений исторической мысли (в том числе в региональном масштабе) в качестве мощного фактора идейно-воспитательной и контрпропагандистской работы (4, с. 4—5; 5, с. 8—10; с. 10—13). В этой связи своевременно и справедливо подчеркивается: «Устойчивый и всевозрастающий интерес к происхождению, последующему формированию и развитию конкретных народов региона не может быть удовлетворен этноцентрическими, амбициозными построениями. Претензии на чрезвычайную роль в кавказском историческом процессе, сугубую «чистоту» и некую этнонациональную исключительность... питаются как недостаточной осведомленностью одних в сути научных достижений, так и незрелым использованием исследовательского опыта другими... Сложность, многоэтапность и многогосоставность этнической истории кавказских народов, общие закономерности их становления и развития, глубокие исторические традиции взаимодействия между ними и с внешним окружением представляют, думается, тот путь, на котором можно осмыслить, понять назревшие проблемы этногенеза и последующих этнических процессов. Этот путь исключает резкое противопоставление кавказских наро-

дов по частным расовым, языковым, историко-культурным и иным признакам и достижениям» (7, с. 7).

Конкретным аспектом в решении назревших задач является и внимательный учет исторической роли плоскостной (равнинной) и степной зон в этнической истории Северного Кавказа с древнейших времен до финала эпохи позднего средневековья, то есть до конца XVIII в., когда в целом завершился процесс вхождения народов региона в состав единого Российского государства (8; 9; 10; 11;).

Следует подчеркнуть, что именно последние десять лет (12, с. 58—60) целеустремленное внимание к этнокультурным проблемам плоскостной части Северного Кавказа четко фиксируется в ряде работ, имеющих целью подвести хотя бы некоторые региональные итоги разнообразной и плодотворной деятельности археологов и наметить первоочередные задачи, стоящие перед ними (см.: 13, с. 33—47; 24, с. 19—26; 15, с. 53—56; 16). Не случайно именно в этих исследованиях заключаются основы того мнения, согласно которому «этническая история народов Северного Кавказа может быть уяснена не с позиций их обязательного аборигенного происхождения, а с учетом миграций, внешних влияний, ассимиляций» (14, с. 24).

Однако в условиях небывалого прежде информационного взрыва в региональной археологии, а также (в немалой степени) и вследствие узости, а то и рутинности исследовательского подхода некоторых специалистов, преобладания локальных, этноцентрических построений, наличия фактов некорректного отношения ко взглядам представителей иных школ и научных направлений, ныне складывается далекая от оптимальной ситуация, когда вместо делового компетентного обсуждения и анализа выдвигаемых версий наблюдается тенденция их невольного замалчивания или открытого игнорирования, огульного осуждения или придания видимости независимых суждений.

Предлагаемая статья преследует цель в самой общей форме представить современную

суть части этнокультурных проблем в прошлом Северного Кавказа, адресовать заинтересованного читателя к новейшей литературе, без критического использования которой любые попытки разобраться в назревших вопросах не могут быть объективны.

Прошло уже более 20 лет со времени выхода в свет проблемной статьи Е. И. Крупнова, положившей, фактически, начало аргументированной дискуссии о соотношении древнейшей археологически улавливаемой культуры Кавказа и кавказской этнической общности (17). Основной ее вывод, учитывающий авторитетную историографию (18, с. 409—410), заключается в том, что истоки иберийско-кавказских языков и их носителей уходят в III тысячелетие до н. э., то есть связаны с культурами раннебронзового века.

Р. М. Мунчаев существенно скорректировал этот вывод. Опираясь на детальный анализ древностей Кавказа эпохи палеометалла, он предложил свою, весьма продуманную и взвешенную версию, в которой не оказалось места для общекавказского языкового единства в III тысячелетии до н. э., но куда более определенными стали этнолингвистические параметры майкопской и куро-аракской культур, захватывающих, как известно, плоскостную, а отчасти и степную, зоны Предкавказья (18, с. 409—414).

Для того, чтобы сегодня хотя бы в малой степени представить себе острую дискуссионность почти всего спектра вопросов, связанных с проблемой существования иберийско-кавказской языковой семьи и соотношения ее ветвей с археологическими культурами, в том числе и Северного Кавказа, достаточно сопоставить хотя бы глубоко продуманное и не по объему емкое исследование О. М. Джапаридзе, излагающее его мнение о раннем этногенезе кавказских племен (19, с. 7—36) с исключительно интересными, новаторскими результатами конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока», состоявшейся в Институте востоковедения АН СССР в конце 1984 г. (20, с. 9—12, 14—16). И именно это состояние перманентного столкновения гипотетических точек зрения, все более широкой и гласной полемики, служит, с одной стороны, залогом нашего общего движения вперед, а с другой — резко повышает роль новых археологических материалов и попыток этноисторических реконструкций, в которых равнинно-степной зоне Северного Кавказа отводится отнюдь не последнее место.

Полагаю необходимым в данном обзоре оставить в стороне конкретное содержание плотно сбитого цикла статей В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, посвященного новой вер-

сии происхождения майкопской этнокультурной из среды арамейцев Харрана, ее «механического» появления в Предкавказье из глубины Западной Азии (Ближнего Востока), дальнейшего существования и соотносительности с окружающими культурами (основное содержание версии см.: 21, с. 28; с. 22; 23, с. 63—104). Замечу лишь, что оно, безусловно стимулирует мысль и научный поиск в ранее не мобилизованных направлениях, отнюдь не решает своей напористостью и нарочитой цепкостью аргументации всех поставленных вопросов. К тому же, поставив во главу угла поиски территории «майкопского исхода», авторы индифферентно отнеслись к существенной части проблем истории бытования майкопской культуры собственно в Предкавказье, нередко прикрываясь поверхностным, а порой и субъективным изложением взглядов некоторых авторитетных предшественников.

Более эффективными для поднятой темы представляются новейшие исследования В. Л. Ростунова о куро-аракской культуре на Центральном Кавказе (основное содержание и библиографию см.: 24, с. 3—42; 25, с. 91—130). Автор также предлагает новую версию истоков и путей миграции куро-аракцев на Северный Кавказ, причем она получает немало серьезных доводов. Однако еще важнее, что установив на сегодняшнем уровне информированности сосредоточение соответствующих древностей в горно-предгорной зоне Центрального Кавказа, вдоль перевальных маршрутов, В. Л. Ростунов предельно внимателен к выявлению аналогичных памятников в плоскостной зоне Предкавказья, которая, как объективно вытекает из оценки реальных обстоятельств, и служила этнообразующей и передаточной средой, чье посредство в значительной мере определяло ареал этнокультурного распространения и воздействия куро-араксинцев на запад и восток от первоначально освоенной ими на Северном Кавказе области.

Возможно, что самым существенным для нас и в традиционных, и в последних по времени построениях об этнокультурной ситуации эпохи палеометалла к северу от Главного Кавказского хребта (более всего — на плоскости) признается «двуприродность» (Р. М. Мунчаев) распространившихся тут с юга культур, то есть смешение пришельцев с «сугубо местными элементами», а также и «поразительный симбиоз куро-аракской и майкопской культур» в некоторых районах. Последние, как видится сегодня, явно тяготеют к равнинной зоне бассейна Сунии и равнинному Прикубанью (25-а, с. 3—25), что в высшей мере симптоматично. Дальнейшие усилия в этом направлении могут быть весьма перспективны.

ми, как и доказательные в целом суждения И. М. Чеченова о памятниках «смешанного или синкретического типа» (Кишпекская, Новосвободненская, Нальчикская гробницы), которые сочетают в себе, главным образом, признаки двух культур: дольменной и позднемайкопской и которые появляются именно в предгорно-плоскостных районах Прикубанья и Центрального Кавказа (26, с. 228). К этому следует добавить, что все более перспективными оказываются попытки обосновать взаимное влияние племен майкопской культуры и степной Украины (26-а, с. 43—44).

Нет сегодня даже намека на единство взглядов относительно ситуации II тысячелетия до н. э. в равнинном и степном Предкавказье. Естественно, что первый обобщающий монографический труд по эпохе бронзы в регионе (27), опубликованный В. И. Марковым уже четверть века назад, сделав свое дело в русле резкой активизации исследовательского процесса, ныне существенно устарел. Резкий фронтальный рост источниковой базы, придирчивый анализ историографии, привлечение широкого сравнительного континентального фона, смелость вновь выдвигаемых суждений и догадок привели к появлению новых попыток археолого-исторической интерпретации наличных данных. Среди таковых особенно выделяется блок объемных и весьма целенаправленных работ В. Л. Сафронова и Н. А. Николаевой, достаточное представление о сути которых дает обращение к серии сборников, вышедших в последние годы в Орджоникидзе (28; 29; 30, там же см. и библиографию других публикаций названных авторов). Бесспорно полезным следует считать введение в научный оборот огромных новых материалов, их детальную хронологическую проработку, стремление критически осмыслить труды предшественников и предложить иные варианты решения местных проблем бронзового века, в том числе связанных с толкованием культурного единства Степи и Предгорий в ситуации бронзового века Северного Кавказа (31, с. 8—23). Содержательны и закономерны обращения к общеевропейской панораме с явным акцентом на ее центральное звено, с которым связывается генезис культур шнуровой керамики и др. (31-а).

Однако ясной и строгой концепции исторического, в том числе и этнокультурного процесса на Северном Кавказе в эпоху развитой и поздней бронзы пока не сложилось, а «альтернативная» «северокавказской» историко-культурной общности (области) так называемая «кубанотерская» культура не выглядит достовернее и привлекательнее. Поэтому, вопреки личным убеждениям В. А. Сафронова и

Н. А. Николаевой, реконструкция этнокультурного развития населения Северного Кавказа еще только предстоит. При этом она должна трезво опираться на тот позитивный потенциал, который содержат в себе и реальные факты дальнейшего расширения источниковой базы в границах плоскостной и степной зон региона, и не лишние солидные рационального элемента аналитико-критические пассажи В. И. Марковина (36, с. 194—207; 37, с. 15—16; 38, с. 27—29) и других авторов (см., например, 39, с. 94—95), и начинающие проявлять свое лицо палеоантропологические материалы (40), и многое другое. Не случайно весьма осторожное, лишенное поспешной солидарности отношение к нынешней дискуссионной ситуации демонстрируется рядом серьезных специалистов, работающих с новейшими материалами бронзового века предгорно-плоскостной зоны (в частности группой археологов Кабардино-Балкарии в первом томе своего сериала по новостроечным работам (33). В качестве одного из примеров поисков путей конструктивного подхода можно назвать недавний доклад Б. М. Хашегульгова (см. его статью в этом сборнике), привлечение которого прежде всего тем, что в нем предприняты конкретные шаги для выяснения возможных форм и способов участия в этнических процессах на Северном Кавказе в конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. индоевропейских племен степной зоны Восточной Европы (41, с. 35—37), что является крайне актуальным (45, с. 32).

В качестве выводов из вышензложенного следует, что пора преодолеть игнорирование или поверхностный учет этнокультурных процессов бронзового века при попытках реконструкции генеральной линии происхождения современных горских народов Северного Кавказа, которая (за исключением Дагестана и отчасти Прикубанья) пока привычно улавливается, начиная только с раннежелезного века. Активные и разнообразные формы взаимовоздействия «собственно кавказских» и «южнорусских» культур и историко-культурных общностей III—II тысячелетий до н. э. порождали нередко явления культурного и этнического симбиоза и синкретизма. Они важны не только сами по себе (для уяснения конкретных сторон местной истории), но нуждаются в пристальной ретроспективной оценке в качестве жизнеспособных моделей выработки элементов того «генетического кода», который всегда определял прогрессивный ход истории на пути совместного общения и взаимного обогащения отдельных популяций и складывающихся этносов.

При этом следует согласиться, что длитель-

ный процесс этнообразования в его наиболее перспективных тенденциях и формах (крупные племена, союзы племен, народности) на Северном Кавказе в большинстве случаев прямо протекал или был тесно связан с равнинно-степной зоной региона, где открывались максимально благоприятные (хотя отнюдь и не непрерывные) условия для социально-экономического, а следовательно, и этнического развития. Исходные рубежи этногенеза почти всех основных массивов современного горского населения мотивированно связаны с плоскостными районами региона, с этой «контактной», «стыковой» зоной Степи и Гор, чья эколого-этнологическая роль еще далеко не раскрыта, несмотря на отдельные успехи последних лет изысканий. Другой гранью той же тенденции представляется неизбежная взаимозависимость горской и степной экономик, прослеживаемая на всех этапах истории производящего хозяйства и функционировавшая посредством все той же зоны.

Сформулированные только что тезисы нуждаются в региональном плане в специальном научном обосновании подобном тому, как делается ныне в случае оценки плоскостной зоны территории Чечено-Ингушетии в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы — начала раннежелезного века. Энергичная полемика вокруг локальных вариантов кобанской культуры (42, с. 74—78) поставила целый ряд вопросов (включая и фактор ландшафтной зависимости), которые не сумели «снять» своды источников В. И. Козенковой по так называемому «восточному варианту» Кобани (43; 44). В результате весьма плодотворных исследовательских усилий последних десяти лет в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ им. Л. Н. Толстого и ЧИИИСФ (руководитель В. Б. Виноградов) на повестку дня была поставлена важнейшая проблема взаимного соотношения, влияния и взаимодействия в восточной части плоскогорья Пригеречья каякентско-харачоевской, кобанской и киммерийской культур, в ходе и результате которых были, как мы полагаем, заложены «основы формирования предков современных вайнахских народов — чеченцев и ингушей» (45, с. 29—34).

Анализ вновь выявленных археологических источников, представленных прежде всего серией могильников второй половины II — первых веков I тысячелетия до н. э., позволил в ряде работ (прежде всего В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева) уловить основные вехи местного этнокультурного процесса, его специфические черты (46, с. 23—25; 47, с. 38—41; 48, с. 38—41; 49, с. 62—78; 50). Основной вывод из проделанной работы звучит сегодня

так: «На рубеже I—II тысячелетий до н. э. на территорию Чечено-Ингушетии начинают проникать носители знаменитой кобанской культуры, занимавшей первоначально горные районы обоих склонов Центрального Кавказа. Нельзя согласиться с Я. А. Федоровым, установившим праабхазо-адыгскую подоснову кобанской культуры. По меньшей мере часть носителей кобанской культуры может быть отнесена к протовайнахам (51, с. 284—314). ...Характер взаимоотношений между представителями прадагестано-нахской этнокультурной общности каякентско-харачоевского этапа ее развития и носителями кобанской культуры, реконструируемый по данным погребальных памятников (Сержень-Юртовский, Майртупский 2 и другие) не позволяет говорить об ассимиляции (В. И. Козенкова) пришельцами местного населения. Скорее всего, шел процесс органичного слияния местного «субстратного» и пришлого компонентов. Результатом такого слияния было возникновение племенных групп, имевших оригинальные черты материальной культуры и утративших ведущий «этнодифференцирующий» признак (обмазку сосудов), продолжавший сохраняться у населения более восточных районов Чечни. Можно полагать, что этнический и культурный синтез пришлых «кобанцев» с частью «харачоевцев» послужил основой формирования протовайнахских этнических групп, как элемента в общей панораме Кавказа от верховьев р. Кубани до юго-восточной Чечни» (45, с. 32—33).

Чрезвычайно важные и принципиально новые задачи стоят перед теми, кто изучает древности равнинно-степной зоны раннежелезного века и раннего средневековья (VII в. до н. э.—XII в. н. э.). Занял бы слишком много места обзор литературы, посвященной анализу соответствующих памятников в локальном и даже региональном планах, попыткам возможно полнее представить читателю историю и культуру отдельных этнолингвистических массивов в прошлом Северного Кавказа или их «взаимосвязей», «взаимовлияний», «взаимодействий» друг с другом. В числе недавних или новейших проблемно-обобщающих работ такого рода можно назвать монографии Е. И. Крупнова (52), В. Б. Виноградова (51), В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина (53), Б. В. Техова (54) — по скифскому периоду; серии полемических статей М. П. Абрамовой (библиографию см.: 55, с. 31—50; 56, с. 15—20; 57, с. 28—30), исследования В. Б. Виноградова (58; 59, с. 7—9; 60, с. 44—49; 61, с. 102—104), диссертации Б. М. Кереева (62), В. А. Петренко (63) — по сарматской эпохе; монографические труды В. А. Кузнецова (64), Я. А. и Г. С. Федоровых (65), А. В. Гадло (66, 67) и

некоторые другие по раннему средневековью. В части из них явно ощущается неудовлетворенность нынешним состоянием изучения этнокультурной картины региона в рассматриваемое время, стремление глубже разобраться в протекавших тут этногенетических процессах (М. П. Абрамова, А. В. Гадло и др.).

Но полагаю, что все названные выше и близкие им концептуальные труды, знаменовавшие до поры как бы эволюционный путь нашего познания поставленных проблем, нередко заметно снижая собственный позитивный потенциал упорной односторонностью и затянувшейся монотонной полемикой со своими научными оппонентами. Современному состоянию историографии присущи и несовершенные попытки преувеличенного толкования роли того или иного этнолингвокультурного массива в ранне-средневековой истории региона (М. Х. Багаев—78, В. А. Кузнецов—64, И. М. Мизиев—69), что влечет за собой их неизбежное противопоставление друг другу, как и прочей более объективной литературе.

Значительно перспективнее представляется иная концепция северокавказского этнокультурного процесса эпохи раннего железа — раннего средневековья, отводящая особое (и даже исключительное) место в нем зоне стыка Гор и Степей, то есть плоскостным районам региона, в том числе и его центральной части. К этой новой концепции (с далеко неоднозначных позиций и посылок) одновременно пришли В. Б. Ковалевская и грозненская школа археологов, объединенных в «Кавказоведческом семинаре» ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

В. Б. Ковалевская впервые публично изложила сумму своих взглядов в докладе на Душетской научной конференции осенью 1984 г. и в серии обрамляющих ее публикаций и выступлений (70; 71, с. 126—128; 72, с. 184—186). Основной итог проделанного исследования гласит: «Анализ постоянных и тесных контактов местного кавказского населения с обновляющимся миром степняков-кочевников (киммерийцы, скифы, сармато-аланы, гунны, болгары, Тюрский и Хазарский каганаты и т. д.) свидетельствует в пользу внедрения в местную культуру многочисленных импульсов (внешних по происхождению), что вело к изменению облика традиционной культуры и по современным представлениям этнографической науки к этническим изменениям. Наблюдая преемственность в традиционной культуре Центрального Предкавказья I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э., мы получили подтверждение научным взглядам о том, что Центральное Предкавказье следует выделить в

особую историко-культурную область. Причем сам факт границ рассматриваемой территории (а это предгорно-плоскостной район.—В. В.) позволяет ставить вопрос о существовании определенного этнического и этносоциального организма, который соответствовал бы поддержанию указанной стабильности» (72, с. 185—186). Для В. Б. Ковалевской сделанный вывод представляется прямым подходом к решению «проблемы местного кавказского субстрата», с чем я имел возможность гласно солидаризироваться в Душети, опираясь на имевшиеся уже результаты исследований членов «Кавказоведческого семинара», подготовленные к обнаружению.

Формулировка генеральной идеи звучит, естественно, по-иному, но суть концепции заметно близка взглядам В. Б. Ковалевской: «В результате активно протекавших интеграционных процессов раннежелезного века и раннего средневековья в традиционной контактной зоне между горами и степью происходило не просто сближение, а слияние, синтез, в результате чего складывались новые этнообразования, отличные как от пришлых... так и от горнокавказских автохтонных племен. Ход этногенеза тут не подчинялся одним другим, а постепенно создавал из части их новый «предэтнос», который в дальнейшем развился в средневековую аланскую народность, отнюдь не идентичную позднейшим осетинам... Необходимо отметить, что механизмы межэтнического синтеза (миксации) не были чем-то хронологически и этнически исключительным, строго локализованным. Они представляли в каждый период истории как бы звено в единой длительной цепи взаимодействий, имевших место в регионе, начиная со скифского времени и включая раннее средневековье» (73).

Такое понимание процесса вытекало из немалой суммы доводов локального и регионального свойства. Так, например, его конкретные этапы и грани были проанализированы для скифской (Виноградов В. Б., Дударев С. Л.—74, с. 95—97; 75, с. 44), сарматской (Виноградов В. Б., Березин Я. Б.—76, с. 43—63; 77, с. 46—48) и раннесредневековой эпох (Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., Савенко С. Н.—78, с. 13; 79, с. 49—51). Публикуемые в данном сборнике статьи большинства авторов так же служат обоснованию плодотворности гипотезы о межэтническом синтезе, как движущей силе этногенетических тенденций и их реальных воплощений в равнинной (плоскостной) зоне центральной части Северного Кавказа.

По убеждению представителей «Кавказоведческого семинара», на современном уровне исследования «новая концепция открывает широкие перспективы для существенно лучшего

понимания вопросов местной археологии I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э., в том числе и сложнейших проблем этногенеза осетин, а также вайнахов (чеченцев и ингушей), балкаро-карачаевцев» (76, с. 5; 97). Она нуждается в безотлагательной «сквозной» детализированной разработке (см.: 45, с. 29—34), тем более, что существенно сближает (хотя это оговаривается и не всеми) ранее трудно согласуемые позиции ряда исследователей (ср., например, 77, с. 47; 80, с. 35, 36) и получает поддержку в параллельных и независимых по историко-археологической фактуре опытах исторической интерпретации этнических и межкультурных связей (67, с. 30, 31; 81, с. 107, 108; 82, с. 32—35; 82-а, с. 87—91).

Таким образом, подводя определенный итог вышензложенному, следует подчеркнуть, что без учета миграции, а главное — их последствий, нет истории народов Северного Кавказа. Отсюда постоянно актуальна проблема соотношения субстратных и суперстратных элементов в этногенезе местного населения, их изменчивого места в сложном поступательном процессе. Плоскостное Предкавказье предстает зоной закономерных трансформаций традиционных этнокультурных компонентов Степи и Гор, сферой взаимообогащения, проходящего разные стадии от адаптации до межэтнического синтеза. В последний включались и «пришельцы», и «аборигены», особенно если прочность взаимовоздействия подкреплялась известной преемственностью и периодичностью миграций. Сильнее ей была подвержена «опушка» между Степью и Горами, имевшая свойство предпочтительной действенности в сторону своего этнического тыла — куда более разобщенного и консервативного ареала. В этом видится причина продуктивности древнего северо-иранского и тюркского этнокультурного воздействия в исторической биографии таких кавказцев как осетины, карачаевцы, балкарцы, кумыки. В этом же могут таиться (хотя бы отчасти) условия относительно прочной стабильности этнообразующих признаков у обитателей только плоскостной и степной зон региона — адыгов, борган, ногайцев и др. Возможно, наиболее сложными оказались этногенез и этнокультурная история вайнахов, не подверженных географической изоляции, свойственной горнодагестанским группам и находившихся всегда на стрекже обозначенных выше неоднозначных и требующих комплексного изучения процессов.

Остается в самых общих чертах коснуться вопросов дальнейшего хода этнообразования современных народов региона в эпоху позднего средневековья (с середины XIII по XVIII в.).

Хорошо известно то пагубное значение для местного исторического процесса, которое сыграли нашествие чингизидов, владычество Золотой Орды, последствия походов Тимура (83; 84; 85). Они, привели к фактической временной потере основных районов равнинно-степной зоны Предкавказья для прежних их обитателей. И хотя в условиях XIII—XV вв. этнические процессы, включавшие не только массовые контингенты смешанного плоскокостного населения, но и обитателей горной зоны, несомненно, имели свои особенности (86; 87, с. 103—104), однако вынужденная длительная изоляция в глубине ущелий и хребтов затормозила, коренным образом изменила традиционное уже течение этногенеза северокавказцев. Одновременно она стимулировала определенную стабильность и консервацию этнокультурных групп, формирующихся в исторически закономерных границах последующего стабильного обитания карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев в высокогорном поясе Центрального Кавказа (88; 89, с. 35—50).

Ситуация решительно изменилась в середине XVI—XVIII вв., когда происходило массовое перемещение на плоскость значительной части осетин и вайнахов. Этот исторически прогрессивный процесс протекал в непосредственной связи с реализацией постоянно набирающей силу тенденцией добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Он сопровождался и созданием (именно в равнинных условиях) необходимых предпосылок для этнической консолидации в русле складывания чеченской, осетинской и ингушской народностей (90; 81; 92; 93; 94; 95, с. 11), а также (косвенно) содействовал завершению этногенеза у карачаевцев и балкарцев.

Все это — назревшие вопросы, требующие безотлагательной мобилизации исследовательских сил и доступные для объективного осмысления только с позиций комплексного к ним подхода. Данная статья, подводя некоторый итог познанию проблемы на нынешнем этапе, призвана привлечь к ним внимание специалистов, заострить его на необходимости понимания и глубокого учета специфической роли равнинно-степной зоны Северного Кавказа в истории этнокультурных взаимовоздействий древнего и средневекового региона. Цель эта хотя и труднодостижимая, но крайне важна не только в научном, но и в политико-воспитательном плане. Вот почему позволю себе завершить эту статью фрагментом научного доклада, сделанного в начале 1975 г., который ознаменовал начало моего личного исследовательского поиска в том направлении, которое дает теперь довольно зримые результаты.

«...Замечательный научный интерес и значимость представляют исследования равнинных районов Притеречья с их специфической ролью и судьбой в исторических событиях. Берега Терека во все периоды средневековья были населены необычайно сложным по этническому составу населением с редкой глубиной связей между его группами. Именно здесь сложились такие этнографические феномены, как гребенские и терские казаки, брагунцы, грузинские и армянские поселенцы Северного Кавказа и др. Именно тут активно осуществлялись наиболее жизненные и интимные контакты между русскими, кабардинцами, чеченцами, осетинами, кумыками, ногайцами, ингушами и представителями многих других этносов. Любые попытки этнического самовозвеличения, приписывания чрезмерных исторических заслуг той или иной этнической группе немедленно оборачиваются здесь исторической несправедливостью по отношению к другим народам, а смещение классовых ориентиров откликается недифференцированным подходом к оценке явлений и событий.

История этих районов... дает щедрый и поучительный материал о преодолении этнической замкнутости, региональной изолированности и косности... И эти, уходящие в глубь веков ростки формирования интернациональных чувств, были гарантией развития подлинно демократического национального самосознания у многих местных этнических групп.

Развитие же последнего — это не только приобретение новых идей, но и одновременно отказ от старых иллюзий, от изжившего самое себя. Это процесс, в котором сочеталось появление новых представлений и мучительная переоценка старых, ошибочных. Он происходил не в умах отдельных деятелей, а у поколений, каждое из которых рождало такие умы. Процесс постоянно усложнялся, темп его изменялся под влиянием различных факторов. Но с каждым шагом экономического, социального и политического прогресса программы и лозунги предшествующих веков не отвечали, а затем и противоречили духу и обстановке новых эпох» (96, с. 142, 143).

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция).—М.: Политиздат, 1986.
2. Власов А. В. Достижения исторической науки — в практику коммунистического воспитания.—В сб.: Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1981.
3. Афанасьев Ю. Прошлое и мы.—Коммунист, 1985, 14.
4. Виноградов В. Б., Павлов М. П. Слав знаний, убеждений, мастерства.—В сб.: Археология и краеведение — вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции (далее — АКВШ).—Грозный, 1985.
5. Павлов М. П., Кан-Калик В. А. Археология и краеведение как социально-педагогический фактор контрпропаганды.—АКВШ, Грозный, 1985.
6. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Актуальные вопросы борьбы против империалистической пропаганды на примере изучения дореволюционной истории Северного Кавказа.—АКВШ, Грозный, 1985.
7. Яндиева З. А. Важные задачи в области образования, воспитания и профессиональной подготовки кадров.—АКВШ, Грозный, 1985.
8. Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России.—Вопросы истории (далее ВИ), 1970, 7.
9. Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ до 1917 г.—История СССР, 1977, 3.
10. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа.—Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1982.
11. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России.—М.: изд-во МГУ, 1984.
12. Виноградов В. Б. Актуальные вопросы археологического изучения плоскостной Чечено-Ингушетии.—В кн.: Материалы конференции Чечено-Ингушского госуниверситета за 1974 год. Грозный, 1976.
13. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа.—Л.: Наука, 1978 (глава «Проблемы этногенеза кавказских горцев»).
14. Виноградов В. Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа.—В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980, вып. 2.
15. Дударев С. Л. Молодые археологи автономных республик Северного Кавказа — XI пятилетке. — В сб.: Вклад молодых ученых и специалистов ЧИАССР в развитие общественных наук: Тезисы докладов. Грозный, 1984.
16. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М. Археологические исследования 1980—1984 гг. в автономных республиках Северного Кавказа.—В кн.: Хронология археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.
17. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность к проблеме происхождения коренных народов Кавказа).—Советская археология, 1964, 1.
18. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.—М.: Наука, 1975.
19. Джапаридзе О. М. К раннему этногенезу кавказских племен.—В кн.: Историко-филологические разыскания.—Тбилиси, 1980, часть 1.
20. Милитарев А. Услышать прошлое.—Знание—сила, 1975, 7—8.
21. Николаева Н. А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе. — В кн.: Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
22. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Хронология и происхождение майкопского искусства.—Там же.
23. Сафронов В. А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской

культуры по археологическим и письменным источникам.—Там же.

24. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (к вопросу об истоках и путях миграции).—В кн.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.

25. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе, (хронологический и историко-археологический аспекты миграции).—Там же.

25а. Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика). Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—Л.: ЛОИА, 1983.

26. Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II.—В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии.—Нальчик: Эльбрус, 1984, т. 1.

26а. Нечитайло А. Л. О значении связей Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы.—В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1982.

27. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.—М.: изд-во АН СССР, 1960.

28. Проблемы археологии Северного Осетии: Межвузовский сборник статей.—Орджоникидзе, 1980.

29. Катакомбные памятники Северного Кавказа: Межвузовский сборник.—Орджоникидзе, 1981.

30. Кочевники Азово-Каспийского междуморья: Межвузовский сборник.—Орджоникидзе, 1983.

31. Сафронов В. А. Проблема культурного единства Степи и Предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе.

31а. Сафронов В. А. Проблема индоевропейской прародины: Учебное пособие.—Орджоникидзе, 1983.

32. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Некоторые находки IV-II тысячелетий до н. э. на Северо-Восточном Кавказе.—В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1982.

33. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии.—Нальчик: Эльбрус, 1984, т. 1.

34. Державин В. Л. Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье.—Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 177. М.: Наука, 1984.

35. Куйбышев А. В., Черносвитов Л. Ю. Курганные погребения эпохи бронзы в Ногайской степи.

36. Марковин В. И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен.—В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.

37. Марковин В. И. К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа.—В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1982.

38. Марковин В. И. Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы.—Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума.—Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1982.

39. Виноградов В. Б. Дискуссионные вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции позднебронзовых памятников бассейна Суэжа.—В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тезисы докладов конференции, 3-6 декабря, 1979 г.—Донецк, 1979.

40. Шевченко А. В. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья.—В кн.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

41. Хашегульгов Б. М. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе (конец III—первая половина II тысячелетия до н. э.).—АКВШ. Грозный, 1985.

42. Виноградов В. Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе изучения (историографический очерк).—Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1976, № 4.

43. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант.—М.: Наука, 1977.

44. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.—М.: Наука, 1982.

45. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Бакаев Х. З. Ранние этапы этногенеза вайнахов (первая попытка реконструкции).—АКВШ. Грозный, 1985.

46. Дударев С. Л. К этнической трактовке предкобанских древностей восточной части плоскостного Притеречья.—АКВШ. Грозный, 1985.

47. Виноградов В. Б. Новое в изучении этнокультурного процесса в восточной Чечне.—В кн.: Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума.—Ереван: изд-во АН АрмССР, 1982.

48. Дударев С. Л. О некоторых особенностях культурного процесса у племен эпохи поздней бронзы восточной части плоскостной Чечни.

49. Даутова Р. А., Дударев С. Л., Власова Т. Н. К изучению материалов рубежа II—I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии.—В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1982.

50. Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX—VII вв. до н. э.): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—Киев: изд-во ИА АН УССР, 1983.

51. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза.—Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1972.

52. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.—М.: изд-во АН СССР, 1960.

53. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв.—Киев: Наукова думка, 1983.

54. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.—М.: Наука, 1980.

55. Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.—Советская археология, 1979, № 2, с. 31—50.

56. Абрамова М. П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками.—В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время.—М.: Наука, 1984.

57. Абрамова М. П. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа.—В кн.: Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами: Аннотации.—Тбилиси, 1984.

58. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.—Грозный, 1963.

59. Виноградов В. Б. К изучению взаимоотношений между абorigенами Центрального Кавказа и праноязычными степняками в раннем железном веке.—В кн.: Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.

60. Виноградов В. Б., Петренко В. А. К происхождению сарматских бронзовых зеркал-подвесок Северного Кавказа.—Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 148. М.: Наука, 1977.

61. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Ма-

- териалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа.—В кн.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
62. Кереев Б. М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во ИА АН СССР, 1975.
63. Петренко В. А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во МГУ, 1980.
64. Кузнецов В. А. Очерки истории алан.—Орджоникидзе: Ир, 1984.
65. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Тюрки на Северном Кавказе.—М.: изд-во МГУ, 1975.
66. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.—Л.: изд-во ЛГУ, 1979.
67. Гадло А. В. Северный Кавказ в IV—X вв. (проблемы этнической истории): Автореф. Дис. ... докт. ист. наук.—М.: изд-во ИЭ АН СССР, 1984.
68. Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье.—В кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1975, т. 3.
69. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа.—Нальчик: Эльбрус, 1986.
70. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы.—М.: Наука, 1984.
71. Ковалевская В. Б. Географическая зональность Центрального Предкавказья и распределение основных памятников эпохи раннего средневековья.—В кн.: Душеская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами: Аннотации. Тбилиси, 1984.
72. Ковалевская В. Б. Ареальный метод — как оценка соотношения культурных традиций и новаций по северокавказским материалам I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.—В кн.: Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тезисы докладов.—Баку, 17—21 мая 1985 г.
73. Виноградов В. Б. Межэтнический синтез — ключ к пониманию этнических процессов на Центральном Кавказе.—Доклад для членов археолого-краеведческого кружка ЧИГУ им. Л. Н. Толстого (13 сентября 1984 г.).
74. Виноградов В. Б. Новые данные об этнокультурных процессах у населения Чечено-Ингушетии в I тысячелетии до н. э.—В кн.: Всесоюзная археологическая конференция...
75. Дударев С. Л. К этнополитической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов.—АКВШ. Грозный, 1985, с. 42—44.
76. Виноградов В. Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.—IV в. н. э.—В кн.: Античность и варварский мир.—Орджоникидзе, 1985.
77. Березин Я. Б. Об этнических процессах на Северном Кавказе в сарматское время.—АКВШ, Грозный, 1985.
78. Мамаев Х. М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во МГУ, 1985.
79. Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Назревшие вопросы изучения этнической истории раннесредневекового населения Центрального Предкавказья.—АКВШ, Грозный, 1985.
80. Абрамова М. П. Новые материалы по раннеаланской культуре Северного Кавказа.—В кн.: Всесоюзная археологическая конференция...
81. Погребова М. Н., Раевский Д. С. О некоторых комплексах второй четверти I тыс. до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы. (Опыт исторической интерпретации межкультурных связей).—В кн.: Душеская научная конференция...
82. Берзин Э. Киммерийцы и скифы — старые загадки и новые открытия.—Знание — сила, 1985, № 10.
- 82а. Наглер А. О., Чипирова Л. А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах.—В кн.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
83. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XII—XIV вв.—М.: Наука, 1985.
84. Джигоев М. К. Алания в XIII—XIV веках: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во МГУ, 1982.
85. Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ.—В кн.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977, т. 11.
86. Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкаррии.—В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкаррии. Нальчик: Эльбрус, 1980, вып. 1.
87. Виноградов В. Б., Джигоев М. К. Малкьярлыны кьадан чыкыгъанларыны юсиден.—Шуехлукъ. Нальчик, 1982, № 4.
88. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.—М.: Наука, 1973.
89. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе.—Вопросы истории, 1981, № 1.
90. Березин Я. Б. Переселение осетин с гор на плоскость.—Орджоникидзе: Ир, 1980.
91. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII—30-е гг. XIX в.)—Орджоникидзе: Ир, 1970.
92. Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России).—Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1980.
93. Вехи единства: Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России.—Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1982.
94. Магомадова Т. С. Русско-вайнахские отношения в XVI—XVIII вв.: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во МГУ, 1984.
95. Бараниченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М.: изд-во МГУ, 1985.
96. Виноградов В. Б. К трактовке социального содержания и религиозной оболочки войн и народных движений на Северном Кавказе в эпоху средневековья (VIII—XVIII вв.).—В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во, 1978, вып. 1.

Т- и У-ОБРАЗНЫЕ БУЛАВКИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Тема статьи связана с типологией и археологической интерпретацией двух ярких атрибутов материальной культуры племен Центрального Кавказа и Предкавказья — Т- и У-образных «булавок». Оба вида украшений хорошо известны по публикациям. Очередное возвращение к подобной теме связано с рассмотрением следующих вопросов: построением общей типологической группировки этих изделий с учетом новых данных, определением ареала выделенных групп, исследованием места булавок в составе погребального костюма, а так же с постановкой проблем о связи различных типов булавок с особенностями погребального обряда и рассмотрением форм булавок в качестве источника по этнокультурным процессам на Центральном Кавказе в конце III — первой половине II тыс. до н.э.

Прежде чем перейти к изложению конкретного материала, необходимо очертить круг терминов и понятий, связанных с физико-географическим фоном исследования. Так, под понятием Центральный Кавказ подразумевается физико-географическое подразделение Кавказа, участок Большого Кавказа между Казбеком и Эльбрусом с примыкающими к нему предгорными долинами. Конкретно на южном Кавказе это связано с районом Имеретии, Рача-Сванетии, а так же Шида Картли. К северу от Водораздельного хребта на центральном Кавказе четко выделяется горная зона Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, а так же предгорная зона Осетинской и Кабардинской наклонных равнин. На севере (точнее северо-западе) предгорная зона замыкается районом Кавминвод. Еще далее простирается наклонное Ставропольское поднятие, образующее как в физико-географическом, так и в историко-культурном отношении особую единицу Предкавказья (Ляйстер А. Ф., Чурсин Г. Ф., 1924; Мильков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А., 1976). В кавказоведческой литературе совершенно справедливо поднят вопрос о необходимости конкретной оценки физико-географической среды для выделения локальных археологических культурных группировок (Чеченов И. М., 1974). Среди исследователей, занимающихся проблемами бронзового века населения Большого Кавказа и Предкавказья, имеются различные точки зрения на общую терминологию периодизации и терминологию выделяемых археологических группировок. Поэтому необходимо оговориться о используемой в работе но-

менклатуре по данным вопросам. Под термином «ранний бронзовый век» в Предкавказье подразумевается период распространения памятников майкопской археологической культуры (общности), включая своеобразную прикубанскую группу памятников Новосвободненского типа. На Южном Кавказе под этим же термином понимаются памятники I и II этапов куро-аракской культуры по терминологии К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили (1970, с. 61, 62). Под термином «средний бронзовый век» в Предкавказье имеются в виду все постмайкопские археологически выделяемые группы памятников до времени переходных памятников к позднему бронзовому веку. На Южном Кавказе, по нашему мнению, с понятием среднего бронзового века могут ассоциироваться памятники алазано-беденской и триалетской групп в центральной Грузии, а также памятники сачхерской группы в горной Имеретии. Для обозначения локальных группировок среднего бронзового века центрального Предкавказья В. И. Марковым предложено понятие — центральный вариант северо-кавказской культуры (общности) с возможным более дробным подразделением на группы (Марковин В. И., 1960, с. 125—129; 1970, с. 200). Позже, эти же районы центрального Предкавказья с акцентом на предгорья были обозначены, как кубано-терская культура (Николаева Н. А. 1981). По сути дела под новым понятием «кубано-терская культура» видятся те же памятники центрального варианта Марковина В. И. только с добавлением нового новостроечного материала. Применяемая методика выделения особой кубано-терской культуры, правомерность ее названия вызывают сомнения, поскольку погребальный обряд, керамика, металлический инвентарь, пополнивший старые коллекции, оказались по сути дела неразобранными. Учитывая, что обоснование и выделение конкретных археологических группировок (имеющих или не имеющих этнокультурную окраску), нуждается в особой методике со специальным решением целого комплекса проблем классификации материала, в данной статье мы ограничимся условными понятиями, связанными, прежде всего, с локальным расселением племен среднего бронзового века на Центральном Кавказе и Предкавказье. К таким понятиям относятся сачхерская группа памятников Южного Кавказа, горные группы племен Северной Осетии и Балкарии, предгорные группы

племен Осетинской и Кабардинской наклонных долин., Кавминводская группа памятников, вопрос о выделении которой уже был поднят в литературе (Кореневский С. Н., 1984а). Предложенная группировка, естественно, носит предварительный характер и ее справедливость нуждается в подкреплении новым материалом, а так же более широким методическим подходом с охватом всех атрибутов погребального обряда и проявлений материальной культуры.

Т-образные булавки. Впервые Т-образные булавки были упомянуты в краткой публикации Е. С. Такайшвили, давшей начальные сведения о замечательных древностях бронзового века из кургана у с. Сачхере на севере Грузии (Такайшвили Е. С. 1913, с. 171). Южнокавказские комплексы с такого рода украшениями появились позднее после работ в Имеретии, в Сачхерском районе, Б. А. Куфтина (1944, 1949), а затем О. М. Джапаридзе (1961 с. 124—140, 174—176; 1976, с. 13). Впоследствии Т-образные булавки были открыты на куро-аракских поселениях Хизанаат-гора и Квацхелеби в среднем течении р. Куры (слой В) (Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962; Чилашвили Л. А., 1964; Глonti Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д., 1968; Киквидзе Я. А., 1972). На Северном Кавказе Т-образные булавки были открыты и впервые описаны Б. Е. Дегеном после работ в окрестностях г. Нальчика (Деген Б. Е., 1941, с. 227, 248—153). Новые поступления материалов связаны с новостроечными работами коллектива кабардино-балкарских археологов в 70-е годы (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984, Батчаев В. М., 1984; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1973), а так же раскопками Ростунова В. Л. на могильнике Загли Барзонд в горном районе Северной Осетии 1983 г.¹ К настоящему времени Т-образные булавки южного Кавказа наиболее полно описаны О. М. Джапаридзе (1961, 1976). Внимание к этой категории украшений в плане ее хронологии и происхождения уделено К. Шеффером (Schaeffer С. 1948, р. 516—517), В. И. Марковиным (1960, с. 57, 58, 114), К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили (1970, с. 127, 128), В. А. Сафроновым, Николаевой Н. А. (1973, 1974), Сафронов В. А. (1975), Б. В. Теховым (1980, с. 63, 64). Вопросы классификации Т-образных булавок рассматривал и автор настоящей работы при анализе бронзовых изделий эпохи средней бронзы из Кабардино-Балкарии (Кореневский С. Н. 1984,

с. 264, 271—277), рис. 11, 15, 18, 24). Круг археологических проблем, окружающий Т-образные булавки, обширен. В данной статье затрагиваются только вопросы видового разнообразия этих украшений и их ареала с преимущественным акцентом на проблематику эпохи средней бронзы Предкавказья. Всего учтено более 40 Т-образных булавок с территории южного и северного Кавказа, где их находки известны в среднем течении р. Куры, горной Имеретии, горной Северной Осетии и Балкарии, а так же в предгорной Кабардинской долине. Общим признаком для Т-образных булавок является длинный стержень размерами от 16,5 см до 41 см и со средним значением около 20—22 см., а так же Т-образная перекладина — навершие с дисками на концах. Перекладина может находиться под прямым углом к стержню, с несколько приподнятыми или опущенными концами. В головках булавок иногда проделывались отверстия. Ряд изделий имеет перевитой стержень в верхней части, другие булавки украшены шнуровым орнаментом, волнистым орнаментом-змейкой, а третьи вообще лишены декора (булавки с гладким стержнем). На горных булавках Балкарии присутствуют петли на перекладинах. Исходя из локальных особенностей форм Т-образных булавок наиболее существенными признаками для группировки учтенной серии представляются: гладкий стержень, перевитой стержень, наличие петель на перекладине. Существенным, но варьирующим признаком является наличие в головке отверстия. Дополнительной характеристикой могут служить углы наклона Т-образного навершия, разного рода орнаменты. Всего по учтенному материалу целесообразным представляется выделение трех групп Т-образных булавок. Группа I. Т-образные булавки с гладким стержнем. На Северном Кавказе Т-образная булава с гладким стержнем была обнаружена Ростуновым В. Л. в могильнике Загли Барзонд 1, погребении 7 (рис. 1, 4) расположенном вблизи с. Кобан. Другие булавки этой группы происходят из памятников Южного Кавказа. По сводкам О. М. Джапаридзе (1961), Ц. Абесадзе (1969), К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили (1970) они найдены в курганах Начеркезеви, 1951, погребениях 2, 3—3экземпляра. В 1955 г. — там же — 3 экз., 1 под насыпью и 2 в насыпи. В кургане Царис-гора, 1946, — 1 экз.; в Хизанаат-гора и Квацхелеби, слой «В» — 2 экз., (рис. 1, 2) Сачхере 1952, (рис. 1, 1), Пасиети, 1955 (Абесадзе Ц. 1969, табл. V, 107), Корети (рис. 1, 3),

¹ Приношу благодарность Ростунову В. Л. за любезное разрешение оперировать его еще неопубликованным материалом и за консультации по южнокавказским материалам.

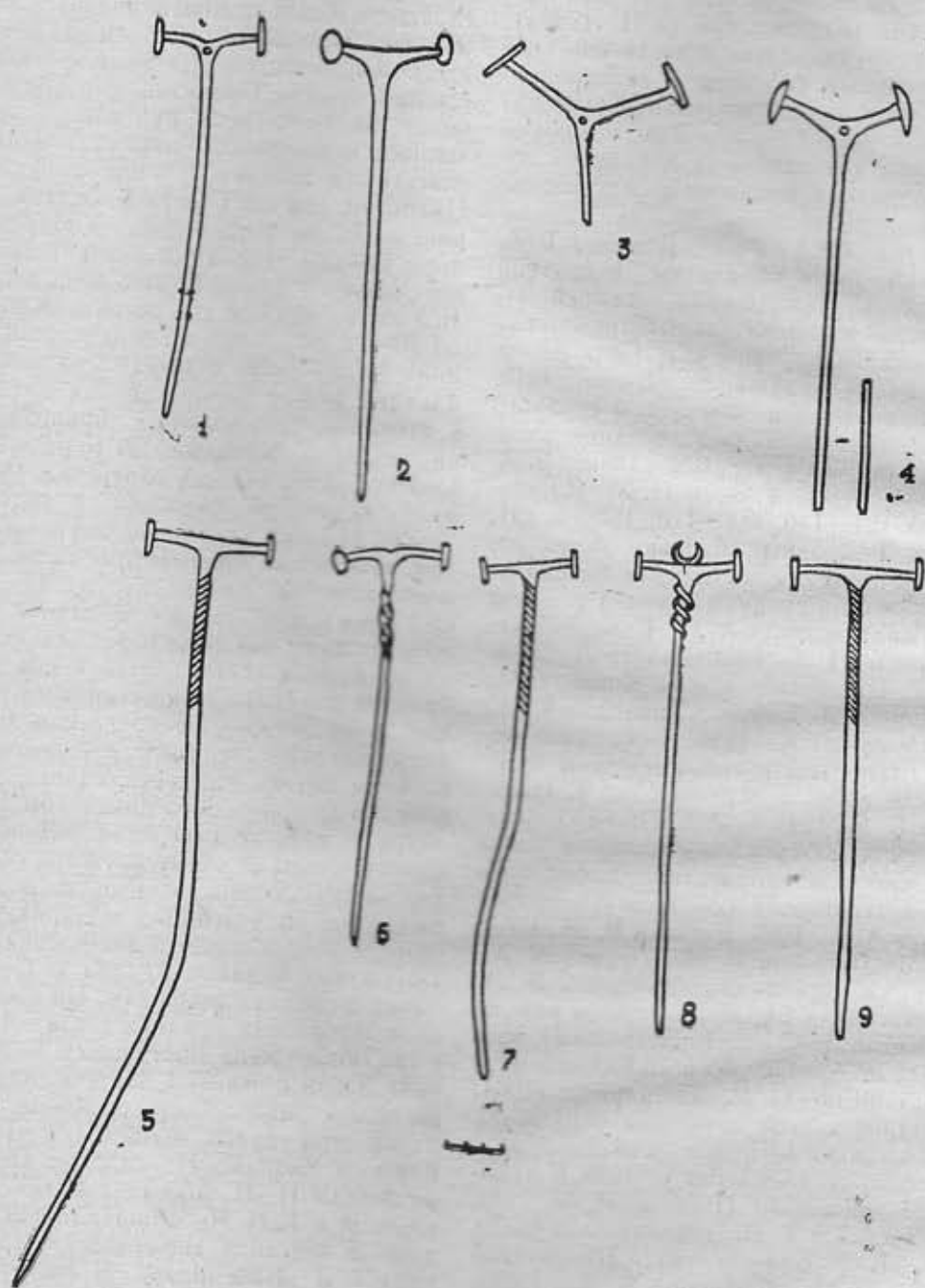

Рис. 1. Т-образные булавы Южного Кавказа и находка в Загли Барзонд. Группа I: 1—Сачхере, 2—Хизанзат-Гора—Квацхелеби, 3—Корети, 4—Загли-Барзонд погребение 7. Группа II: 5, 6—Корети, 7, 8—Начеркезеви, 9—Сачхере. (масштаб около 1:3).

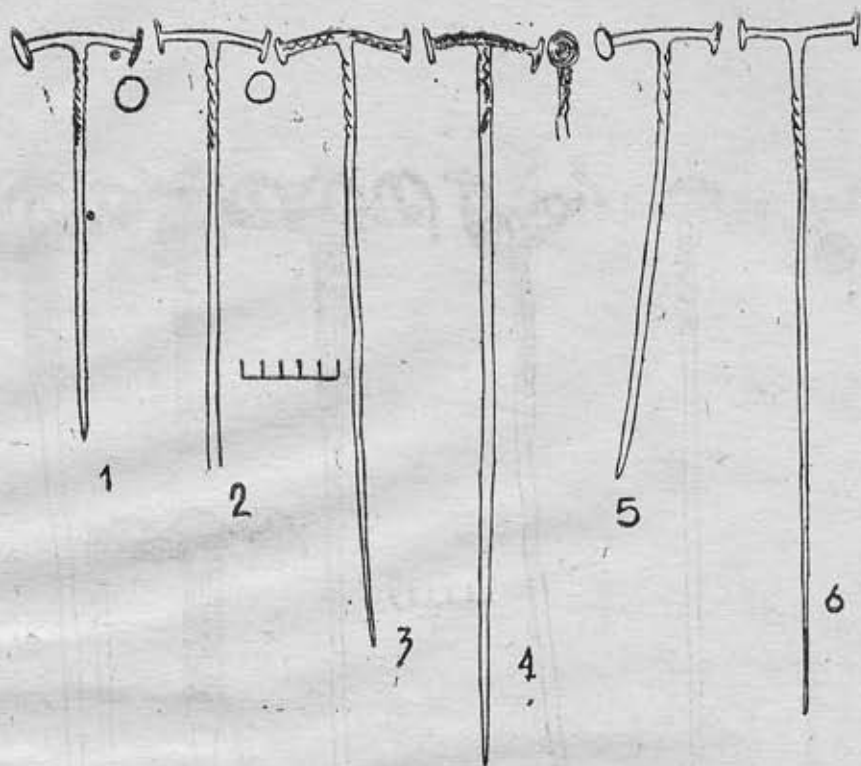

Рис. 2. Т-образные булавы группы II на Северном Кавказе. 1—погребение 9/2 с. Чегем 1, 1972, 2—Нальчик, базки, 3—курган между Нальчиком и Долинским; 4—Нальчик, «садки», 5—погребение 4/1 Кабардинский парк, 6—Эбенецер.

В целом группа I насчитывает более десятка экземпляров, из которых в настоящей работе учтено 13. Основной ареал группы I связан с Имеретией, окрестностью г. Сачхере, где украшения найдены в подкурганных памятниках. Найдены они и в верхних слоях куро-аракских поселений в среднем течении Куры (рис. 1, 2, Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. 1970, с. 74, рис. 26, 14). Экземпляр из могильника Загли Барзонд показывает появление носителей таких украшений в горах Северной Осетии. Для Т-образных булавок группы I свойственны отверстия в головках и некоторая приподнятость концов стержня, но эти признаки наблюдаются не у всех предметов.

Группа II. Т-образные булавы с перевитым стержнем. На Северном Кавказе Т-образные булавы с перевитым стержнем найдены преимущественно в памятниках Кабардинской наклонной долины, откуда они учтены в количестве 6 экземпляров: погребение 4/1 Кабардинского парка в г. Нальчике (рис. 2, 5), погребение 9/2 с. Чегем 1 (рис. 2, 1), внекомплекс-

ные находки из разрушенных погребений колонии Эбенецер (рис. 2, 6), из «садков» (рис. 2, 4), из «базков» (рис. 2, 2), из кургана между Нальчиком и Долинским (рис. 2, 3). В горной Северной Осетии известен единственный экземпляр булавы такого рода из святилища Реком—Цейское ущелье (хранится в фондах Северо-Осетинского музея краеведения № 3614/652). Однако есть подозрение, что он попал туда случайно, поскольку наиболее древний период функционирования святилища — I тыс. до н. э. (кобанская культура)². На Южном Кавказе для настоящей работы учтено 16 экземпляров из Сачхерского района. Курганы в Начеркезеви, 1951, погребения 5, 13, 14; Начеркезеви 1955, погребение 1 и из насыпи (рис. 1, 7, 8); Царцис-Гора, 1946, Корети погребение 3 и 2 экз., из разрушенных погребений (рис. 1, 5, 6); Сачхере 1910, (рис. 1, 9); (Абесадзе Ц. 1969, табл. V, 104). Индивидуальными особенностями обладают две булавы из южнокавказской серии, найденных в Начеркезеви погребении 13 (рис. 1, 8) и в Корети. На

² Выражаю благодарность Ростунову В. Л. за сообщение о рекомском экземпляре.

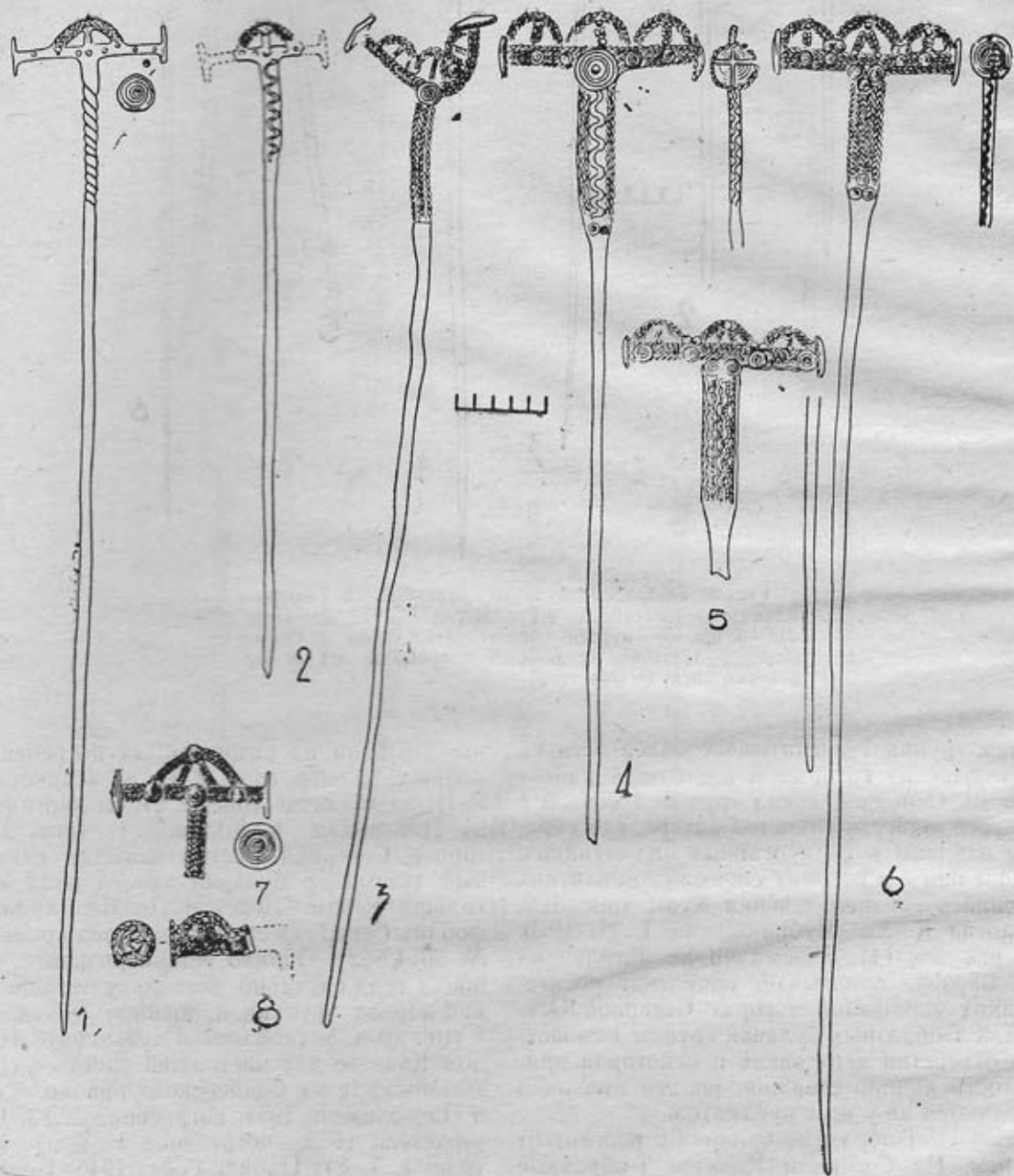

Рис. 3. Т-образные булавки группы III: 1—3, 7—с. Безенги, 4, 5, 8—с. Лошкута, 6—из разрушенного погребения у с. Былым близ г. Тырныауза.

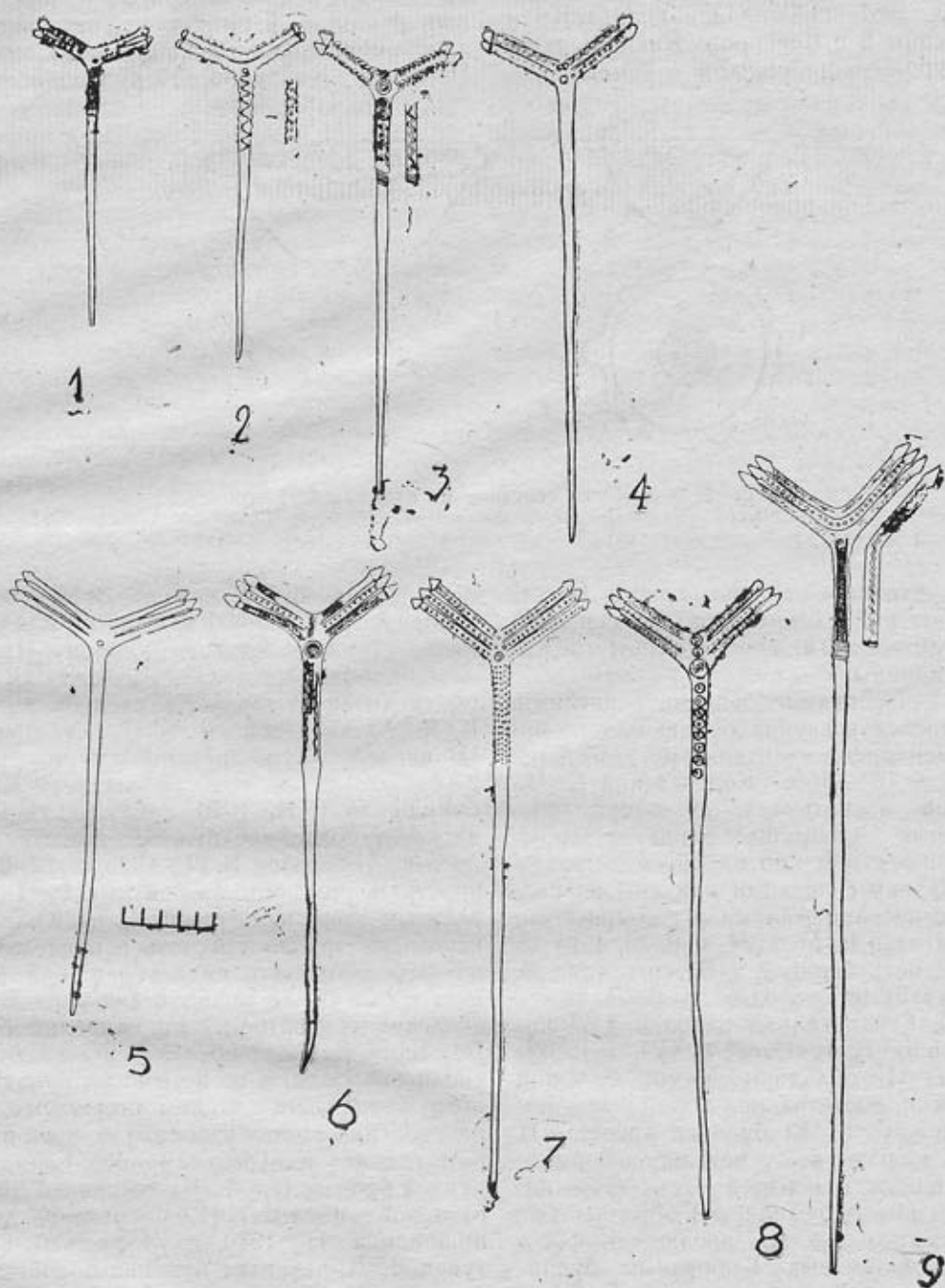

Рис. 4. У-образные булавки: 1 — курган у Советской Дачи. 2—с Средний Урух, 3—погребение 38/1 у с. Чегем II, 4, 6 — Кабардинский парк, 5 — погребение 4/1 с. Лечинкай, 7 — погребение 18/2 с. Лечинкай. 8 — между Нальчиком и Долинским, 9 — у больницы в Нальчике.

первом экземпляре напаяны витки спирали на стержне и прикреплен полумесяц к головке, на втором—имеется отверстие в головке (Джапаридзе О. М. 1961, табл. XIX, 5). Отдельные булавки группы 2 с Северного Кавказа украшались шнуровым орнаментом и «змейками».

скую группу III. Особенности форм и ареала Т-образных булавок могут служить основанием для утверждения, что эти виды изделий производились в различной среде племен эпохи средней бронзы, главным образом в горной Имеретии, Кабардинской долине и горной зо-

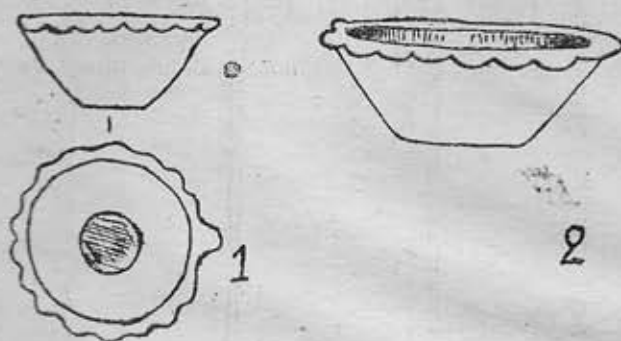

Рис. 5. Конические сосудики из погребений. 1 — погребение 4/1 с. Лечинкай, 2 — погребение 11/11 Суворовского могильника.

В целом по учтенным находкам группа II составляет серию в 23 экземпляра. Ее основной ареал—курганные могильники Имеретии и Кабардинской долины.

Группа III. Т-образные булавки с петлями. Как типологическая группа булавки этого вида уже отмечались в литературе (Батчаев В. М., 1984, с. 157—159; Корневский С. Н., 1984). Группа насчитывает 10 экземпляров, локализованных преимущественно в горах Балкарии и известных по одной находке из Дигории. Булавки с петлями найдены из разрушенных погребений Айлама у г. Тырымауза (рис. 3, 6, Батчаев В. М. 1984, рис. 25, 1, 8) из разрушенных погребений у с. Безенги (рис. 3, 1—3, 7) случайные находки у с. Лашкуга (рис. 3, 4, 5, 8) случайная находка у Дони-фарса (Деген Б. Е. 1941, табл. XVI, 1а). Булавки группы III обладают самой большой длиной стержня, достигающей порой более полуметра. Между собой булавки группы III различаются количеством петель, оформлением перекладки и верхней части стержня. Очевидно учтенные экземпляры Т-образных булавок с петлями отражают эволюцию форм признаков, свойственных Т-образным булавкам без петель к собственно горным Т-образным булавкам с петлями. В целом локализация выделенных трех групп Т-образных булавок позволяет констатировать преимущественно южнокавказскую группу I, в равной степени южнокавказскую и северокавказскую группу II и преимущественно горную северокавказ-

не Центрального Кавказа. Время появления Т-образных булавок I группы на Южном Кавказе возможно отнести к концу III тыс. до н. э., опираясь на находку из слоя «В» памятников Хизанаат-гора—Квацхелеби, относимого К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили к III периоду куро-аракской культуры, 2400, 2300—2000 гг. до н. э. (Кушнарева К. Э., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 62). В. Л. Ростунов датирует появление булавок этого вида 22 в. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 22, 23). Распространение форм Т-образных булавок с перевитым стержнем группы II на Южном Кавказе пока трудно уточнить в пределах общей нижней даты этого вида украшений. Возможно это был более молодой вид украшений, поскольку перевитость стержня на булавках Большого Кавказа появляется только в эпоху среднего Кавказа с гладким стержнем и Т-образным навершием известны в куро-аракских памятниках и в более ранний период эпохи ранней бронзы (слой «В» поселений Хизанаат-гора и Квацхелеби) (Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 74 рис. 26, 34) Ростунов В. Л. датирует булавки подобного рода условно 21—20 вв. до н. э.³ Время появления этого вида украшений в предгорьях Северного Кавказа в пределах общей их нижней даты уточнить так же не представляется возможным. Судя по анализу комплексов, булавки группы II могли распространиться среди населения Кабардинской долины видимо, до

³ См. статью Ростунова В. Л. в настоящем сборнике.

широкого появления в Предкавказье типичных заборов бронзовых украшений — медальонов, столь характерных для комплексов с У-образными булавками. Типологическая близость некоторых Т-образных булавок III группы из горной Балкарии и Дигории к Т-образным булавкам II группы позволяет считать, что в горах Балкарии и Дигории в конце III тыс. до н. э. так же возникает модификация формы Т-образной булавки с перевитым стержнем. Самостоятельно датировать внекомплексные находки группы III практически невозможно. Только в качестве предположения имеет смысл допустить, что они бытовали у местного населения, по крайней мере, до появления комплексов типа Былымского некрополя с булавками, имеющими решетчатую головку (Батчаев В. М., 1984, с. 146—163). По имеющимся данным как северокавказские экземпляры Т-образных булавок, (4/1 Кабардинский парк, 9/2 с. Чегем I, Загли Барзод погребение 1) так и южнокавказские (сахерские) найдены исключительно при костяках, лежащих скрещено на боку. *У-образные булавки.* У-образные булавки в археологический оборот были введены Б. Е. Дегеном в связи с публикацией древностей эпохи средней бронзы окрестностей Нальчика (Деген Б. Е., 1941, с. 254—256). Эта категория предметов рассматривалась им и другими исследователями как типично местная, присущая району Кабардино-Балкарии (Марковин В. И., 1960, Латынин Б. А., 1967, Сафронов В. А., 1974). Находки последних лет из предгорной Северной Осетии у с. Дзаурикау (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 38, рис. 10, 9) и у с. Средний Урух показывают, что У-образные булавки были в обиходе и у племен предгорной Осетинской долины. Таким образом, в пределах Северного Кавказа ареал У-образных булавок связан исключительно с памятниками и территорией предгорных Осетинской и Кабардинской долин. Всего на сегодняшний день нам известно 11 находок У-образных булавок (рис. 4). Общими признаками этого вида украшений является У-образное навершие, состоящее из двух или трех планок, поставленных под углом примерно 120°. Окончания булавок обозначены конусовидными шишечками. По центру головки булавки имеется отверстие. Размеры У-образных булавок колеблются главным образом от 15—16 см до 30 см. Самый крупный экземпляр превосходит по длине стержня 40 см. Варьирующими признаками У-образных булавок служат наличие или отсутствие орнаментации. Большинство булавок украшено оттисками шнура, линиями-змейками, выпуклинами, спиралевидными окружностями. Небольшая серия известных в настоящее время У-об-

разных булавок позволяет наметить только видовые вариации внутри группы, имеющие сугубо формальный характер. Таковыми вариациями могут считаться булавки с двумя перекладинами (рис. 4, 1—4) и тремя перекладинами (рис. 4, 5—9). Несколько своеобразна булавка, не имеющая орнамента (рис. 4, 5). Справедливо ли такое подразделение внутри типа У-образных булавок, должен проверить новый накопленный материал. Отдельные признаки своеобразных У-образных украшений сближают их с Т-образными булавками: длинный стержень, сам факт наличия ветвей-перекладин, завершение перекладин утолщением, как бы заменившим диск. По богатству орнаментации У-образные булавки более сближаются с Т-образными украшениями группы III, среди них пока неизвестно ни одного экземпляра с перевитым стержнем. На У-образных булавках встречаются орнаментальные мотивы выпуклин, такие же как и на молоточковидной булавке из Кабардино-Балкарии (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984, с. 72 рис. 28, 1).

В закрытых комплексах найдено 4 У-образные булавки: погребение 38/1 Чегем II, 1973 (рис. 4, 3), погребение 4/1, кенотаф, у с. Лечинкай (рис. 4, 5), погребение 18/2 Лечинкай 1974 (рис. 4, 7), погребение 3/2 с. Дзаурикау (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 35, 36, 38, рис. 10). Не содержат сведений об устройстве погребений находки условных комплексов Дегена Б. Е. и другие материалы: из кургана у Советской Дачи 1929 г. (Деген Б. Е. 1941 рис. 35, 1, 2), (рис. 4, 1) из «садков 1929 г. (Деген Б. Е. 1941, рис. 34, 3), (рис. 4, 4) кургана в Кабардинском парке Нальчика 1936 г. Деген Б. Е. 1941, рис. 39, 1), (рис. 4, 6), находка у больницы в окрестностях Нальчика 1935 г. (Деген Б. Е. 1941, рис. 38, 1), (рис. 4, 9), находка в кургане между Нальчиком и Долинским (рис. 4, 8), случайная находка из с. Средний Урух (рис. 4, 2).

Комплексы металлического инвентаря, сопровождающие Т- и У-образные булавки в Кабардино-Балкарии частично рассматривались автором и были представлены в виде особой предгорной группы украшений ПР-1. Между наборами предметов с Т-образными булавками и У-образными булавками четко улавливалась разница, позволившая выделить в группе ПР-1 две подгруппы: подгруппу «а» с Т-образными булавками и подгруппу «б» с У-образными булавками и сопряженными с ними в комплексах многовитковыми (3, 4-х витковыми) спиральными браслетами (Корневский С. Н. 1984, рис. 15). Новые находки из Северной Осетии погребений с У-образной була-

кой и захоронений с многовитковыми браслетами подтверждают, с одной стороны, наметенную связь У-образных булавок в комплексах с пружинными браслетами, а с другой стороны, позволяют отнести их к той же подгруппе «б» украшений предгорной группы I (Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1980, рис. 10; рис. 22, 11, 11/2—3; рис. 7, 2, 3; рис. 5, 4, 5). Малочисленность закрытых комплексов с У-образными булавками не позволяет датировать их в пределах среднего бронзового века достаточно дискретно. По имеющимся данным можно заключить, что У-образные булавки вошли в обиход местного населения Предкавказья одновременно с многовитковыми спиральными браслетами, с насечкой, многокомпонентными набросами ожерелий из медальонов разных форм, ложковидными подвесками, разнообразными подвесками стерженьками. По данным кургана № 1 у с. Дзуарикау появление у местного населения традиции захоронения с многовитковыми браслетами здесь следует за существующей традицией с предметами «сачхерского облика» — топором, близким к типу «начеркезев» (Корневский С. Н. 1981, с. 25) и сосудом-триподом (Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1980, с. 20—29, рис. 4, рис. 5). Поэтому можно допустить, что пласт захоронений с бронзовыми многовитковыми браслетами подгруппы «б» группы ПР-1 либо одновременен пласту с характерными «сачхерскими» вещами в Предкавказье — топорами, Т-образными булавками, либо несколько моложе их и горизонта погребений с сосудами-триподами, а так же другими предметами «сачхерского круга вещей». Сосуществуют ли в Предкавказье Т- и У-образные булавки, пока сказать трудно. Находка предметов обоих типов из кургана между Налчиком и Долинским не доказывает этого положения, поскольку комплекс кургана может содержать разновременный инвентарь. Наборы бронзовых украшений комплексов предгорной группы I подгруппы «б» включают немало оригинальных украшений или широко известных декоративных вещей в разнообразных комплексах Предкавказья, а так же для Северного Кавказа в целом. Поэтому приведем несколько примеров, на наш взгляд, сближающихся по аналогиям во времени с группой захоронений с У-образными булавками в Центральном Предкавказье. Так, непосредственно на территории Кабардинской долины горизонт с У-образными булавками может быть сопоставлен с временем погребения 35/1 Чегем II, 1973 (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. 1984, с. 30), входящим по наборам бронзовых украшений в другую предгорную группу 2/ПР-2 (Корневский С. Н. 1984, рис. 16).

Данная параллель возможна, исходя из обнаружения в погребении 35/1 Чегем I и погребении 4/1 Лечинкай 1974 одинаковых и очень редких счетверенных кольцевидных медальонов. Однако видовой набор украшений погребения 35/1 Чегем II, 1973 столь своеобразен, что не укладывается ни в хронологическую схему этапов I и II верхнекубанских памятников А. Л. Нечитайло (1978, рис. 3) ни в схему В. А. Сафронова, этапы I и II, во многом перекликающуюся со схемой А. Л. Нечитайло (Сафронов В. А., 1974). В состав комплексов погребения 35/1 у с. Чегем II входят молотковидная булавка, посоховидные булавки, сильновыпуклые, кованые бляхи, кольцевидные и дисковидные медальоны разных форм. Любопытная параллель возникает при сопоставлении конического глиняного сосуда из погребения 4/1 у с. Лечинкай, где была найдена У-образная булавка, с таким же коническим сосудиком из погребения 11/11 Сувровского могильника на р. Куме. В комплексе последнего захоронения были обнаружены разнообразные шейные украшения в том числе и бляха-медальон дисковидная (Нечитайло А. Л. 1978, с. 81, рис. 32, 18—26). Комплекс погребения 11/11 относится ко второму этапу схемы А. Л. Нечитайло. Оправдано ли такое сравнение, должен показать новый накопленный материал. Однако, на наш взгляд, оно заслуживает внимания, так как конические сосудики в погребениях Центрального Предкавказья в эпоху среднего бронзового века встречаются нечасто и оба экземпляра обладают удивительно одинаковым волнообразным оформлением венчика (рис. 5) (Батчаев В. М. 1984, рис. 19, 3; Нечитайло А. Л. 1978, рис. 32, 26). Еще одна хронологическая параллель горизонту с погребениями, содержащими украшения предгорной группы I подгруппы «б» может быть связана с временем погребений I и 31 могильника Гатын-Кале в горной Чечено-Ингушетии, в которых были найдены похожие многовитковые пружинные браслеты с насечками (Марковин В. И. 1963, рис. 1, 9; рис. 23, 2, 3). Исследователи, как правило, относят период распространения У-образных булавок в Предкавказье к развитому этапу среднего бронзового века (Марковин В. И. 1960, с. 58). Конкретная датировка этого времени только по комплексам металлических украшений с У-образными булавками без привлечения других материалов вряд ли оправдана и сама такая задача выходит за рамки работы. Поэтому мы можем лишь отметить, что комплексы с У-образными булавками, видимо, находятся в пределах периода с конца III тыс. до н. э. по середину II тыс. до н. э. и может быть не-

связь моложе появления в Предкавказье форм Т-образных булавок.

Погребения с У-образными булавками, в которых сохранились костные останки, все связаны с обрядом погребения скорченного на боку положения покойного: 18/2 Личинкай, 3/2 Дзуарикау. С этим же обрядом сопряжены и находки в погребениях многовитковых браслетов предгорной группы украшений I.

Вопрос об утилитарном предназначении Т- и У-образных булавок давно интересовал исследователей. Методически его можно решать видимо только на уровне гипотетических предположений, опираясь на анализ самой формы булавки, ее места в погребении относительно костяка. Имеющиеся факты говорят о следующем. В погребениях с сохранившимися костными останками Т- и У-образные булавки всегда лежат поперек грудных костей скелетов. В ряде случаев Т-образное и У-образное навершие выведено «за спину» покойного (покойной?). В этой связи трудно судить достоверно, действительно ли такое положение булавок связано с «пожизненным» ношением или такая позиция отражает лишь обрядовое местоположение предметов. С другой стороны, сама поза погребенного — скорченного на боку — могла исказить «пожизненное» расположение булавки в костюме, в котором, естественно, все детали рассчитывались на вертикальную позу человека. Поэтому очевидно только одно: Т- и У-образные булавки в погребальном обряде принадлежали верхней части костюма, при этом головки булавок были направлены в сторону черепа или за теменные кости. Не исключено, что головки булавок могли крепиться шнурком к какому-то головному украшению: ленте, шапочке или еще к чему-то. Для этой цели, надо полагать, служило отверстие в головке, форма Т-образного навершия так же удобна для прикрепления шнурка петлей. В литературе существует мнение, согласно которому Т- и У-образные булавки, как и другие «длинные» булавки Большого Кавказа были застежками грубошерстной одежды (Крупнов Е. И. 1951, с. 58). Версия об использовании Т- и У-образных булавок в качестве застежек была бы безупречна, если бы не следующие обстоятельства. Сама форма длинной булавки, достигающей 40—50 см, на наш взгляд, мало пригодна для такой цели, так как булавка очевидно станет мешать движению. Во-вторых, слоды самой грубошерстной одежды в погребениях эпохи средней бронзы пока не найдены. В-третьих, в случае действительного употребления булавок, как нагрудных застежек, нам приходилось бы ожидать находок этих предметов перед грудными, лицевыми костями скелетов, лежащих на боку скорчено, а не по-

перек шейных позвонков, как в захоронении 18/2 у с. Личинкай (Батчаев Б. М. 1984, с. 120, рис. 6) или за теменными костями у плеча, как в погребении 3/2 в Дзуарикау (Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1980, с. 38, рис. 10). Б. Е. Деген рассматривал Т- и У-образные булавки как культовые предметы (1941, с. 256). Само по себе такое предположение пока трудно подтвердить или опровергнуть. Новый накопленный материал, на наш взгляд, вряд ли может отрицать обе высказанные версии о предназначении Т- и У-образных булавок, а так же позволяет сделать некоторые добавления. Они связаны с тем, что формы Т- и У-образных булавок можно рассматривать как явные детали локального костюма племен Центрального Кавказа в эпоху средней бронзы. Имеющиеся данные, бесспорно, указывают на связь этих форм булавок с верхней частью погребального костюма. Наряду с декоративной, культовой семантикой форм и орнаментов Т- и У-образных булавок они могли выполнять или нести нагрузку как предметы, отмечающие какой-то социальный ранг погребенного (или погребенной). Последняя версия не лишена оснований, так как, например, комплексы с У-образными булавками в рамках эпохи средней бронзы Предкавказья отличаются многообразием металлического декоративного инвентаря, своего рода «богатством» погребального костюма.

Подводя итог исследованию возможно отметить следующее: формы Т- и У-образных булавок Центрального Кавказа и Предкавказья могут служить своего рода источниками для характеристики этнокультурных процессов в этом регионе по археологическим данным. Судя по типологии, ареалу украшений они всегда тяготеют к какой-то определенной группе памятников, за которой может скрываться и конкретная локальная этнокультурная среда. Так, Т-образные булавки группы I связаны прежде всего с сачхерскими племенами Имретии и под их влиянием могли попасть в горы Северной Осетии. Т-образные булавки группы II, характерные для населения сачхерской группы, на Северном Кавказе, очевидно, так же используются в какой-то близкой по погребальным обрядам и материальной культуре этнокультурной среде, на что уже обращали внимание исследователи (Марковин В. И. 1960, с. 127, Ростунов В. Л. 1985, с. 94, 95). Т-образные булавки группы III, связанные по ареалу с горами Балкарии и Дигории, позволяют поставить вопрос о существовании здесь в эпоху средней бронзы так же своеобразной этнокультурной среды горцев, о материальной культуре и обрядах которых мы пока не имеем достаточного представления.

Исследователи, занимающиеся вопросами взаимовлияний и контактов племен Центрального Кавказа и Предкавказья с племенами различных групп северокавказского населения эпохи средней бронзы, а так же с племенами юга Восточной Европы, не раз обращали внимание на похожесть форм Т-образных длинных булавок и молоточковидных булавок из кости и бронзы. Объективные данные для таких сопоставлений имеются.

В последние годы открыты даже молоточковидные булавки с перевитым стержнем (Лесков А. М. 1985, с. 15), однако, между формами Т-образных булавок и молоточковидных булавок есть и очевидные отличительные признаки. Появление «перевитости» бронзового стержня на молоточковидных булавках, на наш взгляд, может служить основанием для хронологического сопоставления таких украшений с Т-образными булавками II группы. А сам прием перекручивания стержня на молоточковидных булавках мог появиться вследствие заимствования его из среды племен, широко практиковавшей такой элемент декора в Центральном Предкавказье и горной зоне Большого Кавказа. В литературе не раз рассматривались вопросы о происхождении Т-образных булавок от молоточковидных или наоборот (Деген В. Е. 1941, с. 256; Сафронов В. А. 1973, 1974; Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1975). В данной работе не ставится цель рассмотрения этого самого по себе методически очень сложного вопроса. Лишь в качестве комментария необходимо отметить неточности в аргументах, на основании которых костяные молоточковидные булавки выводятся из форм бронзовых Т-образных булавок. Так, опубликованное предположение о том, что костяные молоточковидные булавки из кургана у станции Минутка под Кисловодском и случайная находка у с. Ардон в Северной Осетии являются наиболее древними образцами костяных булавок, поскольку они по пропорциям более близки к Т-образным булавкам, вряд ли справедливо. (Сафронов В. А. 1974, рис. 12, 77, 78, Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1975, с. 17). Булавка с навершием из кургана у станции Минутка является не костяной, а бронзовой (Королев В. Б. 1962, с. 264 рис. 1, 1; Латынин Б. А. 1967, с. 63, рис. 586). Булавка, опубликованная Б. А. Латыниным с подписью «с. Ардон» (Латынин Б. А. 1967, с. 64, рис. 62, г), на самом деле, происходит из кургана на Базарной площади в Пятигорске и так же является бронзовой (архивные данные А. П. Рунича). Сопоставление молоточковидных костяных булавок с обломком молоточковидной подвески из с. Корниси, воспринимаемым за обломок Т-образной булавки, вряд ли оправ-

дано (Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1975, с. 16, рис. 3, 1; см. Техов Б. В. 1980, с. 61—71).

Ареал У-образных булавок в Предкавказье связан исключительно с территорией Осетинской и Кабардинской наклонных равнин и позволяет рассматривать этот вид украшений как типично местный, а так же поставить вопрос о его возникновении в данном районе. Одним из прототипов У-образных булавок могла стать несколько более древняя форма Т-образных булавок населения Центрального Предкавказья, распространенная в той же самой среде населения со скорченным на боку обрядом погребения сородичей. Вместе с тем не исключено, что на способы декорации У-образных булавок могли оказать влияние общие предкавказские традиции орнаменталистики бронзовых украшений шнуровыми отпечатками, волнообразными линиями-змейками. Этнокультурная принадлежность У-образных булавок определяется в рамках их отношения к племенам предгорных Осетинской и Кабардинской долин, к среде населения, хоронившей сородичей в скорченном на боку положении. Здесь, правда, следует сразу оговориться, так как мы не можем утверждать, что такая среда была вся этнически единой. В настоящий момент можно лишь поставить вопрос о том, что эта среда действительно существовала и отличалась от другой среды населения, придерживавшейся обрядов погребения сородичей на спине в скорченном или вытянутом положении. О необходимости постановки такого вопроса можно говорить на основании металлических атрибутов погребального костюма, выделенных ранее украшений предгорной группы 1 (ПР-1) и украшений предгорной группы 2 (ПР-2) (Корневский С. Н. 1984). Если рассматривать комплексы группы ПР-1 согласно позам скелетов в могилах, то все они будут связаны с традициями захоронения покойных в скорченном на боку положении. В ассортимент украшений группы ПР-1, как уже отмечалось, входят Т- и У-образные булавки, многовитковые браслеты, ряд своеобразных медальонов и другие изделия. Для погребений другой группы украшений ПР-2, включающей в себя такие ведущие типы, как молоточковидные булавки разных форм, посоховидные, дуговидные булавки, кованные слабо и сильно выпуклые бляхи, литые бляхи с двумя отверстиями, будут характерны позы скелетов скорченных на боку, а так же в положении на спине скорчено или вытянуто. Далее на север комплекс украшений группы ПР-2 исключительно связан в Прикубанье, на Кавминводах, Ставрополье с обрядом скорченного на спине и вытянутого на спине способа погребения соплеменников.

Это наблюдение ставит на повестку дня проблему о взаимодействии в пределах наклонных Осетинской и Кабардинской равнин двух различных обрядовых традиций погребения умерших со скорченными на боку позами покойных и с позами покойных на спине в вытянутом или скорченном положении, которые сопровождалась различными типами бронзовых украшений. Прежде всего «длинными» Т- и У-образными булавами, с одной стороны, сопряженными в погребениях с бронзовыми пружинными браслетами, и, с другой стороны, молоточковидными, посоховидными булавами разных видов, сопровождающихся наборными браслетами из сегментов, кованными и литы-

ми бляхами. Однако конкретная дальнейшая разработка такой темы требует уже привлечения всего фонда источников по погребальному обряду, особенно керамики. Как источник по этнокультурным процессам населения Центрального Кавказа, Т-образные булавы могут отражать занесение из Северной Грузии традиций форм подобных изделий на Северный Кавказ и их местные модификации в долинах и горах Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Эти модификации проявились в формах Т-образных булавок группы II со шнуровым орнаментом, Т-образных булавок группы III и формах У-образных булавок⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Абесадзе Ц. Н. 1969. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. (куро-араксинская культура).—Тбилиси. (на груз. яз.).
- Батчаев В. М. 1984. Погребальные памятники у селений Лешинкай и Былым.—Сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек.—Сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Глonti Л. И., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д. 1968. Некоторые итоги полевых работ 1964 г. Урбинской и Квирильской археологической экспедиции.—Вестник Государственного музея Грузии, вып. XXV-B. Тбилиси.
- Джапаридзе О. М. 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры.—Тбилиси. (на груз. яз.).
- Джапаридзе О. М. 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии.—Тбилиси.
- Деген Б. А. 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.—МИА, вып. 3. М.—Л.
- Киквидзе Я. А. 1972. Раннебронзовое поселение Хизанат-гора.—Тбилиси.
- Корневский С. Н. 1981. Втульчатые топоры-оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа.—Сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Корневский С. Н. 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии.—Сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Корневский С. Н. 1984а. Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах.—XIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Майкоп.
- Королев В. Б. 1962. Могильник эпохи бронзы в окрестностях г. Кисловодска.—СА, 1.
- Крупнов Е. И. 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, вып. 23.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. 1970. Древние культуры Южного Кавказа.—Л.
- Куфтин Б. А. 1944. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе.—Вестник Государственного музея Грузии, вып. XII-B. Тбилиси.
- Куфтин Б. А. 1949. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию.—Тбилиси.
- Латынин Б. А. 1967. Молоточковидные булавы, их культурная атрибуция и датировка.—Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 9. Л.
- Лесков А. М. 1985. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки.—М.
- Ляйстер А. Ф. и Чурсин Г. Ф. 1924. География Кавказа.—Тифлис.
- Марковин В. И. 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).—МИА, вып. 93.
- Марковин В. И. 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне.—Сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Мизнев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. 1973. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии.—Нальчик.
- Мильков А. Ф., Гвоздецкий Н. А. 1976. Физическая география СССР.—М.

⁴ Более подробно эти положения рассматриваются в статье Ростунова В. Л. в настоящем сборнике. Пользуясь случаем отметить собственные неточности в таблице группы ПВ-2, опубликованной в 1984 г., рис. 16. Надо читать: с. Чегем II, к. 3, п. 3, п. 18, Кишпек, 1975, к. 3 п. 3, Чегем II, 1975, к. 6 п. 3. Уточнения: в комплексе 18/1 Кишпек 1974 есть медальон ПМК-6, височная подвеска С. в погребении 33/1 Чегем II, 1973 — медальон ПМД-6, ПМД-2, Чегем II, 1972, — медальон ПМК-2, 1/28 Кишпек 1974 — подвеска ПЛЖ-1, 6/3 Чегем II, 1975 — подвеска С, 1/5 Чегем II, 1972 — подвеска ПС-2. В комплексах лет 54/1 Чегем I, 1974, — медальон ПМД-2, 1/28 Чегем II, 1972 — подвески ПС-2, 6/3 Чегем II, 1975 — подвески ПС-2. В тексте пропущены индексы номенклатуры химико-металлургических групп: группа МД — (...мышьяк меньше 0,4%), группа МН — (...никель больше, равен 0,2%); группа М — (...мышьяк равен, больше 0,4, 0,5%); группа МСМ — (...сурьма равна, больше 0,15%); группа МСВ — (...свинец равен, больше 0,3%); группа МВ — (...висмут равен, больше 0,1%); группа МЦ — (...цинк равен, больше 0,1%), страница 277 — ...бляха ПМД-1. Уточнения в таблице группы ПР-2 даются после полной публикации материалов. На суть выделения групп украшений групп ПР-1 и ПР-2 они не влияют. (Корневский С. Н. 1984).

Нечитайло А. Л. 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке.—Киев.

Николаева Н. А. 1980. Выделение Кубано-Терской Дачи. 2—с. Средний Урух, 3—погребение 38/1 у верном Кавказе.—Сб.: Проблемы археологии Северной Осетии, Орджоникидзе.

Николаева Н. А. 1981. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху.—Сб.: Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1975. Происхождение костяных молоточковидных булавок.—КСИА, № 142, М.

Николаева Н. А., Сафронов В. А. 1980. Курганский могильник эпохи бронзы у с. Дзаурикау.—Сб.: Проблемы археологии Северной Осетии, Орджоникидзе.

Ростунов В. Л. 1985. Куро-аракская культура на центральном Кавказе (к вопросу об истоках и путях миграции)—Сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Ростунов В. Л. 1985. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронологический и историко

археологический аспекты миграции).—Сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Сафронов В. А. 1973. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок.—КСИА, № 134.

Сафронов В. А. 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.—Сб.: Сообщения научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР, вып. VII, Москва.

Чеченов И. М. 1974. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.—Сб.: Археолого-этнографический сборник, Нальчик.

Чилашвили Л. А. 1964. Городище Урбинси.—Тбилиси.

Такайшвили Е. С. 1913. О сачхерском кургане Шоропанского уезда.—Известия Кавказского отделения Московского археологического общества т. III, Тифлис.

Техов Б. В. 1980. Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника.—Сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века, М.

Schaeffer C. F. 1948. Stratigraphie comparée et chronologie de L'Asie occidentale, London, 1948.

В. Л. Ростунов

ВОПРОСЫ БЫТОВАНИЯ КУРО-АРАКСКИХ ПЛЕМЕН НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ И ИХ РОЛИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III — НАЧАЛА II тыс. до н. э.

Хронология бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе может определяться методом перекрестной датировки, с учетом стратиграфии бытовых и погребальных памятников Центрального Закавказья, а также курганной стратиграфии на Центральном Кавказе; существенную помощь оказывает типологический анализ находок в местных центральнокавказских комплексах эпохи ранней — начала средней бронзы изделий закавказского происхождения, а также ряда предметов из куро-аракских погребальных комплексов Центрального Кавказа, имеющих локальный круг закавказских аналогий.

Хронология закавказских стратифицированных памятников III тыс. до н. э. рассматривалась нами в предшествующих публикациях (Ростунов В. Л., 1985, с. 3—42; 91—130).

Времени появления и особенностям распространения куро-аракских племен на Центральном Кавказе уделено специальное внимание в ряде исследований В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой (Сафронов В. А. 1978, с. 72—74; его же: 1979, с. 11—12; Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 18—80; Николаева Н. А., 1981, с. 77—100).

Основные выводы В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой сводятся к следующему:

1. Появление куро-аракских племен на Северном Кавказе произошло на втором этапе «кубано-терской культуры» (не ранее XXI в. до н. э.); в этот период куро-аракские племена «мирно сосуществуют с КТК, не смешиваясь с ними. Металлурги ККА сохраняют свои, присущие куро-аракской культуре формы орудий и украшений (топоры, ножи, двуволютные и Т-булавки). Гончары КТК знакомы с куро-аракской керамической традицией, но не перенимают ее¹. Не наблюдается взаимовлияний в погребальном обряде» (Николаева Н. А., 1981, с. 85).

2. Постепенно металлурги куро-аракской культуры передают свое умение и навыки племенам «кубано-терской культуры» вместе с привычными формами бронзовых предметов (Т-образные булавки, двуволютные булавки, многовитковые браслеты, кованые ленты с пунсоным орнаментом, серебряные сплошные круговые подвески, топоры, книжалы). «Николаева Н. А., 1981, с. 87»².

К числу комплексов, содержащих куро-аракские черты, Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым относились погребения 2/1 и 4/1 Кабардинского парка в Нальчике (Сафронов В. А., 1978, с. 74; Николаева Н. А., 1981, с. 83); погребения 1/15, 2/2, 2/6, 4/5, 4/6, 5/2, 7/1, 7/3

¹ Не совсем понятно, каким образом тогда установлено знакомство гончаров КТК с керамической традицией куро-аракских племен.

² Эти положения изложены в статье Н. А. Николаевой в тезисной форме и не подтверждены аргументацией.

Дзуарикауского курганного могильника (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 18—80).

Появление на Центральном Кавказе в конце III тыс. до н. э. памятников закавказского происхождения связывается исследователями исключительно с куро-аракской традицией, причем куро-аракскими считаются памятники типа Сачхере (Сафронов В. А., 1978, с. 73—74; его же: 1979, с. 11—12; Николаева Н. А., 1981, с. 82—83).

Наиболее ранними комплексами с куро-аракскими чертами авторами считаются три погребения Дзуарикауского могильника: погребение 1/15, содержащее, по мнению исследователей, куро-аракские металлические изделия (Сафронов В. А., 1978, с. 73; его же: 1979, с. 10—11; Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 25, 27, 29; Николаева Н. А., 1981, с. 82); погребение 2/6, содержащее 2 сосуда «кубано-терской культуры» и 2 — с куро-аракской традицией (чернолощенные на желтой «подкладке» — Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 30, 31; Николаева Н. А., 1981, с. 85) и погребение 5/2, содержащее 3 сосуда «кубано-терской» и 2 сосуда куро-аракской атрибуции (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 40, 43, 44; Николаева Н. А., 1981, с. 85). Наиболее поздними в могильнике авторы раскопок считают погребения в каменных ящиках и гробницах (4/5, 4/6, 7/1, 7/3 — Сафронов В. А., 1978, с. 72—74; Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 36—40; 44—49); в качестве аргумента в пользу вывода о наиболее позднем времени сооружения данных комплексов в могильнике служит, по мнению Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова, факт «исчезновения на сосудах черного лощения и светлой «подкладки», что связывается с «утратой важнейшей технологической традиции керамики куро-аракской культуры на позднем этапе» (Сафронов В. А., 1978, с. 72, 73)³. Подобное утверждение ошибочно, поскольку исходит из убеждения авторов об однокультурности и идентичности куро-аракских и сачхерских комплексов.

Особенности развития этнокультурных процессов, в частности факт слияния куро-арак-

ских племен с местными северокавказскими в конце III — начале II тыс. до н. э., фиксируемый на материалах Дзуарикауского могильника, Н. А. Николаева и В. А. Сафронов механически распространяют на весь Северный Кавказ (Николаева Н. А., 1981, с. 86—88), что методически неверно при отсутствии подобных данных из других районов Северного Кавказа, подтверждающих данные Дзуарикауского могильника. На наш взгляд, к обобщающим выводам об особенностях этнокультурных процессов в регионе следует обращаться только после анализа всех имеющихся материалов локальных районов изучаемого региона, с обязательным учетом природно-географических зон этих районов (в данном случае — горы и предгорно-плоскостная зона); подобных наблюдений Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым произведено не было, что не позволяет нам согласиться с выводами исследователей.

Данные исследований памятников с закавказскими чертами на Центральном Кавказе (Б. Е. Деген, Е. И. Крупнов, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, Р. М. Мунчаев, В. П. Любин, Р. Ж. Бетров и др.), полная публикация материалов Дзуарикауского могильника (Николаева Н. А., Сафронов В. А.) новые материалы раскопок в Кабардино-Балкарии (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., Батчаев В. М.), а также материалы раскопок Н. И. Гиджраты и наших исследований в Кобанском ущелье СО АССР позволяют пересмотреть ряд положений Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова о хронологии и культурной атрибуции комплексов с закавказскими чертами второй половины III — начала II тыс. до н. э. на Центральном Кавказе.

Горная зона восточной части Центрального Кавказа (Северная Осетия) представлена в настоящее время тремя бытовыми памятниками куро-аракской культуры (стоянки Шаулагат и Мыштулагты-лагат, поселение Загли Барзонд) и тремя куро-аракскими могильниками (нижнекобанский могильник и два могильника на холме Загли Барзонд). Высота памятников над уровнем моря — 1300—1600 м.

Пещерная стоянка Шаулагат по характеру

³ По поводу последнего вывода необходимо отметить, что, во-первых, в указанных комплексах присутствуют сосуды на красной «подкладке» (см.: Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, табл. 1, № 96, рис. 17, П₄; № 102, рис. 17, П₁₀); во-вторых, черное лощение и красная «подкладка», являясь одним из важных технологических признаков куро-аракской керамики, отнюдь не преобладают в ней, составляя лишь определенную часть куро-аракского керамического производства (см.: Чубинишвили Т. Н., 1963, с. 63—74; Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, с. 29—32; Киквидзе Я. А., 1972, с. 58—75 и др.). Напротив, в посткуро-аракских памятниках сачхерского круга данные признаки становятся руководящими и фиксируются на большинстве сосудов (Джапаридзе О. М., 1961, с. 124—141). Таким образом, отсутствие на сосудах из некоторых куро-аракских комплексов (погребений) черного лощения и красной подкладки не может служить хронологическим критерием.

культурного слоя куро-аракского периода (слой практически отсутствует; зафиксированы только хозяйственные ямы) относится исследователями к разряду временных сезонных поселений (Любин В. П., 1960, с. 49—54; Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 110 и др.). К этой же категории можно отнести и пещерную стоянку Мыштулагты-лагат, с незначительным культурным слоем мощностью 0,15—0,20 м.

Дату стоянки Шау-лагат могут определять находки здесь роговидных очажных подставок—XXIV—XXV вв. до н. э. (Ростунов В. Л., 1983, с. 121—131).

На время стоянки Мыштулагты-лагат может указывать находка в III (куро-аракском) слое костяного подражания бронзовым ближневосточным булавам *toggle-pins* (рис. 2, 1); данный экземпляр обнаруживает точные аналогии с булавами из XXVII и XXIV горизонтов Библа (Schaeffer C. F., 1948, fig. 68, 30, 34). Выше нами было определено время проникновения таких изделий в Центральное Закавказье — конец 24—23 вв. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 4, 5, 8).

Подтверждать эту дату может находка в III слое Мыштулагты-лагат костяного наконечника стрелы (рис. 2, 2), обнаруживающего аналогии костяным наконечникам стрел из слоев «С» Хизанаант-гора и Квачхелеби (Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, с. 26, 28, табл. IV, 287, 422; Киквидзе Я. А., 1972, с. 15, рис. 2); Глonti Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д., 1968, с. 5, табл. III, 30), датированных нами концом 24—23 вв. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 18—23).

Поселение на холме Загли Барзанд в настоящее время не исследовано, однако на время его функционирования могут указывать материалы могильника Загли I и Загли II, относящихся к поселению⁴.

Северокавказскую линию синхронизации комплексов определяет находка в погребении № 2 Загли II бронзового втульчатого топора

рис. 1, 1) новосвободненского типа (тип 2, по С. Н. Кореневскому (Кореневский С. Н., 1974, с. 18—22); подобные топоры известны в позднемаякопских и новосвободненских комплексах, что определяет их дату временем ок. 23 в. до н. э.

Закавказскую линию синхронизации комплексов определяет находка в погребении № 3 Загли I бронзовой двуволютной булавки с неразделенными волутами (рис. 2, 5). Верхняя часть головки этой булавки обломана⁵; подтреугольное расплющенное верхнее основание стержня и многовитковость волут (3 витка) позволяют найти точные аналогии этой булавке на Южном Кавказе.

Дуволютные булавки с неразделенными волутами известны из погребения № 5 могильника Твлеппа-кохи (слой «С») (Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, с. 25, табл. XXXVI) и из погребения № 44 могильника Хизанаант-гора (Чилашвили Л. А., 1964, с. 10, 20, рис. 4, 1). Возможно, такая же булавка происходит из нижнего горизонта Бешташени (Куфтин Б. А., 1943, с. 116, рис. 70), где была найдена волута такой булавки⁶.

Датировка слоев «С» Хизанаант-гора и Квачхелеби концом 24—23 вв. до н. э., проведенная нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 18—25, табл. IV), а также датировка нижнего горизонта Бешташени, верхняя хронологическая граница которого устанавливается концом 23 в. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 25—26, табл. III) позволяет нам синхронизировать погребение № 3 Загли I с указанными горизонтами закавказских поселений и датировать его 23 в. до н. э.

Поскольку погребение № 3 содержит смешанные шида- и квемокартлийские элементы обряда захоронения и керамики⁷, нам представляется возможным уточнить дату погребения и датировать его, исходя из определенного выше времени миграции куро-аракского населения из Центрального Закавказья, концом 23—началом 22 в. до н. э.

Аналогичные особенности погребения № 2

⁴ Площадь, занимаемая могильником Загли I, составляет ок. 4 га; площадь могильника Загли II в настоящее время не установлена; однако уже известные размеры могильников свидетельствуют о долговременном, стационарном их функционировании, в отличие от временных стоянок типа Шау-лагат и Мыштулагты-лагат.

⁵ Определение С. Н. Коренева, которому приношу глубокую благодарность за консультацию.

⁶ Верность реставрации булавки из Бешташени Б. А. Куфтиным ставится некоторыми археологами под сомнение (см.: Чилашвили Л. А., 1964, с. 21, прим. 32). Мы присоединяемся к мнению Л. А. Чилашвили об ошибочности реставрации навершия булавки в виде «бараньей головки», поскольку последние имеют не более 1—1,5 витков волуты и цилиндрический стержень. Многовитковость волуты бешташенской булавки (3 витка) позволяет сблизить ее с булавами из Хизанаант-гора и Квачхелеби.

⁷ Каменный ящик и двучастность форм сосуда I — квемокартлийские черты; двуволютная булавка — шидакартлийский элемент; височная подвеска в 1,5 оборота — общий атрибут для шида и квемокартлийского локальных вариантов.

Загли II⁸, содержащего топор новосвободненского типа, позволяет нам в целом определить время появления мигрирующего куро-аракского населения в горных районах восточной части Центрального Кавказа—рубеж 23/22 вв. до н. э.

На время функционирования куро-аракских памятников горных районах Центрального Кавказа может указывать еще ряд характерных изделий эпохи ранней бронзы, находящихся себе аналогии по обе стороны Главного Кавказского хребта.

Т-образная булава с гладким стержнем (рис. 2, 3) (группа I, по С. Н. Кореневскому (Кореневский С. Н., 1986, с. 15) из погребения № 7 Загли I⁹ — единственная находка из 29 исследованных к настоящему времени куро-аракских погребений восточной части Центрального Кавказа,— позволяет нам сделать вывод о нетипичности такого рода украшений для погребальной утвари могильников куро-аракского населения. Центр распространения Т-образных булавок с гладким стержнем, как отмечалось нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 22, 114, прим. 26), лежит в сачхерском районе Северной Грузии, что позволяет нам сделать вывод о чужеродном, превносом характере данного изделия в куро-аракских памятниках Центрального Кавказа и Закавказья¹⁰.

Дополнительным свидетельством этому положению может служить факт совместной находки в погребении № 7 Т-образной булавы I группы с двумя многовитковыми браслетами (рис. 1, 5, 6); в сачхерских могильниках ни одного многовиткового браслета не зафиксировано, (за исключением случайных находок) в отличие от куро-аракских комплексов Шиды Картли (слои «С» Хизанаант-гора и Квацхелеби) и Эларского могильника в Армении; единственный браслет из Сачхере (Начеркезеви, 1955, в насыпи кургана (Джапаридзе О. М., 1961, с. 131, табл. XIII, 5) имеет форму кольца с несомкнутыми концами.

Для уточнения хронологической позиции Т-

образных булавок с гладким стержнем в Сачхере могут служить находки в Начеркезеви двух таких булавок с трехручными сосудами (Начеркезеви, 1951, погр. № 2, 3 — Джапаридзе О. М., 1961, с. 125, 126; табл. X, 1; XI, 1).

Традиция изготовления трехручных сосудов бытует в куро-аракское время (I горизонт Амиранис-гора, слой «С» Хизанаант-гора и Квацхелеби, Кулбакеби, Озни и др.); в посткуро-аракских памятниках Центрального Закавказья (III горизонт Амиранис-гора, верхний горизонт Бешташени, слой «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби, «древние курганы Триалети», Дзагина и др.) эта традиция исчезает. Морфология трехручных сосудов из Начеркезеви также не соответствует морфологии куро-аракских сосудов. Вероятно, находка двух трехручных сосудов из Начеркезеви свидетельствует о частичном переживании куро-аракской традиции в посткуро-аракское время, выражением чего и могут являться совместные находки трехручных сосудов с ранними Т-образными булавами, имеющими гладкий стержень¹¹.

О. М. Джапаридзе, руководствуясь стратиграфическими наблюдениями на сачхерских могильниках, а также с привлечением переднеазиатских аналогий некоторым материалам из Сачхере, датирует сачхерские комплексы с петлевидными булавами, а также Т-образные булавы с гладким стержнем, временем между 2400 и 2200 гг. до н. э. и относит данные погребения к ранним горизонтам Сачхере (Джапаридзе О. М., 1961, с. 174—176, хронологическая таблица).

Факт находки в погребении № 7 Загли I Т-образной булавы с гладким стержнем позволяет синхронизировать этот комплекс с комплексами раннего горизонта Сачхере, слоями «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби, и датировать в целом 22 в. до н. э. по нашей хронологической схеме.

Однако, поскольку данные раннесачхерских

⁸ См. Отчет В. Л. Ростунова за 1983 г. — Архив ИА АН СССР.

⁹ Погребение № 7 обладает, как и остальные куро-аракские комплексы из 4-х могильников Северной Осетии, смешанной шиды и квемокартлийской атрибуцией. Квемокартлийские элементы погребения: форма погребального сооружения (каменный ящик из 4-х плит); положение погребенного (скорчено, на левом боку, головой в южном направлении); часть инвентаря (сосуды 1—3). Шидакартлийские элементы: сосуд 4, браслеты. Общими для Шиды и Квемо Картли являются сердцевидные дисковидные бусы, пастовые цилиндрические бусы, височные подвески в 1,5 оборота. (Отчет 1983 г.).

¹⁰ Два экз. Т-образных булавок с гладким стержнем найдено в слоях «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби; в могильниках, соответствующих этим слоям, такие булавы отсутствуют. Возможно, в данном случае мы имеем археологическое свидетельство брачных связей между древним населением Имеретии и Северной Осетии: набор украшений из погребения № 7 (бусы, браслеты, височная подвеска) может свидетельствовать о факте захоронения женщины.

¹¹ В настоящее время на могильнике Загли Барзанд I найдено два трехручных сосуда (погребения № 1, 4), по форме аналогичных сосудам этого типа из Шиды Картли.

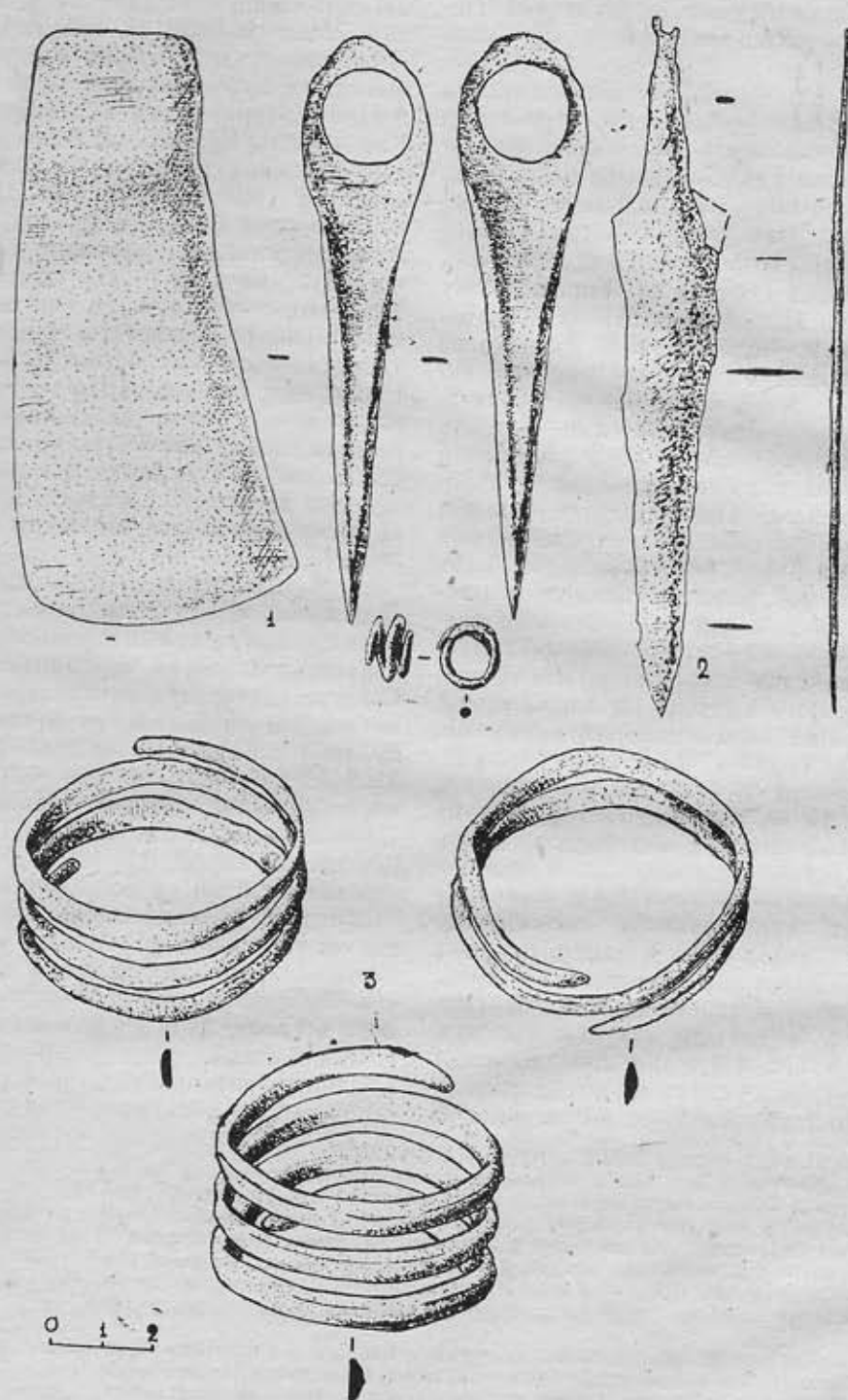

Рис. 1.

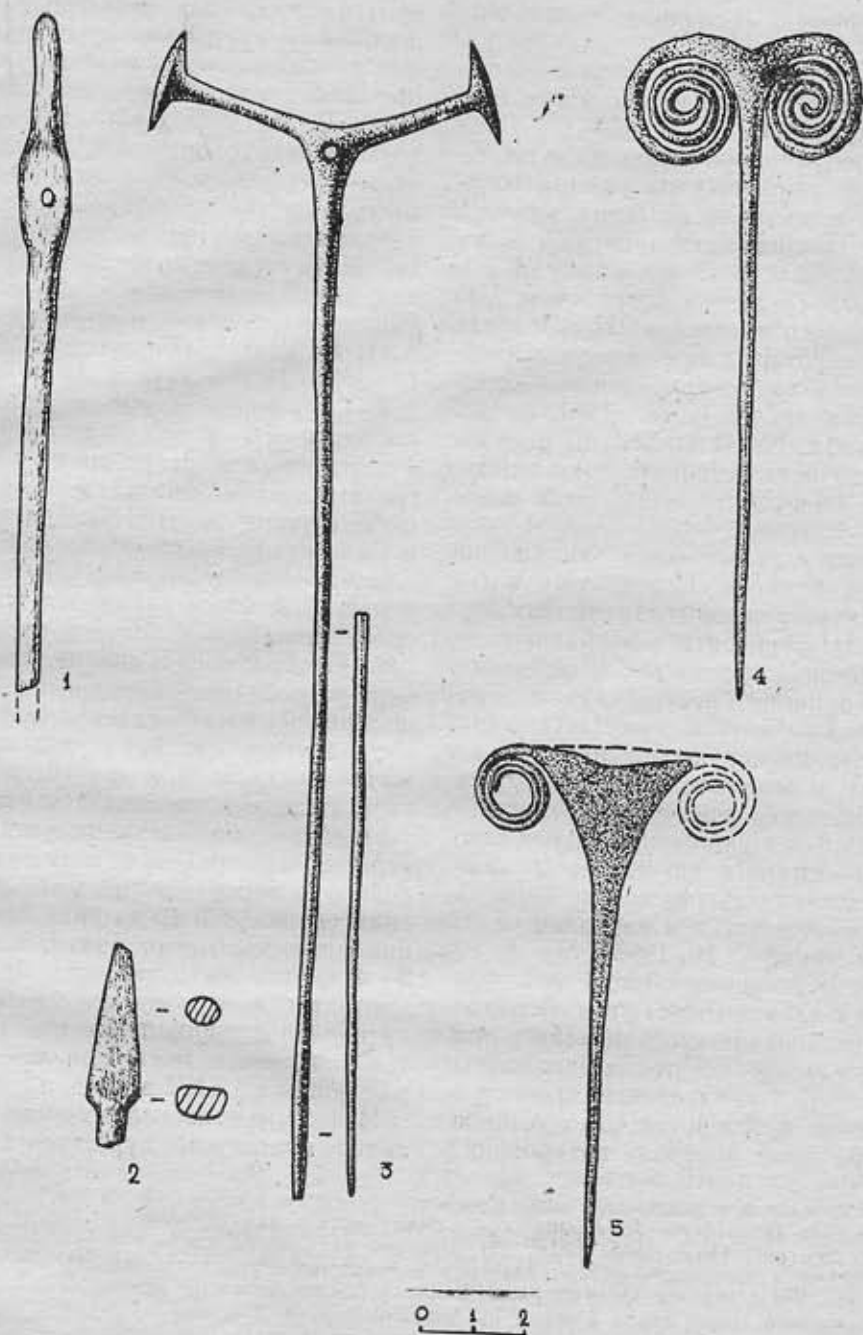

Рис. 2.

комплексов свидетельствуют о смешанных чертах материальной культуры местного куро-аракского и пришлого населения, что отмечалось нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 18—28, табл. IV, рис. VI), мы предлагаем уточнить датировку ранних горизонтов сачхерских могильников.

Основанием для уточнения ранней даты появления сачхерских могильников могут служить следующие факты.

1. Булавки с петлевидной головкой и проволоочной обмоткой, известные из ранних горизонтов Сачхере, типологически более развиты по сравнению с ранними экземплярами булавок «кипрского типа» из Средиземноморья и Передней Азии, а также из погребения 34/5 могильника пришлого населения III горизонта Амиранис-гора; некоторые экземпляры сачхерских булавок этого типа имеют зонтикообразный выступ (Джапаридзе О. М., 1961, с. 128, 133—137, 139; табл. XVIII 4; XIX, 6; рис. 25, 26), что может свидетельствовать уже о местном творческом переосмыслении этих форм украшений¹².

2. Для выработки новых форм украшений типа Т-образных булавок, неизвестных в более ранних посткуро-аракских памятниках (типа могильника III горизонта Амиранис-гора, «древних триалетских курганов», содержащих «чистые» черты пришлого некуро-аракского населения, и, возможно, могильника Дзагина (западный участок), фиксирующего начала смешения пришлого и местного населения), требовался определенный промежуток времени; появление новых форм украшений может быть связано и с выработкой каких-то новых идеологических представлений, поскольку Т-образные булавки могут являться и сакральным атрибутом (Кореневский С. Н., 1986).

3. Появление курганного обряда захоронения у сачхерских племен может свидетельствовать как о заимствовании этого обычая у пришельцев, так и о выработке новых идеологических представлений у населения посткуро-аракского времени в Имеретии. Для установления новых традиций в обряде захоронения,

необходимо взаимодействие пришлых и местных племен, что занимает определенный промежуток времени. Так, например, на поселении Амиранис-гора Т. Н. Чубинишвили отмечена стратиграфически синхронность кургана нового населения на заброшенной центральной площади и грунтовых куро-аракских погребений на заброшенных участках поселения; данные факты рассматривались нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 17—18) и могут свидетельствовать о ситуации, когда на первоначальном этапе появления пришлых племен местное куро-аракское население сосуществует с пришельцами, не смешиваясь, однако, с ними. Дата чужеземной инвазии и возникновения новых памятников на Амиранис-горе устанавливается нами концом XXIII — началом XXII вв. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 12—18, табл. II).

4. Смешанные черты материальной культуры местных куро-аракских и пришлых племен, фиксируемые в погребениях сачхерских могильников¹³, свидетельствуют об активном процессе слияния местного и пришлого населения в Сачхерском районе Северной Грузии.

Отражение этих этнокультурных процессов в развитии форм украшений (булавки «кипрского типа»), выработке новых форм украшений (Т-образные булавки), появлении новых черт погребальной обрядности (курган) и смешанных черт материальной культуры (керамика) не могло произойти за короткий промежуток времени; для развития и углубления этих процессов требовались взаимные контакты и взаимообогащение опытом; немалую роль играли, вероятно, и брачные связи, что отразилось в первую очередь на специфике женских украшений. В материальной культуре такие процессы могли найти отражение спустя 2—4 поколения с момента начала взаимных контактов, что позволяет нам предложить дату начала функционирования ранних горизонтов сачхерских могильников — середина—вторая половина XXII в. до н. э.

Исходя из вышесказанного, время установления контактов куро-аракского населения

¹² Сачхерские булавки с петлевидной головкой отличаются также и от подобного экземпляра из Дзагина (погребение № 2 западного участка могильника (Джапаридзе О. М., 1961, с. 206, рис. 44, 7; табл. XXIV, 12). Булавка из Дзагина аналогична булавке из III горизонта Амиранис-гора по размерам и отсутствию утолщения или зонтикообразного выступа в верхней части стержня. В целом ближневосточные экземпляры булавок «кипрского типа», как и булавки из Амиранис-гора и Дзагина, значительно меньше по размерам сачхерских экземпляров, что может являться еще одним подтверждением более молодого возраста сачхерских булавок.

¹³ Черное лощение и красная подкладка на сосудах, некоторые технологические особенности и формы керамики, типа 3-х ручек из сосудов куро-аракские черты; новые формы сосудов, ornamentация ломаной зигзагообразной линией, «паркетный» ornament, заштрихованные треугольники, вычурный геометрический орнамент — черты керамики пришлого некуро-аракского населения. Совмещение вышеназванных керамических признаков в единой технологической традиции сачхерской керамики может давать прямое указание на смешение материальной культуры местного и пришлого населения.

горных районов восточной части Центрального Кавказа с раннесачхерскими племенами может устанавливаться второй половиной 22 в. до н. э., что документируется находкой Т-образной булавки раннесачхерского времени в погребении № 7 могильника Загли I.

Бронзовая двуволютная булавка с разделенными волутами (с т. н. «бараньей головкой»), найденная в погребении № 1 могильника Загли II, также может указывать на время функционирования памятников горной зоны восточных районов Центрального Кавказа (рис. 2, 4).

Выяснению происхождения и хронологической позиции булавок такого типа в Передней и Малой Азии, Средиземноморье, на Южном и Северном Кавказе посвящено немало специальных разделов археологических исследований (Schmidt E., 1937, p. 119, pl. XXIX; Herzfeld E., 1941, p. 154; Schaeffer C. F., 1948, p. 224, fig. 165; Чайлд Г., 1952, с. 77—78, 89; рис. 22, 3; 27, 9; Чайлд Г., 1956, с. 296; Деген Б. Е., 1941, с. 249—250, рис. 345, 401; Куфтин Б. А., 1943, с. 116, рис. 70; Марковин В. И., 1960, с. 95—96, рис. 43, 11—13; Джапаридзе О. М., 1961, с. 174, 265, рис. 29, 5; табл. XIII, 8, 9; XIX, 1; XXIV, 3; Чилашвили Л. А., 1964, с. 20—21; Дедабришвили Ш. Ш., 1969, с. 37—39; Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 127—128 и др.).

В целом для Передней и Малой Азии булавки с двумя разделенными волутами датировались IV—III тыс. до н. э.; для Закавказья и Северного Кавказа — концом III—II тыс. до н. э. (Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 127, 128).

Используя хронологические схемы К. Ф. Шеффера и К. У. Блегена, которые, наряду со схемой Э. Бикермана, являются основой для наших датировок, представляется возможным уточнить время появления на Ближнем Востоке булавок с двумя разделенными волутами. Так, находка такой булавки в кладе «D» Трои II (Чайлд Г., 1952, с. 77, 78, рис. 22, 3), относящаяся ко времени разрушения Трои этого периода, показывает на дату ок. 2300 г. до н. э. (Blegen C. W., 1936—37, p. 18; Schaeffer C. F., 1948, p. 224—225)¹⁴, т. е. время появления двуволютных булавок в Трое может определяться датой ок. 24 в. до н. э.

Находка двуволютных булавок в Гиссаре ПВ (Schmidt E., 1937, p. 119, pl. XXIX) позволяет синхронизировать их с булавками из Трои II¹⁵ и отнести начало их производства в Передней и Малой Азии ко времени функционирования Аладжа Уйюка¹⁶—7), Тарса III₂, Алишар Уйюка IА, Раннего Угарита 2 и др. поселений этого периода (Schaeffer C. F., 1948, p. 225; §§ 125, 134, 145, 193; tabl. V, VI, IX), т. е. определить *terminus post quem* для них в Передней и Малой Азии 24 в. до н. э.

Находка двуволютных булавок в кладе «R», относящаяся к III горизонту Трои (Schaeffer C. F., 1948, §§ 109, 11, с. 224; 226—228, fig. 165) свидетельствует о продолжении функционирования этого вида украшений в Малой Азии в 23—22 вв. до н. э.¹⁶

В Закавказье в куро-аракский период двуволютных булавок с разделенными волутами не зафиксировано; в это время здесь бытуют булавки с неразделенными волутами, квацхельского (по Л. А. Чилашвили) типа, аналогичные вышеописанной булавке из погребения № 3 Загли I (Хизанаант-гора, Квацхелеби, слон «С»).

Появление булавок с двумя разделенными волутами фиксируется в памятниках посткуро-аракского периода: 5 таких булавок известно из коллективного погребения № 6 Квасатальского могильника (Джапаридзе О. М., 1961, с. 174, табл. XXIV, 3); 1 экземпляр — из раскопок Е. С. Такайшвили одного из курганов в Сачхере (Джапаридзе О. М., 1961, табл. XIII, 8); 1 экз. — из насыпи Начеркезевского кургана (раскопки О. М. Джапаридзе, 1955 г. — Джапаридзе О. М., 1961, с. 130, табл. XII, 9); 1 экз. — из погребения № 1 Пасиетского кургана в Корети (раскопки О. М. Джапаридзе 1955 г. — Джапаридзе О. М., 1961, с. 138, рис. 23, 5; XIX, 1). Еще одна булавка такого типа была найдена Б. А. Куфтиным в одном из триалетских среднебронзовых курганов (Куфтин Б. А., 1943, с. 174). Таким образом, в настоящее время мы располагаем сведениями о 9 булавках с «бараньей головкой»; из них 1 экз. — из Триалети; 3 экз. — из Сачхере; 5 экз. — из Шида Картли¹⁷.

Еще одна булавка с «бараньей головкой» известна из Сигнахского краеведческого музея (Дедабришвили Ш. Ш., 1969, с. 37—39, рис. 2, 1). Нами данный экземпляр специально не

¹⁴ Время функционирования Трои II, по К. Шефферу — 2400—2300 гг. до н. э.; по К. Блегену — 2600—2300 гг. до н. э.

¹⁵ Дата Гиссара ПВ, по К. Шефферу — 2400—2300 гг. до н. э.

¹⁶ Дата Трои III, по К. Блегену — 2300—2200 гг. до н. э.; по К. Шефферу — 2300—2100 гг. до н. э.

¹⁷ В одной из предыдущих работ нами было неточно указано количество булавок с «бараньей головкой» — ок. 2-х десятков экземпляров (Ростунов В. Л., 1985, с. 114). В данной работе мы исправляем свою ошибку.

рассматривается, поскольку, во-первых, происходит из Кахети, т. е. из смежного с изучаемым района, а во-вторых, является случайной, внекомплексной находкой.

Корреспондирующими признаками указанных булавок, отличающими их от предшествующих двуволютных булавок куро-аракского периода, является малое количество витков волюты (1, реже — 1,5 витка), круглый цилиндрический стержень и разделенные в верхней части головки волюты¹⁸.

Признаком, отличающим указанные булавки от малоазийских и переднеазиатских экземпляров, является малое количество витков волюты (у ближневосточных экземпляров — 3—4 витка).

Некоторые исследователи считают, что булавки с «бараньей головкой» являются продуктом развития двуволютных булавок квацельского типа (Джапаридзе О. М., 1961, с. 175, 265); другие более осторожно подходят к решению этого вопроса¹⁹.

На наш взгляд, булавки с «бараньей головкой» Центрального Закавказья имеют ближневосточную линию происхождения, являясь местной творческой переработкой переднеазиатских и малоазийских экземпляров; куро-аракские же булавки с двумя неразделенными волютами имеют свою собственную линию развития; поздними их формами нам представляются найденные в посткуро-аракских памятниках двуволютные подвески с неразделенными волютами, вопрос о хронологической позиции и культурной принадлежности которых будет рассматриваться нами отдельно.

Исходя из стратиграфических наблюдений и типологического анализа инвентаря сачхерских погребений, О. М. Джапаридзе относит булавки с «бараньей головкой» к поздним горизонтам сачхерских могильников (2200—2000, 1900 гг. до н. э. — Джапаридзе О. М., 1961, с. 175, 265, хронологическая таблица).

Исходя из предложенной выше датировки ранних горизонтов сачхерских могильников серединой — второй половиной 22 в. до н. э., появление в Сачхере булавок с «бараньей головкой» нам представляется возможным отнести к 21—20 вв. до н. э.

Подтверждается подобная датировка может находкой булавки такого типа в погребении № 1 Пасиетского кургана в Корети (Джапаридзе О. М., 1961, с. 138, рис. 23, 5; табл. XIX, 1). Особенностью этой булавки является перевитая верхняя часть стержня, что харак-

терно для Т-образных булавок группы II, по С. Н. Кореневскому (Кореневский С. Н., 1986), относящихся к поздним горизонтам сачхерских могильников и стратиграфически следующих за Т-образными булавками с гладким стержнем (Джапаридзе О. М., 1961, с. 172—174, хронологическая таблица).

Булавка из погребения № 1 Загли II отличается от булавок посткуро-аракского периода Центрального Закавказья большим количеством витков волюты (3 витка); отсутствие таких булавок в посткуро-аракских памятниках Закавказья не позволяет в настоящее время говорить о заимствовании горными куро-аракскими племенами восточной части Центрального Кавказа данного типа украшений из закавказских районов.

Более всего булавка из погребения № 1 сближается с экземплярами из Трои III (клад «Р»), а также с северосредиземноморскими экземплярами конца Раннеминойского периода (Чайлд Г., 1952, с. 89, рис. 27, 9), что может указывать на время между 2300 и 2100 гг. до н. э., по К. Шефферу. Однако пути проникновения булавок с двумя разделенными волютами в Закавказье и на Северный Кавказ остаются все еще неясными; поэтому предположение о появлении таких украшений с Ближнего Востока нуждается в подтверждении новыми материалами раскопок. Исходя из указанного предположения, а также с учетом данных о времени миграции куро-аракских племен на Центральный Кавказ из Закавказья и имеющихся в нашем распоряжении датированных центральнокавказских материалов (Загли Барзанд), подтверждающих закавказские данные, появление булавок с двумя разделенными волютами в погребении № 1 Загли II следует отнести ко времени не ранее 22 в. до н. э., а в целом датировать время возможного бытования таких булавок конкретно для Загли Барзанд периодом ок. 22—21 вв. до н. э. Более поздняя датировка была бы ошибочной, т. к. материалы могильников Загли Барзанд не дают в настоящее время оснований для омоложения верхней хронологической границы функционирования памятника. Так, погребение № 1 Загли II по всем деталям конструкции погребального сооружения аналогично находящемуся в 1,5 м к востоку от него погребению № 2, содержащему в комплексе инвентаря топор новосвободненского типа, а также погребениям № 2, 5, 6 могильника Загли I; инвентарь погребения также ничем не выде-

¹⁸ Ср.: булавки квацельского типа — волюты в 3—4 витка; неразделенное верхнее основание головки; плоское подтреугольное верхнее основание стержня.

¹⁹ Например, Ш. Ш. Дедабришвили предполагает развитие булавок с «бараньей головкой» из булавок сигнахского типа (Дедабришвили Ш. Ш. 1969, с. 39).

ляется из всего комплекса погребального инвентаря могильников.

Предгорная зона восточной части Центрального Кавказа представлена в настоящее время двумя памятниками с закавказскими чертами эпохи ранней — начала средней бронзы: поселением на шоссе Сунжа—Чермен²⁰ и Дзуарикауским курганным могильником с хорошо прослеженной стратиграфией погребений; выводы авторов раскопок могильника Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова, основанные на результатах стратиграфического анализа материалов могильника, изложены нами выше.

Анализ материалов Дзуарикауского могильника позволяет нам реконструировать несколько иную картину этнокультурных процессов в предгорьях восточной части Центрального Кавказа, чем предложенная Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым схема.^{20а}

Курган № 1. Согласно наблюдениям авторов раскопок, древнейшим в кургане было майкопское погребение 1/20 (основное для I курганной насыпи), которое перекрывалось майкопскими погребениями 1/7 (основное для II курганной насыпи) и 1/8 (впускное во II насыпь). Стратиграфически за погребением 1/8 следовало погребение 1/19 с «кубано-терской» атрибуцией, содержащее в комплексе погребального инвентаря бронзовый топор и два трипода (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 20—29).

Бронзовый топор новосвободненского, по Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову, типа (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 25, рис. 3; 16), относится к арочным топорам типа «Московское» (группа I, 1, по С. Н. Кореневскому) и датируется постновосвободненским временем (Кореневский С. Н., 1981, с. 23, рис. 3), т. е. ок. 22 в. до н. э.

Триподы из погребения 1/19 (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 22, 24, рис. 3, 15, 4, 14) помогают уточнить приведенную

выше дату. Время распространения такого типа сосудов, на Ближнем Востоке как было показано нами ранее — ок. 23 в. до н. э. (Ростунов В. Л., 1985, с. 15, 16). Время появления таких сосудов в Закавказье — рубеж 23/22 вв. до н. э., что может подтверждаться находкой трипода в помещении, относящемся к III горизонту Амиранисгора (с орнаментацией, характерной для пришлого некуро-аракского населения). На одном из триподов погребения 1/19 зафиксирован орнамент, характерный для керамики посткуро-аракского круга памятников (ломаная зигзагообразная линия — III горизонт Амиранис-гора, слои «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби, сачхерские и раннетриалетские курганы и др.).

Особенности форм и орнаментации триподов из погребения 1/19 указывают на закавказские культурные влияния посткуро-аракского периода и позволяют датировать эти сосуды началом — первой половиной 22 в. до н. э. Этим же временем можно датировать комплекс 1/19 в целом.

Погребение 1/19 стратиграфически перекрывалось погребением 1/15 (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 25, 27, 29) «кубано-терской» атрибуции, содержащим, в числе прочего инвентаря, трипод и металлические изделия, находящие аналоги в закавказских памятниках.

Бронзовый нож из погребения 1/15 находит аналоги бронзовым ножам как куро-аракских памятников (Хизанаант-гора, Квацхелеби, Караз, Загли I, II), так и памятников посткуро-аракского периода типа Сачхере (рис. 1, 2).

Дату комплекса 1/15 могут определять находки в нем бронзовых височных колец с несомкнутыми концами и бронзового топора (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, рис. 4, 14, б, с. 25).

Круглые бронзовые подвески с несомкнутыми концами не зафиксированы в куро-аракских горизонтах южнокавказских поселений и

²⁰ При разведочных работах на поселении у шоссе Сунжа—Чермен Н. И. Гиджраты обнаружены фрагменты куро-аракской керамики; малочисленность материалов и отсутствие датированных предметов не позволяет в настоящее время определить период функционирования куро-аракских горизонтов поселения; однако находки фрагментов керамики с орнаментом в виде расходящихся углов, характерным для керамики слоя «С» Квацхелеби, позволяют нам предположить возникновение поселения не ранее 22 в. до н. э., после миграции куро-аракских племен на Центральный Кавказ. Окончательное же заключение о времени функционирования поселения можно сделать только после стационарных полевых его исследований.

^{20а} При анализе материалов Дзуарикауского могильника нами исследуются лишь те комплексы, которые имеют точную стратиграфическую позицию в кургане (перекрывают более ранние погребения и сами перекрываются более поздними), а также полноценные комплексы (погребения), обнаруживающие детальные аналоги стратифицированным (в обряде погребения и инвентаре).

Комплексы, стратиграфическая позиция которых неясна, в настоящую работу не включены. Типологический анализ керамики из этих комплексов позволит в дальнейшем увязать их со стратифицированными, что значительно увеличит представительность зафиксированных этапов функционирования Дзуарикауского могильника.

в синхронных им погребальных памятниках. Этот тип украшений появляется в памятниках посткуро-аракского периода—в горизонте «В» Квацхелеби (погребение № 3 Твепиа-Цкаро, в комплексе со штыком (Джавахишвили А. И., Глонти Л. И., 1962, с. 24, табл. XXXVI и в сачхерских могильниках (Джапаридзе О. М., 1961, табл. XXIV, 10), что может указывать на *terminus post quem* их появления в Закавказье—ок. 22 в. до н. э.

Уточняет приведенную дату находка бронзового топора сачхерского круга.

Бронзовый вислообушный топор с сильно скошенной втулкой из погребения 1/15 относится к группе 2, 3, тип Начеркезеви, по С. Н. Корневскому (Корневский С. Н., 1981, с. 25, табл. 2, рис. 4).

В ранних посткуро-аракских памятниках (III горизонт Амиранис-гора, слои «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби, древние Триаветские курганы и др.) находок таких топоров не зафиксировано; вместе с тем топоры указанного типа входят в локальную группу изделий сачхерского круга; согласно О. М. Джапаридзе, появление вислообушных топоров произошло в результате самостоятельного развития металлургии у сачхерских племен (Джапаридзе О. М., 1961, с. 161—171, 262—263).

Нижняя дата появления памятников сачхерского круга устанавливается нами выше в целом временем ок. середины — второй половины 22 в. до н. э.

Согласно наблюдениям О. М. Джапаридзе, вислообушные топоры появляются в поздних горизонтах сачхерских могильников (Джапаридзе О. М., 1961, хронологическая таблица); для сачхерских комплексов подобное наблюдение может указывать на дату ок. 21—20 вв. до н. э.

Стратиграфическая последовательность погребения 1/15 за погребением 1/19, датированным нами началом — первой половиной 22 в. до н. э., позволяет установить возможную нижнюю дату погребения 1/15 — конец 22 — начало 21 вв. до н. э., а в целом датировать комплекс 1/15 временем ок. 21 в. до н. э., что хорошо согласуется с данными анализа закавказских памятников конца III тыс. до н. э.

Верхнюю хронологическую границу бытования на Центральном Кавказе металлических изделий сачхерского круга может определять погребение 1/18, стратиграфически следующее за погребением 1/15 (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 27, 29) и содержащее бронзовые многовитковые браслеты; к анализу подобных погребений мы обратимся ниже.

Курган № 2. Курган состоял из двух насыпей, возведенных над майкопскими погребениями 2/5 (для I слоя) и 2/8 (для II слоя). Стратиграфически за погребением 2/8 следовала куро-аракская могила-кенотаф 2/2, содержащая признаки шидкартлийского варианта куро-аракской культуры (Ростунов В. Л. 1985, с. 106—107).

В комплексе инвентаря погребения зафиксирован трипод, каменный топор кабардино-пятигорского типа и бронзовое височное кольцо с несомкнутыми концами (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, рис. 7, III₇, 7, III₁₀, 7, III₁₁). Находка трипода указывает на время ок. 22 в. до н. э. (памятники типа III горизонта Амиранис-гора); уточняет эту дату находка височного кольца типа Сачхере, позволяя отнести возможную нижнюю дату комплекса к концу 22 — началу 21 в. до н. э.; с другой стороны, наличие данных изделий в погребении 2/2 свидетельствует о проникновении закавказского посткуро-аракского культурного влияния на Центральный Кавказ и о начавшихся определенных контактах посткуро-аракского компонента с собственно куро-аракским компонентом Центрального Кавказа.

Наличие в погребении 2/2 трипода и височного кольца с несомкнутыми концами позволяет синхронизировать погребение 2/2 с погребением 1/15 и датировать его временем ок. 21 в. до н. э. В пользу такой датировки может свидетельствовать также находка в погребении 2/2 гладкого топора кабардино-пятигорского типа I стадии по В. И. Марковину и В. А. Сафронову (Марковин В. И., 1960, с. 99; Сафронов В. А., 1968, с. 99—103); согласно ряду исследований, гладкие топоры I стадии получают распространение в начале II тыс. до н. э.

Находка в погребении 2/2 кабардино-пятигорского топора свидетельствует также об установлении связей куро-аракских племен Центрального Кавказа на рубеже III—II тыс. до н. э. с местными северокавказскими племенами²¹.

Погребение 2/2 перекрывалось погребением 2/6—7 (прямая стратиграфия), устанавливаемым Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым как синкретизм куро-аракской и «кубано-терской» культур по сочетанию двух технологических традиций в керамике: закавказской (черное лощение, желтая «подкладка») и местной (состав, обжиг, «шнуровая» орнаментация) (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 30, 31, рис. 7, 1).

В свою очередь, погребение 2/6—7 бы-

²¹ Понятие «северокавказские племена» употребляется нами не как название археологической культуры, а в значении «племена, живущие на Северном Кавказе».

до нарушено погребением 2/3, содержащим бронзовые многовитковые браслеты (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980 г. с. 31 рис. 7 (V₂₋₃)).

В целом стратиграфическое соотношение погребений в кургане № 2 повторяет стратиграфию кургана № 1; отсутствует погребение типа 1/19, представляющее переходный этап между майкопским погребением 1/8 и погребением 1/15 (соответственно в кургане № 2 — между майкопским погребением 2/8 и куро-аракским погребением 2/2 с посткуро-аракскими элементами в инвентаре); в свою очередь, в кургане № 1 отсутствует погребение типа 2/6—7 с синкретическими местными и закавказскими чертами, представляющее собой переходное звено между погребениями 2/2 и 2/3 (соответственно в кургане № 1 — между погребениями 1/15 и 1/18).

Курган № 4. Курган состоял из трех курганных слоев и каменной наброски; первые две насыпи были сооружены над погребениями куро-аракской культуры, одно из которых представляет собой каменную гробницу (погребение 4/5 — основное для I слоя), второе — каменный ящик (погребение 4/6 — основное для II слоя) (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 3—39, рис. 11; 12, III₁₋₅, IV₁₋₂).

Оба погребения содержали смешанные шиди- и квемокартлийские элементы обряда и материальной культуры²².

Новой чертой погребального обряда, не характерной для указанных локальных групп Центрального Закавказья, является сооружение над погребениями курганных насыпей.

Исходя из датировок миграции куро-аракских племен на Центральный Кавказ из Закавказья и фиксируемой на материалах памятников горной зоны даты их появления на Центральном Кавказе, нижняя дата комплексов 4/5 и 4/6 может определяться концом 23 — первой половиной 22 в. до н. э.

Однако появления обычая возведения курганных насыпей над погребениями может свидетельствовать о заимствовании этой черты погребального обряда у местного северокавказского населения; поскольку для восприятия новых традиций в погребальном обряде необходим определенный промежуток времени (установление контактов дипломатического характера, развитие обмена, брачные связи и т. д.), данное наблюдение позволяет нам несколько омолодить дату указанных комплексов и датировать их временем ок. середины — второй половины 22 в. до н. э.

Нижняя дата комплексов 4/5 и 4/6 может

контролироваться стратиграфией кургана № 7.

Курган № 7. В кургане было сооружено два куро-аракских погребения 7/1 и 7/3 со смешанными шиди- и квемокартлийскими чертами, аналогичные погребениям 4/5 и 4/6, которые перекрывали основное погребение 7/4 (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 44, 47, 49, рис. 16, 17); погребение 7/4 содержало трипод и два сосуда, аналогичные по обжигу, технологии изготовления и орнаментации сосудам из погребения 1/19 (ср.: форма — погр. 1/19, сосуд 4 — погр. 7/4, сосуд 1 — тип XI, по классификации В. А. Сафронова — рис. 3, I₄ — 16, II₄; табл. 1; орнаментация — спиральями, выполненными «шнуром» — погр. 1/19, сосуд 2 — погр. 7/4, сосуд 3 — рис. 3, I₂ — 16, I₆; орнаментация «шнуром» — погр. 1/19, компл. 1/2, 4 — сосуд. 1 погр. 7/4, сосуд 1 — рис. 4, II₂ — 16, II₄ и т. д.).

Синхронность погребений 1/19 и 7/4 установлена В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой, выделивших эти комплексы в горизонт РБ IIв (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 25, 47).

Как показано нами выше, дата погребения 1/19 устанавливается началом — первой половиной 22 в. до н. э. Следовательно, нижняя хронологическая граница комплексов 4/5, 4/6, 7/1 и 7/3 в Дзуарикауском могильнике может устанавливаться временем ок. середины — второй половины 22 в. до н. э. Этим же временем могут датироваться и «чисто» куро-аракские погребения в каменных ящиках 12/1, 12/2 и 12/3, также сооруженные под курганной насыпью (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 58, 60, рис. 23).

Верхнюю хронологическую границу «чисто» куро-аракских комплексов фиксирует появление в Дзуарикауском могильнике комплексов с металлическими изделиями сачхерского круга, типа погребений 1/15 и 2/2, *terminus post quem* для которых определяется, как показано нами выше, уже 21 в. до н. э.

Таким образом, путем сравнительного анализа стратиграфии курганов № 1 и 7, с привлечением материалов курганов № 2, 4 и 12, в Дзуарикауском могильнике устанавливается еще один промежуточный по времени этап, представленный «чисто» куро-аракскими захоронениями со смешанными чертами шиди- и квемокартлийского погребального обряда и материальной культуры, во всех деталях аналогичными погребениям горных районов и представляющих собой переходное звено между ранними захоронениями местных централь-

²² Квемокартлийские элементы — каменный ящик и гробница, парное захоронение (подзахоронение), двучастность сосудов. Шиди-картлийские черты — орнаментация керамики косыми штрихами; общие для обоих локальных вариантов элементы — пас- товые цилиндрические бусы и серебряная височная подвеска в 1,5 оборота.

нокавказских племен и погребениями с металлическими изделиями сачхерского круга²³.

Погребение 2 кургана № 5, содержащее сосуды северокавказских и куро-аракских форм и орнаментации, может относиться к промежуточному времени между погребениями центральнокавказских и куро-аракских племен типа 1/15 и 2/2, содержащих металлические изделия сачхерского круга, и погребениями типа 2/6—7, в которых северокавказские и закавказские элементы уже неразрывно связаны в одной керамической традиции, на что было указано Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 40, 43, рис. 14, 11)²⁴.

Исходя из рассмотренных выше материалов восточной части Центрального Кавказа, представляется возможным наметить следующую схему этнокультурных процессов в данных районах в середине III—начале II тыс. до н. э.

1. В начале второй половины III тыс. до н. э. (25, 24—23 вв. до н. э.) в горные районы Северной Осетии начинают проникать отдельные микрогруппы куро-аракского населения из районов Шида Картли; появление их здесь связывается, возможно, с развитием в Закавказье отгонного скотоводческого хозяйства. Проникновение куро-аракских племен в этот период документируется возникновением временных сезонных стоянок типа Шау-лагат и Мышту-лагат-лагат. В предгорно-плоскостных районах на Осетинской наклонной равнине проживают в этот период племена майкопской культуры; их присутствие в предгорьях отмечено погребениями 1/7, 1/8, 1/20, 2/5 и 2/8 Дзуарикауского могильника; материалы указанных погребений нами не дифференцируются, поскольку их рассмотрение не входит в задачу настоящей работы.

2. В конце XXIII—начале XXII вв. до н. э. в горных районах появляются куро-аракские

племена, несущие в погребальном обряде и материальной культуре признаки шида- и квеомкартлийских локальных групп населения (стационарное поселение Загли Барзонд, относящиеся к нему могильники Загли I, II, Нижнекобанский могильник). Наиболее ранняя дата их появления документируется материалами погребения № 3 могильника Загли I и погребения № 2 могильника Загли II. В этот период фиксируются определенные контакты горного куро-аракского населения с позднемайкопскими племенами предгорий, носящие, вероятно, характер обмена (топор новосвободненского типа в погребении № 2 Загли II).

3. В начале—середине XXII в. до н. э. в предгорно-плоскостных районах появляются новые северокавказские племена, погребальный обряд и элементы материальной культуры которых характеризуют захоронения типа 1/19 и 7/4 Дзуарикауского могильника (со «шнуровой» орнаментацией на керамике и топорами постновосвободненского типа). Характерная особенность погребений этого периода—появление в комплексе керамического инвентаря сосудов на ножках (триподов)²⁵.

Вопрос о появлении на Центральном Кавказе и в Закавказье триподов разбирался нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 15). Появление в погребении 1/19 трипода с характерной орнаментацией посткуро-аракского периода, зафиксированной на керамике пришлого в Центральное Закавказье населения (типа памятников III горизонта Амиранис-гора), позволяет нам предположить определенные культурные контакты этого населения с племенами восточных районов Центрального Кавказа. Перекрестная датировка памятников центральных районов Закавказья (Амиранис-гора) и Северного Кавказа (Дзуарикау) позволяет установить время таких контактов—начало—первая половина 22 в. до н. э. Однако в отли-

²³ В отношении височных подвесок с несомкнутыми концами понятие «сачхерский круг» применяется условно, т. к. они известны и из посткуро-аракских памятников Шида Картли.

²⁴ Н. А. Николаева находит аналогии сосудам из погребения 5/2 Дзуарикау в кургане № 3 Лечинкайского могильника (КБАСР), отмечая, что «сосуд (?—В. Р.) из Дзуарикау 5/2 находит ближайшие аналогии с лечинкайскими», и относит оба погребения ко II этапу «кубано-терской» культуры (Николаева Н. А., 1981, с. 85). Однако единственное погребение в кургане № 3 Лечинкайское было полностью ограблено, «от скелета сохранилось лишь несколько костей» (Батчаев В. М., 1984, с. 116). В насыпи кургана были обнаружены фрагменты двух красноглиняных майкопских сосудов, из которых частично реставрирован лишь один (Батчаев В. М., 1984, рис. 16, 7). Данный факт позволяет полагать, что основное погребение было майкопским. С погребением 5/2 Дзуарикау погребение кургана № 3 Лечинкайского могильника «сближает» лишь ограбленность обоих захоронений.

²⁵ Изучение вопросов о происхождении центральнокавказских племен не входит в задачу настоящей работы. Вопрос о происхождении триподов на Северном Кавказе уже поднимался в археологической литературе (Мунчаев Р. М., Сариниди В. И., 1964, 1966; Сафронов В. А., 1978, с. 73; Николаева Н. А., 1981, с. 82), однако не был решен однозначно. Так, Р. М. Мунчаев и В. И. Сариниди относили данный тип сосудов к куро-аракской культуре, а Н. А. Николаева—к позднетрипольским памятникам типа Усатово.

ние от хронологического аспекта данной проблемы, вопрос об этнокультурной принадлежности центральнокавказских племен в постмайкопский период остается открытым и нуждается в серьезном специальном изучении.

4. В середине — второй половине XXII в. до н. э. устанавливаются связи (возможно, обмен и браки) между населением горной зоны восточной части Центрального Кавказа и посткуро-аракскими племенами раннего периода Сачхере и Шида Картли, о чем свидетельствуют материалы погребений № 7 Загли I и (возможно) № 1 Загли II, а также погребение № 6 Нижнекобанского могильника с обрядом захоронения и сосудом, характерными для сачхерского круга памятников (Ростунов В. Л., 1985, с. 102).

В этот же период появление куро-аракских племен фиксируется в предгорной зоне; приход их сюда отмечен сооружением в Дзуарикауском могильнике погребений 4/5, 4/6, 7/1, 7/3, 12/1, 12/2 и 12/3, аналогичных погребениям горных районов. Новой чертой в этих погребениях является возникновение курганного обряда захоронения, что может указывать на заимствование этого обычая у местного центральнокавказского населения.

5. К XXI в. до н. э. в обиходе племен, населяющих предгорья восточной части Центрального Кавказа, начинают появляться металлические изделия сачхерского круга посткуро-аракских памятников²⁶ (материалы погребений 1/15 и 2/2 Дзуарикауского могильника). Эти изделия характерны для поздних горизонтов сачхерских захоронений, что может фиксировать связи (обмен) населения восточных предгорий Центрального Кавказа с позднесачхерским населением Закавказья²⁷.

Одновременно идет процесс смешения куро-аракского населения с местным центральнокавказским; этот процесс документируется характерными особенностями погребений Дзуарикауского могильника в указанный период. Так, в погребении местного центральнокавказского населения 1/15 прослеживаются уже два разнотипных компонента (местная кера-

мика со «шнуровым» орнаментом и сачхерские металлические изделия); в куро-аракском погребении 2/2 фиксируется три разнотипных компонента (куро-аракский погребальный обряд и керамика, трипод²⁸ и топор кабардино-пятигорского типа — центральнокавказские заимствования; височная подвеска с песомкнутыми концами — изделие сачхерского круга памятников). В горной зоне восточной части Центрального Кавказа памятников с разнотипными компонентами, которые могли бы относиться к указанному периоду, не выявлено²⁹.

6. К концу XX—XXI вв. до н. э. в предгорьях восточной части Центрального Кавказа интенсивно продолжается процесс слияния куро-аракского населения с местным, что приводит, согласно наблюдениям Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова, сначала к появлению в Дзуарикауском могильнике погребений со смешанной куро-аракской и центральнокавказской атрибуцией (появление керамики местных и закавказских форм и орнаментации в погребении 5/2), а затем и к смешению местной центральнокавказской и закавказской куро-аракской технологических традиций производства керамики, как это фиксируется на материалах погребения 2/6—7.

7. Результатом слияния центральнокавказских и куро-аракских племен, при непосредственном участии сачхерского этнокультурного компонента, может являться население, соорудившее в Дзуарикауском могильнике захоронения типа 1/18, 2/3, 3/2, 11/2, 3 с бронзовыми многовитковыми браслетами и U-образными булавками. Свидетельства возникновения этого качественно нового этнокультурного образования и время его появления рассматриваются нами отдельно.

В горной зоне западной части Центрального Кавказа (Кабардино-Балкария) памятников куро-аракской культуры в настоящее время не найдено, что не позволяет нам говорить о бытовании здесь куро-аракских племен.

В предгорной зоне западной части Центрального Кавказа элементы куро-аракской

²⁶ Ранее нами была предложена гипотеза о формировании нового населения в Центральном Закавказье (типа Сачхере) в результате слияния местного куро-аракского населения с пришлыми, чужеродными (возможно, хурритскими) племенами (Ростунов В. Л., 1985, с. 18—28). Эта гипотеза получает новое подтверждение в настоящей работе.

²⁷ Более подробно этот вопрос будет рассматриваться нами ниже.

²⁸ Поскольку триподы появляются в центральнокавказских комплексах уже в 22 в. до н. э. (погр. 1/19), наличие такого сосуда и погр. 2/2 позволяет рассматривать его уже как местный центральнокавказский элемент.

²⁹ Обширная территория, занимаемая двумя могильниками Загли Барзона, позволяет предположить длительное время их функционирования; не исключено, что к 21 в. до н. э. в горных районах продолжают жить куро-аракские племена, не смешиваясь с предгорным центральнокавказским населением; однако это положение могут уточнить только дальнейшие исследования могильников.

культуры зафиксированы на Долинском поселении, имеющем, согласно исследованиям Р. М. Мунчаева, синкретические черты куро-аракской и майкопской культур, с преобладанием майкопских элементов (Мунчаев Р. М., 1961; его же: 1975). Время функционирования поселения Р. М. Мунчаев относит к промежуточному периоду между курганами Майкопа и Новосвободной — 24—22 вв. до н. э. (Мунчаев Р. М., 1961, с. 161). Аналогичную дату дает исследование найденных на поселении глиняных очажных подставок в виде «рогатых кирпичей» (24—23 вв. до н. э. — Ростунов В. Л., 1984, с. 12—15). Исследования Р. М. Мунчаева, а затем Р. Ж. Бетрзова позволяют выявить инфильтрацию отдельных ранних групп куро-аракского населения и смешения его с местными майкопскими племенами (Мунчаев Р. М., 1961, 1975; Бетрзов Р. Ж., 1982, с. 10); данные наблюдения подтверждаются и нашими исследованиями (Ростунов В. Л., 1984).

Погребальные памятники куро-аракской культуры в предгорно-плоскостной зоне Кабардино-Балкарии, как и в горной зоне, не зафиксированы. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении погребения с закавказскими чертами, относящиеся к изучаемому периоду, нуждаются в детальном анализе с целью установления их атрибуции и времени появления в указанных районах.

В настоящее время нам известно здесь три погребения с закавказскими чертами: погребения 2/1 и 4/1 Кабардинского парка г. Нальчика и погребение 9/2 у с. Чегем I³⁰.

Точная стратиграфическая позиция указанных погребений не устанавливается за отсутствием достаточных данных: так, согласно наблюдениям Б. Е. Дегена, погребение 2/1 перекрывало основное погребение 2/4, содержащее скорченный на левом боку скелет, лежащий головой на северо-запад³¹; инвентарь погребения 2/4 состоял из сосуда и двух перевитых стерженьков-подвесок, что указывает на время около первой половины II тыс. до н. э.; погребение 4/1 перекрывало безинвентарное основное погребение 4/3, со скорченным на левом боку скелетом (Деген Б. Е., 1941, с. 225—227), ввиду отсутствия инвентаря атрибуция и хронология погребения 4/3 не устанавливается. Погребение 9/2 Чегем I перекрывало ограб-

ленное основное погребение 9/7 с фрагментами майкопского сосуда (Бетрзов Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984, с. 12, 13), что свидетельствует о постмайкопском времени погребения 9/2. Стратиграфически перекрывание погребений 2/1, 4/1 и 9/2 другими погребениями в курганах не установлено.

Для определения культурной атрибуции и хронологии указанных погребений, вследствие их слабой стратифицированности, важное значение приобретает типологический анализ погребального инвентаря этих комплексов: *Т-образные булавки с перевитым верхним основанием стержня* (II группа, по С. Н. Кореневскому), зафиксированы в погребениях 4/1 Кабардинского парка и 9/2 Чегем I. Сводка сачхерских аналогий этому типу булавок приведена в статье С. Н. Кореневского (Кореневский С. Н., 1986), что избавляет нас от необходимости их повторного описания.

Согласно стратиграфическим наблюдениям О. М. Джапаридзе (Джапаридзе О. М., 1961, с. 174—176; хронологическая таблица), комплексы с *Т-образными булавками II группы* (с перевитым стержнем) следуют за комплексами с булавками «кипрского типа» и с *Т-образными булавками I группы* (с гладким стержнем); время бытования последних в Центральном Закавказье устанавливается нами выше серединой — второй половиной 22 в. до н. э. Следовательно, в Центральном Закавказье комплексы с *Т-образными булавками II группы* могут датироваться XXI—XX вв. до н. э., т. е. рубежом III—II тыс. до н. э.

Бронзовые двувольные подвески, типа подвески из погребения 4/1 Кабардинского парка (Деген Б. Е., 1941, рис. 28, 2), происходят из памятников Центрального Закавказья посткуро-аракского времени: из слоя «В» Квачхелеби (погребение № 3 могильника Твлепа Ицаро — Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, с. 24; Глonti Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д., 1968, табл. I, 21); из погребения № 1 восточного участка могильника Дзагина (Джапаридзе О. М., 1961, с. 206, рис. 44, 8) и из сачхерского могильника Корети (Джапаридзе О. М., 1961, с. 136, табл. XVIII, 13 — раскопки Б. А. Куфтина 1945 г.). Еще одна такая подвеска известна из погребения О Гатын-Калинского могильника (в комплексе с

³⁰ Особенности погребального обряда этих комплексов рассматривались нами ранее; данные погребения были выделены во II (условную) группу центральнокавказских памятников закавказского происхождения (Ростунов В. Л., 1985, с. 107).

³¹ Ориентировка погребенного непонятна: если в тексте указано положение его головой на С—З (Деген Б. Е., 1941, с. 219), то на фотографии положение стрелки указывает на ориентировку погребенного головой на С—В (Деген Б. Е., 1941, рис. 8); на рисунках же положение стрелки указывает ориентировку погребенного головой на Ю—В (Деген Б. Е., 1941, рис. 7, 11).

булавкой, имеющей навершие в виде «бараньей головки» — Марковин В. И., 1963). Такие подвески появляются, вероятно, в результате творческой переработки куро-аракских булавок с двуволотным навершием. Так, подвеска из Дзагина имеет сравнительно длинный «стержень», что дало основание О. М. Джапаридзе обозначить данный экземпляр как булавку (Джапаридзе О. М., 1961, с. 206), хотя длина «стержня» этого украшения явно недостаточна для закалывания одежды и имеет, скорее всего, декоративный характер.

Находка двуволотной подвески в комплексе со штыковидным копьем в погребении № 3 Твлепи Цкаро определяет нижнюю дату появления такого рода украшений — 22 в. до н. э. Однако факт обнаружения двуволотной подвески в комплексе с Т-образной булавкой II группы в погребении 4/1 Кабардинского парка позволяет определить дату появления таких украшений в западных районах Центрального Кавказа — XXI—XX вв. до н. э.

Бусы из погребения 4/1 (4 типа: пастовые цилиндрические, чечевицеобразные и плоские круглые сердоликовые, бронзовые бочковидные — Деген Б. Е., 1941, рис. 28, 4, 5, 6) появляются в куро-аракских памятниках и продолжают существовать в посткуро-аракский период (слои «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби, Сачхере, как было показано нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, табл. II, 1, 2, 3, 5)).

Бронзовые спиральные пронизи из погребения 4/1 (Деген Б. Е., 1941, рис. 28, 4) встречаются в посткуро-аракских памятниках Шида Карли (слои «В» Хизанаант-гора и Квацхелеби), продолжая здесь традицию предшествующего периода; однако в памятниках сачхерского круга такие украшения не зафиксированы. Наличие их в погребении 4/1 связано либо с заимствованием украшений такого типа у посткуро-аракских племен шидкартлийского круга, либо с контактами с куро-аракскими племенами восточной части Центрального Кавказа, что кажется нам более вероятным.

Двуручный сосуд из погребения 4/1 (Деген Б. Е., 1941, рис. 27Б, табл. VII, 2) сходен с некоторыми типами сосудов из Сачхере, в частности, с сосудом из погребения № 10 Начеркезеви (раскопки О. М. Джапаридзе 1951 г. — Джапаридзе О. М., 1961, с. 127, 128, рис. 22, табл. XI, 4. Разница — в постановке ручек).

Еще более сближается с начеркезевским сосудом из погребения 2/1 Кабардинского парка (Деген Б. Е., 1941, рис. 16, б; табл. IV, 2).

Группы сосцевидных налепов, расположенных на тулове двуручного сосуда из погребения 2/1 и на краю миски из погребения 4/1 (Деген Б. Е., 1941, рис. 27А; табл. VII, 1), имеют аналогии в шидкартлийских куро-аракских памятниках (например, в слое «С» Квацхелеби), однако наиболее распространены они в куро-аракских памятниках предгорной и горной зон Северной Осетии (Дзуарикау, Нижнекобанский могильник, Загли I и II). В предгорной зоне Северной Осетии куро-аракские племена передают прием украшения сосудов сосцевидными налепами местным центральнокавказским племенам: группы сосцевидных налепов появляются на сосудах из погребений 5/2 (со смешанной куро-аракской и северокавказской атрибуцией) (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, рис. 14, II), 9/1 (с вытянутым обрядом труположения) (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 52, рис. 20, 1₂) и в комплексе 3/1, стратиграфически перекрывавшем основное погребение 3/2 с У-образной булавкой и многовитковыми бронзовыми браслетами (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980, с. 35, 36, рис. 9, II₆).

Указанное обстоятельство позволяет нам полагать прямое заимствование данного приема орнаментации сосудов, зафиксированного в комплексах 2/1 и 4/1 Кабардинского парка, у куро-аракских племен восточной части Центрального Кавказа.

Большой интерес для интерпретации погребений с закавказскими чертами в Кабардино-Балкарии представляет находка в погребении 9/2 Чегем I глиняного пряслица сегментовидной формы (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984, с. 12, рис. 30, 2).

Сегментовидные пряслица из эпифизов крупных животных, камня и глины составляют один из наиболее характерных атрибутов куро-аракских памятников Шида- и Квемо Картли (где преобладают изделия из кости). Здесь они известны из Ардасубани (захоронение в склепе — Тушишвили Н. Н., 1968, с. 41—45); Кикети (склеп № 14 — Пхакадзе Г. Г., 1963, с. 71—72), Озни (в культурном слое и в захоронении ребенка — Куфтин Б. А., 1949, с.); на Амиранис-гора (в помещении X первого горизонта — Чубинишвили Т. Н., 1971, с. 65), в мужском захоронении № 24 (Чубинишвили Т. Н., 1963, с. 42) и в склепе № 36 (Чубинишвили Т. Н., 1963, с. 37)³²; в слое «С» Хизанаант-гора (2 экз. — из помещения № 4 и 2 — из культурного слоя (Киквидзе Я. А. 1972, с. 10, рис. 2₂, 3; с. 15, 21); в слое «С» Квацхелеби (1 экз. — из погребения № 5 могильника

³² Оба погребения относятся ко второму родовому могильнику I горизонта Амиранис-гора.

Твлепис-кохи, в комплексе с* двуволотной булавкой (Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, с. 25); 1 экз.—из культурного слоя (указ. соч., с. 29, табл. IV, 286) и в слое «В» Квацхелеби (указ. соч., табл. IV, 61—63, 243—245); в погребении № 54 Грмахевистави (Абрамишвили Р., Кахтияни К., Гоциридзе Д., Цикаридзе С., 1976, с. 22).

Характерно, что обычай класть пряслице в погребение в посткуро-аракский период в Закавказье исчезает. По мнению Т. Н. Чубинишвили, костяные пряслица являлись символами солнца (Чубинишвили Т. Н., 1971, с. 70); нахождение их в мужских захоронениях (как это зафиксировано в погребении № 24 Амиранис-гора), наряду с женскими украшениями является, возможно, ритуальной особенностью (Чубинишвили Т. Н., 1963, с. 42).

На Центральном Кавказе находка костяного сегментовидного пряслица из эпифиза крупного животного известна из погребения № 4 Нижнекобанского куро-аракского могильника, содержавшего мужское захоронение (Шевченко А. В., 1985, с. 90, 91).

Единственная находка костяного сегментовидного пряслица в комплексе некуро-аракского происхождения известна из ст. Усть-Джегутинской (погребение майкопской культуры в кургане № 33—Нечитайло А. Л., 1978, с. 31, рис. 12,7).

Еще одна внекомплексная находка такого изделия происходит из кургана Кабардинского парка (Деген Б. Е., 1941, рис. 35, 11).

В горной зоне Северо-Восточного Кавказа костяные сегментовидные пряслица известны из погребения № 7 Гатын-Калинского могильника, содержащего куро-аракские элементы материальной культуры (Марковин В. И., 1963, рис. 6).

Характерно, что ни в одном погребении северокавказских племен постмайкопского периода, несмотря на большое количество исследованных комплексов, обычай помещать пряслица в захоронение не зафиксировано, как не зафиксировано и самих пряслиц.

Все вышесказанное дает нам веское основание связывать появление пряслица в погребении 9/2 Чегема I с культурным влиянием куро-аракских племен восточной части Центрального Кавказа, поскольку в описываемый период обычай помещать пряслица в захоронение сохраняется только у них, тогда как в Закавказье он исчезает.

Наличие в погребении 4/1 Кабардинского

парка цельного комплекса украшений сачхерского круга (Т-образная булавка, 4 типа бус, двуволотная подвеска), в комплексе с двуручным сосудом, приближающимся по форме к сачхерским, дает прямое указание на сачхерскую в целом атрибуцию комплекса³³.

Однако существуют и элементы, указывающие на начало процесса смешения сачхерского компонента с местными. Так, находка в погребении миски, цвет и обжиг сосудов свидетельствуют уже о северокавказском заимствовании; наличие спиральных пронизей и сосцевидных налепов на миске указывает на куро-аракское культурное воздействие.

На трехкомпонентность в культурной атрибуции указывают и материалы погребения 9/2 Чегема I; здесь, наряду с сачхерским компонентом (Т-образная булавка) фиксируется северокавказский (сосуд характерных форм и технологии) и куро-аракский (пряслице). Наличие псевдополушарной ручки на сосуде из погребения 9/2 (Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984, рис. 23, 4) свидетельствует о начавшемся смешении местной и куро-аракской керамических традиций.

Тот же самый процесс, хотя и менее выразительно, прослеживается на материалах погребения 2/1: в данном случае наблюдается северокавказская традиция (окрашенность костяка, местные формы керамики), сачхерский компонент (сосуд, сближающийся по форме с сачхерскими) и куро-аракская традиция декора сосудов.

Не исключено, что куро-аракская традиция проявляется здесь и в обряде помещения маленького сосуда в большой, как это фиксируется на материалах погребений Хизанаант-гора и Загли II, что указывалось нами ранее (Ростунов В. Л., 1985, с. 95, прим. 6).

В целом наличие, помимо указанных комплексов, внекомплексных находок сачхерского происхождения в предгорно-плоскостной зоне западной части Центрального Кавказа (4 экз. Т-образных булавок II группы из разрушенных курганов—Кореневский С. Н., 1986, с. 15) свидетельствует о проникновении сюда позднесачхерского населения. Время появления его на указанной территории может определяться наличием здесь сачхерских Т-образных булавок с перевитым верхним основанием стержня, которые по сачхерским аналогиям определяют дату ок. 21—20 вв. до н. э.

Другую линию синхронизации дают материалы Дзуарикауского могильника, где появ-

³³ Южная ориентировка погребенного, а также наличие двуволотной подвески позволяет сближать погребение 4/1 с сачхерскими памятниками типа Корети, которые территориально расположены между основной группой сачхерских могильников и памятниками Шида Картли; южная ориентировка погребенного зафиксирована также и в погребении 9/2 Чегема I.

ление в погребениях изделий сачхерского круга определяется временем ок. 21 в. до н. э. (погребения 1/15 и 2/2).

В горной зоне западной части Центрального Кавказа вследствие слабой ее изученности памятников этого времени не зафиксировано, однако находки здесь Т-образных булавок с петлями на перекладине (III группа, по С. Н. Кореневскому) из разрушенных горных некрополей Балкарии и смыкающейся с ней Дигории (могильники Айлама, Безенги, случайная находка из Донифарса—Кореневский С. Н., 1986, с. 18—19), сосуда с совмещением северокавказской и закавказской технологических традиций изготовления в погребении № 2 могильника Айлама (Батчаев В. М., 1984, с. 155, рис. 21, 15), а также топоров сачхерских форм в горной Балкарии и Дигории (Кореневский С. Н., 1981, с. 36, рис. 5) свидетельствуют о проникновении сачхерских племен в горную зону западной части Центрального Кавказа и об активных процессах миксации местного и сачхерского населения в горных районах.

Таким образом, несмотря на относительную малочисленность и дискретность материалов ранней — начала средней бронзы в Кабардино-Балкарии, их анализ позволяет установить несколько иную картину этно-культурных процессов, чем в восточных районах Центрального Кавказа (Северная Осетия).

1. В XXIV—XXIII вв. до н. э. в предгорно-плоскостную зону Кабардино-Балкарии наблюдается проникновение отдельных микрогрупп куро-аракского населения и смешения их с местными майкопскими племенами; этот процесс фиксируется материалами Долинского поселения и показывает ситуацию, сходную с этнокультурной ситуацией эпохи ранней бронзы в Чечено-Ингушетии (Мунчаев Р. М., Бетров Р. Ж.). Об особенностях развития горных племен на этом этапе нам ничего не известно ввиду слабой изученности горных памятников данного периода.

2. В горах и предгорьях Кабардино-Балкарии не фиксируется появления новой волны куро-аракского населения, как это прослежено в более восточных районах; в начале XXII в. до н. э. в предгорно-плоскостной зоне Кабардино-Балкарии появляется новое северокавказское население, производящее керамику со «шнуровым» орнаментом; это население по особенностям материальной культуры и обряда захоронения сходно с населением восточ-

ных районов Центрального Кавказа (материалы погребений Чегема I, II, Лечинка и др.). Характерной особенностью, отличающей материальную культуру северокавказского населения Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в описываемый период является отсутствие в курганных погребениях Кабардино-Балкарии триподов, что может служить косвенным аргументом в пользу более восточного пути проникновения этих сосудов из Закавказья (или через Закавказье) в районы Северной Осетии и Ингушетии вследствие связей местных северокавказских и куро-аракских племен с посткуро-аракским населением Центрального Закавказья.

3. В 22 в. до н. э. происходит дальнейшее развитие северокавказских племен; влияния закавказских компонентов на их материальную культуру в этот период не наблюдается. Подобную особенность можно объяснить, исходя из материалов восточных районов (Северная Осетия), где куро-аракские племена появляются на плоскости только в середине — второй половине XXII в. до н. э.; начавшийся процесс миксации еще не успевает распространиться в сопредельные районы. В этот период в Центральном Закавказье происходит формирование раннесачхерских племен, связи с которыми прослеживаются только в горных районах Северной Осетии; возможно, аналогичный процесс установления взаимных контактов идет и в горах Кабардино-Балкарии, однако слабая изученность здесь горных памятников не позволяет в настоящее время его фиксировать.

4. В XXI—XX вв. до н. э. в предгорья западной части Центрального Кавказа проникают сачхерские племена, активно включаясь в этнокультурные процессы, происходящие на этой территории. В этот период они вступают в связи с племенами восточных районов; свидетельством таких связей может служить появление металлических изделий сачхерского круга в предгорных памятниках Северной Осетии.

В свою очередь, в XXI—XX вв. до н. э. наблюдается взаимный процесс обогащения племен западных районов Центрального Кавказа элементами материальной культуры их восточных соседей (появление в погребениях элементов куро-аракской орнаментации, спиральных пронизей, элементов куро-аракской технологии сосудов, обычая класть пряслице в погребение и т. д.)³⁴.

³⁴ Настоящая работа посвящена только изучению особенностей процессов, происходящих на Центральном Кавказе, с акцентом на выявление роли закавказского этнокультурного компонента в этих процессах. Несомненна и роль взаимных контактов между населением Центрального Кавказа и смежных областей Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа в конце I—начале II тыс. до н. э.; однако эти вопросы составляют отдельную тему исследования. Определенные шаги в этом направлении были предприняты нами при определении закавказских культурных влияний на дольменную культуру Северо-Западного Кавказа. (Ростунов В. Л., 1983, с. 86—89).

Объяснением локальных отличий в этнокультурном процессе Центрального Кавказа служат особенности территориального расположения племен в смежных районах.

Так, миграция куро-аракских племен на Центральный Кавказ прослеживается нами из районов Квемо Картли (Ахалцихе) через район среднего течения Куры (Шида Картли) в смежные центральнокавказские области Северной Осетии; наиболее раннее их появление здесь фиксируется в Алагирском, Кобанском и Куртатинском ущельях, соединенных с Центральным Закавказьем и между собой сложной сетью перевальных путей³⁵. Выход этих племен на плоскость также наблюдается в примыкающих к указанным районам (например, Дзуарикауский могильник расположен у выхода из Куртатинского ущелья).

Памятники сачхерского круга формируются в районах западной части Центрального Закавказья (Рача, Имеретия), граничащих с юга с районами Кабардино-Балкарии и примыкающей к ней Дигории. В этой связи становится понятным изначальное проникновение сачхерских групп в западные районы Центрального Кавказа как в области, непосредственно смыкающиеся с их ареалом.

В результате процесса активного взаимодействия трех этнокультурных компонентов — северокавказского, куро-аракского и сачхерского — начинается процесс их синтеза в предгорно-плоскостных районах Центрального Кавказа, что находит отражение в появлении нового культурно-хронологического пласта — «погребений с У-образными булавами и многовитковыми браслетами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамишвили Р., Чахтиани К., Гоциридзе Д., Цикаридзе С. Грмахевиставские селения и могильники.—В сб.: Полевые археологические исследования в 1974 году. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
2. Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым.—Сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984.
3. Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем, I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы).—Сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984.
4. Бетров Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа.—Нальчик: Эльбрус, 1982.
5. Воронов Ю. Н. Из истории западнокавказских перевальных путей: Тезисы доклада на конференции «Археология и краеведение ВУЗов и школы».—Грозный, 1985.
6. Глonti Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д. Некоторые итоги полевых работ 1964 г. Урбинской и Квирильской археологических экспедиций. ВГМГ, XXV.—В.—Тбилиси: Мецниереба, 1968.
7. Джавахишвили А. И., Глonti Л. И. Урбинис I.—Тбилиси: Мецниереба, 1962.
8. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры.—Тбилиси: Мецниереба, 1961.
9. Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.—МИА, 1941, № 3.
10. Дедабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы.—Сб.: Труды Кахетской археологической экспедиции (1965—1966 гг.), т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
11. Киквидзе Я. А. Раннебронзовое поселение Хизанаант-гора.—Тбилиси: Мецниереба, 1972.
12. Кореневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры.—СА, 1974, № 3.
13. Кореневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа.—Сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
14. Кореневский С. Н. Т- и У-образные булавы эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья.—Сб.: Этнокультурные проблемы Северного Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986.
15. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Трлалети.—Тбилиси, 1941.
16. Куфтин Б. А. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе.—Тбилиси, 1949.
17. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа.—Л., 1970.
18. Любин В. П. Энеолитический комплекс из грота Шау-левет.—КСИА, 1966, вып. 108.
19. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).—МИА, 1960, № 93.
20. Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечене (могильник Гатын-Кале).—Об.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
21. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, 1961, № 100.
22. Мунчаев Р. М., Сарганиди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы.—КСИА, 1964, вып. 98.
23. Мунчаев Р. М., Сарганиди В. И. Раскопки Бамутского курганного могильника в 1963 году.—КСИА, 1966, вып. 106.
24. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.—М.: Наука, 1975.
25. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке.—Киев: Наукова Думка, 1978.
26. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курганый могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау.—Сб.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
27. Николаева Н. А. Периодизация кубано-тер-

³⁵ Система перевальных путей Северного Кавказа хорошо описана Е. Г. Пчелиной (Пчелина Е. Г., 1934) и Ю. Н. Вороновым (Воронов Ю. Н., 1985, с. 53—55). Закавказская система перевальных путей исследована Ш. Г. Чартолани (Чартолани Ш. Г., 1984, с. 104—106). Данные этих исследований избавляют нас от повторения аргументации о важной роли кавказских перевальных путей в древности.

Таблица 1

**СХЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ С УЧАСТИЕМ ЗАКАВКАЗСКОГО
ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III—НАЧАЛЕ II ТЫС. ДО Н. Э.**

Дата	Восточная часть Центрального Кавказа (Северная Осетия)		Комплексы, документирующие события		Западная часть Центрального Кавказа (Кабардино-Балкария)		Комплексы, документирующие события	
	горная зона	предгорно-плоскостная зона	горная зона	предгорно-плоскостная зона	горная зона	предгорно-плоскостная зона	горная зона	предгорно-плоскостная зона
1	2	3	4	5	6	7	8	9
25? 24—23 вв. до н. э.	Проникновение отдельных групп куро-аракского населения в связи с развитием отгонного скотоводства; появление сезонных стоянок	Бытование племен майкопской культуры	стоянки Шау-лагат, Мышту— лагты лагат	майкопские погребения №№ 1/7, 1/8, 1/20, 2/5, 2/8, Дзуарикауского мог.	?	Проникновение отдельных групп куро-аракского населения; образование памятников с синкретическими куро-аракскими и майкопскими чертами	?	Долинское поселение; майкопские погребения
конец 23—начало 22 в. до н. э.	Миграция куро-аракских племен из районов Центрального Закавказья; установление связей с позднемайкопскими племенами предгорий		погр. № 3 Загли I; № 2 Загли II					
первая половина 22 в. до н. э.	Распространение куро-аракских племен со смешанными шиди-и квеомкартлийскими чертами; появление стационарных поселений и могильников	Появление новых северокавказских племен со «шнуровой» керамикой и триподами	поселение Загли Бар зонд; мо- гильники Загли I, II, Нижне- кобанск.	погр. № 1/19, 7/4 Дзуари- кауского мог.	?	Появление новых северокавказских племен со «шнуровой» керамикой	?	Погребения Чегема I, II, Лечинкая и др.
вторая половина 22 в. до н. э.	Установление связей куро-аракских племен с ранне-сачхерскими племенами Имеретии	Выход куро-аракских племен в предгорья, начало их контактов с местными центральнокавказскими племенами	погр. № 7 Загли I, № 1 Загли II (?), № 6 Нижнеко- банского могильн.	погр. №№ 4/5, 4/6, 7/1, 7/3, 12/1, 12/2, 12/3, Дзуа- рикауского мог.	?	Бытование местных центральнокавказских племен со «шнуровой» керамикой	?	Чегем I, II, Лечинкай и др. кур- ганные мо- гильн.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
21 в. до н. э.	Возможная верхняя хронологическая граница бытования в горах "чисто" куро-аракского населения	Начало процесса смешения куро-аракских племен с центральнокавказскими; появление в обиходе куро-аракских и центральнокавказских племен металлических изделий сачхерского круга	погр. №№ 1—3 Загли I (раскопки Е. И. Крупнова); могильник Загли I	погр. №№ 1/15, 2/2, Дзуарикауского могильника	Возможное появление групп сачхерского населения (?)	Появление сачхерских групп населения из северо-западных областей Центрального Закавказья; проникновение куро-аракских элементов материальной культуры; начало смешения центральнокавказского, сачхерского и куро-аракского компонентов; появление смешанных комплексов к концу периода	?	погр. № 4/1 Кабардинского парка; № 9/2 Чегема I. Находки из разрушенных курганов: Эбене-пер, "базки"
конец 21—20 вв. до н. э.	?	Продолжение процесса смешения потомков куро-аракского населения с центральнокавказским; появление сначала смешанных, а затем и синкретических комплексов	?	погр. №№ 2/6—7, 5/2 (верхний и нижний ярусы) Дзуарикауского мог.	Возможный процесс смешения местного населения с сачхерским	Продолжение процесса смешения центральнокавказских, сачхерских и куро-аракских групп населения	материалы из разрушенных мог. Айлама Безенги; случайные находки из Дигории	погр. № 2/1 Кабардинс. парка; находки из курганов: на шоссе Долинское—Нальчик—"садки"
конец 20—19 вв. до н. э.	?	Начало функционирования памятников "горизонта с У-образными булавками и браслетами"; начало образования новой этнокультурной общности в результате синтеза центральнокавказского, куро-аракского и сачхерского этнокультурных компонентов	В горных районах памятники этого периода пока не выявлены; в смежных районах Чечено-Ингушетии—могильник Гатын-Кале	погр. №№ 1/18, 2/3, 3/2, 11/23 Дзуарикауского могильника	могильники Айлама, Безенги	Начало функционирования памятников "горизонта с У-образными булавками и браслетами"; начало образования новой этнокультурной общности в результате синтеза центральнокавказского, куро-аракского и сачхерского этнокультурных компонентов	мог. Айлама, Безенги	погр. №№ 38/1, 41/1 Чегема II; 4/1, 18/2 Лечинкая; комплексы: "Советская дача", "Больничный корпус", Кабардинский парк"

ской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху.—Сб.: Катакомбная культура Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

28. Пхакадзе Г. Г. Энеолит Квемо Картали.—Тбилиси, 1963.

29. Пчелина Е. Г. Крепость «Зильде машин».—СЭ, 1934, № 3.

30. Ростунов В. Л. К вопросу о датировке родовых оградных подставок куро-аракской культуры.—Сб.: Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.

31. Ростунов В. Л. О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры.—Сб.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

32. Ростунов В. Л. К социальной интерпретации «рогатых кирпичей» раннебронзового периода Северного Кавказа.—Сб.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

33. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (к вопросу об истоках и путях миграции).—Сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.

34. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронологический и историко-археологический аспекты миграции).—Сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.

35. Сафронов В. А. Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века в Северной Осетии (тезисы VIII Крупновских чтений).—Нальчик, 1978.

36. Сафронов В. А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа (тезисы IX Крупновских чтений).—Элиста, 1979.

37. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации.—М., 1952.

38. Чайлд Г. Восток в свете новых раскопок.—М., 1956.

39. Чартолани Ш. Г. К вопросу хозяйственно-торгового и стратегического значения перевальных путей северо-западной Грузии в раннюю эпоху: Тезисы Душетской археологической конференции.—Тбилиси, 1984.

40. Чубинишвили Т. Н. Амиранис-гора.—Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1963.

41. Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа.—Тбилиси: Мецниереба, 1971.

42. Шевченко А. В. Новые палеоантропологические материалы бронзового века с территории Предкавказья.—В сб.: Проблемы хронологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

43. Blegen C. W. Annual British School at Athens, XXXVII.—London, 1936—37.

44. Herzfeld E. Iran in the Ancient East.—London—New-York, 1941.

45. Schaeffer C. F. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale.—London, 1948.

46. Schidt E. Excavations in tepe Hissar Damghan—Philadelphia, 1937.

Б. М. Хашегульгов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРЯДА ВЫТЯНУТОГО ТРУПОПОЛОЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В 1974 г. В. А. Сафронов выделил среди погребений эпохи бронзы Калмыкии компактную группу погребений (горизонт В), состоящую из вытянутых на спине костяков, доказав ошибочность отнесения их к ямной культуре (1). Исследователь связывал погребения горизонта В с «северокавказскими» племенами (1, с. 76). Действительно, обряд вытянутого трупоположения широко распространен на Северном Кавказе от Прикубанья до Дагестана включительно. Он появляется в постмайкопскую эпоху, в период грандиозных этнических изменений. Вопрос о происхождении обряда вытянутого трупоположения специально не ставился. В. И. Марковин указывал на его степное происхождение (2, с. 31), А. Л. Нечитайло, кроме того, рассматривала его, как производное от вытянутых погребений Лугового поселения (3, с. 52). Это утверждение базируется на ошибочном отнесении погребений Лугового поселения к погребениям куро-аракской культуры (4, с. 135, 136). В свое время они были отнесены к куро-аракской культуре на том основании, что в них обнаружены фрагменты раннебронзовой керамики. Однако в по-

гребениях раннежелезного века, расположенных на территории того же поселения, так же обнаружены фрагменты подобной керамики, которые попали туда из культурного слоя поселения эпохи ранней бронзы (5, с. 147, 148, 159, 166, 188).

Для того, чтобы ставить вопрос о происхождении обряда вытянутого трупоположения, необходимо рассмотреть территорию его распространения и время существования в регионе.

Прикубанье. В погребениях № 6, 13 кургана 5 Новокорсунского могильника обнаружены костяки, лежавшие на спине в прямоугольных ямах. В погребении № 13 костяк ориентирован головой на ЮЗ, дно могилы посыпано охрой. По времени за этими погребениями следуют комплексы катакомбной культуры (6, с. 15—18).

В погребении № 3 кургана 11 Батуринского могильника костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Дно могилы поверх циновки засыпано мелом, а затем охрой. В погребении № 6 того же кургана находились вытянутые на спине костяки. Дно могилы посыпано мелом и реальгаром с вкраплениями уголь-

ков. Эти погребения перекрываются комплексами катакомбной культуры. По мнению Э. С. Шарафутдиновой вытянутые костяки синхронны или перекрывают погребения со слабоскорченными костяками и повозками (№ 4, 11), которые в свою очередь перекрывают погребения позднемайкопского типа (№ 12, 13, 16, 8), датирующиеся второй половиной III тысячелетия до н. э. (6, с. 19—22).

Такая же стратиграфия зафиксирована в кургане у г. Тимашевска. Погребение № 20 с вытянутым на спине костяком, ориентированным головой на запад (на дне могилы зафиксированы подстилки и подсыпки из мела и охры) перекрывало древнеямные и позднемайкопские погребения. В. Н. Каминский охарактеризовал это погребение как переходное от эпохи ранней к средней бронзы (7, с. 165—167). Вытянутые костяки обнаружены в деревянном срубе основного погребения кургана у хут. Песчаный (8, с. 106, 107). В курганах раскопанных в зоне строительства Краснодарской оросительной системы за древнеямными комплексами следуют погребения с вытянутыми на спине костяками и посоховидными булавами (9, с. 132).

Большая группа погребений с вытянутыми на спине костяками происходит из курганных могильников Верхнего Прикубанья. Древнейшие погребения Суворовского могильника относятся к древнеямной культуре, а следующую стратиграфическую группу составляют погребения с вытянутыми на спине костяками, перекрываемые предкавказскими катакомбами. Вытянутые костяки находились в прямоугольных, трапециевидных и овальных ямах. Дно ям, поверх подстилки из коры, посыпалось мелом и охрой, которой также покрывались и конечности погребенных. Перекрытия погребальных ям подвергались воздействию огня, в засыпке ям часто встречались угольки. В некоторых случаях ноги костяков слабо подогнуты. В основных погребениях костяки ориентированы, в подавляющем большинстве, головой на запад, реже на восток. Так из 11 основных погребений, костяки в 8 случаях ориентированы на запад (в одном случае с небольшим отклонением на юг), в 2 случаях на восток (в одном случае с небольшим отклонением на север) и в одном случае на север. Впускные погребения этой группы расположены в основном по окружности курганов (10). А. Л. Нечитайло привела несколько случаев стратиграфии на Усть-Джегутинском курганном могильнике. В кургане 24 (основное погребение майкопское) было впущено 3 захоронения в ямах со срубами, костяки лежали вытянуто на спине головой на запад (3, с. 15). В кургане 28 основное майкопское погребение

костяк лежал вытянуто на спине головой на восток. Над этим погребением располагалось захоронение в срубе с вытянутым на спине костяком, ориентированным головой на запад. После этого в курган был впущен каменный ящик с позднебронзовым погребением (3, с. 15, рис. 6, 1, 2). Курган № 33 был насыпан над майкопским погребением, которое было разрушено «северокавказским» погребением № 3 с вытянутым костяком в грунтовой яме, ориентированным на восток, которое в свою очередь перекрывалось захоронением в срубе с вытянутым на спине и ориентированным на СВВ погребением (3, с. 15, 16). Вытянутые костяки «северокавказской» культуры происходят и из кургана у аула Бесленей (11, с. 110).

Мы рассмотрели несколько курганных могильников Прикубанья. К сожалению не все материалы, добытые в ходе их раскопок, опубликованы. Рассматривая могильники этого района, необходимо отметить, что «горизонт» вытянутых костяков, почти всюду перекрывается катакомбными погребениями. Сложнее определить нижнюю стратиграфическую границу рассматриваемых погребений. Стратиграфия могильников Верхнего Прикубанья выглядит более упрощенной и вытянутые костяки в них непосредственно перекрывают позднемайкопские и древнеямные комплексы. Несколько иначе выглядит картина в Нижнем Прикубанье, где между собственно майкопскими памятниками и «горизонтом» вытянутых костяков расположена прослойка погребений степного типа. Разница в стратиграфии курганов Верхнего и Нижнего Прикубанья может объясняться различными историческими судьбами этих территорий. В то же время нельзя игнорировать мнение исследователей, например А. А. Нехаева, о синхронности промежуточных степных комплексов «новосвободненским» памятникам (12, с. 42). В таком случае вытянутые костяки Нижнего и Верхнего Прикубанья действительно выглядят как единый горизонт. А. А. Нехаев датирует группу погребений степного правобережья Кубани концом III—началом II тысячелетия до н. э. (12, с. 42). С привлечением радиоуглеродных дат А. Л. Нечитайло относит нижнюю границу вытянутых костяков Верхнего Прикубанья к последней четверти III тысячелетия до н. э. (3). Н. А. Николаева относит часть погребений этого типа к I эпату т. н. «кубань-терской культуры», датируемому 2250—2100 гг. до н. э. (13, с. 82). В разработанной В. А. Сафроновым хронологии бронзового века степных районов Кубани указывается, что на рубеже раннего и среднего бронзового веков в Ады-

гею проникли древнейшие племена, которые перекрываются вытянутыми на спине костяками в деревянных гробницах на галечной вымостке, с набором орудий, близких новосводненскому типу и степным погребениям с повозками. Верхняя дата этих погребений по В. А. Сафронову — первая половина XIX в. до н. э. (14, с. 6—9).

Ставрополье, Кабардино-Балкария. Курганы Константиновского плато близ г. Пятигорска дают несколько случаев стратиграфии. В кургане № 1 (3) основное погребение, по-видимому — майкопское (перекрывает вытянутым костяком, ориентированным на восток в деревянном срубе). Правая нога погребенного согнута, стопы ног окрашены охрой. После этого в курган введена каменная гробница с вытянутым на спине костяком (15). Идентичное погребение в срубе было основным в кургане 2 (4), оно перекрывалось каменными гробницами эпохи средней бронзы (15). В курганах 1 (5) и 3 (7) основными были вытянутые на спине костяки в грунтовых ямах, ориентированные в восточном секторе (16, с. 36—39). Вытянутое погребение (погребенный ориентирован головой на 3) было основным в кургане у совхоза «Машук» (17, с. 110). Основное погребение Зеленокумского кургана находилось в вытянуто-прямоугольной яме, дно которой было посыпано мелом и охрой. Костяк лежал вытянуто на спине головой на СВ, под ним обнаружены угли. Впускными в этом кургане были погребения эпохи бронзы, в том числе ямнокатакомбное (18, с. 100). Несколько погребений с вытянутыми на спине костяками, в том числе два парных, обнаружены в курганах у с. Грушевское Ставропольского края. Отмечено перекрывание их скорченными костяками катакомбного времени (19, с. 114, 115). Большая группа погребений с вытянутыми на спине костяками обнаружена в курганах в районе г. Кисловодска (20).

Е. И. Крупновым прослежена стратиграфия кургана у с. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии, насыпанного над «энеолитическим» погребением. Следующим по времени было погребение № 10, после этого в насыпь были введены погребения №№ 9, 2 с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на СВВ и СВ в деревянных коробах (21, с. 196—213). Погребение № 10, предшествовавшее вытянутым костякам, по обряду и керамике сопоставляется с раннебронзовыми погребениями Нижнего Подонья (22, с. 249—254). Погребения с обрядом вытянутого труположения открыты в кургане у с. Старый Черек (23, с. 3—13).

73 погребения с подобным обрядом открыто в могильниках Чегем I и II, Кишпек, Кызбурун III, Лечинкай (24, 25, 26, 27). К сожалению эти материалы слабо стратифицированы. Предварительно можно предполагать наличие между майкопскими погребениями и «горизонтом» вытянутых костяков комплексов с синкретическими чертами посткуро-аракского времени¹ (Лечинкай 18/2), которые можно датировать XXI—XX вв. до н. э. По-видимому, погребения с обрядом вытянутого труположения в этом районе не могут датироваться раньше XX века до н. э.

Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Дагестан. В Северной Осетии погребения эпохи средней бронзы с обрядом вытянутого труположения происходят из Терской (1/1), Хазнидона (1/2, 3, 4; 2/2; 5/3, 5) (29, с. 102, 103), Уруха (1/2; 2/4), Ногира (1/13) (14, с. 3, 1; 4/1; 4, 20) и перекрываются катакомбными комплексами. В погребении 9/1 Дзуарикауского могильника обнаружен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на восток. На одном из сосудов погребения зафиксированы группы сосцевидных налепов (28, рис. 20, 1, 2). Согласно исследованию В. Л. Ростунова сосцевидные налепы появляются на керамике эпохи средней бронзы Северного Кавказа как наследие куро-аракской культуры². Куро-аракскую традицию продолжают и другие сосуды из этого погребения (28, рис. 20, 1, 3, 6, 7). Погребение перекрывается комплексами предкатакомбного времени.

В Чечено-Ингушетии в Бамутском курганном могильнике исследовано несколько погребений по обряду вытянутого труположения в кургане № 14 1959 г. (30, с. 140, табл. XXI, III), № 3 1963 г. (31, с. 74—78), № 3 1965 г. (32, с. 137—140), № 6 1965 г. (32, с. 143—148). Для этих погребений Бамутского могильника характерна ориентировка в восточном секторе, использование охры, слабая насыщенность инвентарем. Погребения с обрядом вытянутого труположения перекрывают посткуроаракские погребения и в свою очередь перекрываются погребениями катакомбного времени. Это позволяет датировать вытянутые костяки Бамутского могильника первой половиной II тысячелетия до н. э., не раньше XX в. до н. э.

В Мекенских курганах эпохи бронзы, расположенных в степной зоне Чечено-Ингушетии, обнаружено 5 погребений с вытянутыми костяками ориентированными в восточном секторе. Они перекрывают погребения древнейшей культуры и в свою очередь перекрываются катакомбными погребениями (33).

¹ См. статью Ростунова В. Л. в настоящем сборнике.

² Там же.

В Дагестане погребения с вытянутыми костяками обнаружены в Миатлинских и Утамышских курганах. В Миатлинских курганах обнаружено 6 таких погребений в грунтовых ямах, ориентированных в юго-восточном секторе. В погребальном обряде использовались охра и огонь. (34, с. 81—101). В Утамышских курганах обнаружено 2 погребения с вытянутыми костяками, ориентированными в западном секторе (35). Они датированы 2-ой четвертью II тысячелетия до н. э. (35, с. 50). В. И. Канивец включал вытянутые костяки Миатлинских курганов в выделенный им 1-ый тип погребений, который он считал древнейшим на могильнике (36, с. 36). На материалах Миатлинского поля трудно решить вопрос о стратиграфическом положении вытянутых костяков относительно древнейших памятников Дагестана. Заметим, однако, что керамика со шнуровым орнаментом, подобная керамике погребений 1-го типа Миатлинских курганов, обнаружена в верхнем слое Сигитинского поселения, которое М. Г. Гаджиев относит «...ко второй половине, ближе к последней четверти III тысячелетия до н. э.» (37, рис. 14, 30, 51; с. 42). Это, по-видимому, позволяет датировать рассматриваемые нами погребения Миатлинского могильника концом III—началом II тысячелетия до н. э.

Калмыкия (Восточный Маныч). Группа погребений с вытянутыми костяками в курганах Калмыкии выделена В. А. Сафроновым в «горизонт В» (1). Эти погребения перекрывают захоронения древнеямной культуры и в свою очередь перекрываются катакомбными. В курганах Восточного Маныча, раскопанных В. И. Синицыным, такие погребения известны во всех трех курганных группах (I—6/4; 36/2; 42/3; 54/; II—4/3; 18/4; 33/7; 35/4; 39/6; III—4/16; 9/2; 25/7; 26/5 и др. (38). Эти погребения ориентированы в основном в восточном секторе, в погребениях встречаются мел и охра. Вытянутые костяки этой группы встречаются в могильнике Чограй VIII (39, с. 92).

Такова далеко не полная сводка погребений, совершенных по обряду вытянутого труположения в курганах Северного Кавказа (от Нижнего Прикубанья до приморского Дагестана) и Калмыкии³. Стратиграфия рассмотренных памятников указывает на то, что погребения с обрядом вытянутого труположения эпохи бронзы занимают единый хронологический горизонт, верхняя граница которого определяется временем широкого распрост-

ранения на Северном Кавказе памятников катакомбной культуры. Нижняя граница этого горизонта определяется временем существования памятников древнеямной культуры в Калмыкии и части равнинной зоны Северного Кавказа (Суворовская, Мекенская и др.), памятниками степного типа, подвергнувшимися значительному влиянию позднемайкопской культуры (Батуринская, Новокорсунская и др.) и, наконец, памятниками посткуро-аракской культуры в Центральной и Восточной части Северного Кавказа (Лечинкай, Бамут и др.). Исходя из имеющихся датировок, горизонт вытянутых костяков эпохи бронзы Северного Кавказа можно в целом датировать последней четвертью III—первой половиной II тысячелетия до н. э.

Решение вопроса о происхождении обряда вытянутого труположения является лишь частью проблемы формирования археологических культур Северного Кавказа в постмайкопскую эпоху. В эпоху ранней бронзы такой обряд в регионе отсутствовал полностью. Его широкое распространение в рамках одной исторической эпохи на Северном Кавказе закономерно рассматривать как археологический факт миграции древних племен.

Методологической основой решения вопроса являются критерии миграций эпохи бронзы, разработанные В. С. Титовым (40, с. 92), успешно примененные при разработке теории миграции куро-аракских племен на Центральный Кавказ (41, 91—130). Эти критерии: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ (исходная и конечная территория миграции должны соприкасаться), ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ (на исходной территории культура мигрантов должна существовать раньше, чем на конечной), КРИТЕРИИ ЛЕКАЛЬНОСТИ (культура мигрантов в конечном пункте должна быть точной копией культуры исходной территории), разработаны для решения вопросов миграции культур. А поскольку «горизонт вытянутых костяков Северного Кавказа» не является таковой, то третий критерий В. С. Титова (критерий локальности) не может быть применен.

Таким образом, в поисках исходной территории племен, принесших на Северный Кавказ обряд вытянутого труположения, нам необходимо рассмотреть памятники III тысячелетия до н. э. территорий, прилегающих к Северному Кавказу. Закавказье, вследствие отсутствия на его территории подобного обряда в III тысячелетии до н. э., не рассматривается. Напротив, Восточная Европа, со степями

³ В сводку не включены могильники типа Айлама (КБАСР), Гатын-Кале (ЧИ АССР), Гинчи (ДАССР), Тли (ЮОАО), в которых погребения с вытянутыми костяками относятся уже к катакомбной эпохе.

которой соприкасается зона Северного Кавказа на всем его протяжении, является родиной древних племен, на протяжении тысячелетий практиковавших обряд вытянутого труположения.

Рассмотрим 6 условных групп погребальных памятников Восточной Европы III тысячелетия до н. э.

I. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА

Северо-западная группа включает в себя памятники культуры воронковидных кубков на территории СССР и Восточной Польши (Зимно, Цмелюв, Грудек Надбужный, Малые Грибовичи). На поселении Зимно выявлено несколько погребений, совершенно вытянуто на спине и ориентированно в западном секторе (42, 43, 44, 45). Подобные захоронения известны в Юго-Восточной Польше «где погребения совершены в грунтовых ямах в вытянутом положении на спине, головой на запад» (46, с. 260). В Северо-Восточной Польше известны подкурганные мегалитические сооружения, в которых наряду со скорченными часто встречаются вытянутые на спине костяки, ориентированные в западном секторе (46, с. 261). Памятники культуры воронковидных кубков датируются второй четвертью IV—второй четвертью III тысячелетия до н. э. (47, с. 57).

II. ВОЛОСОВСКАЯ ГРУППА

Волосовская группа представлена грунтовыми могильниками, расположенными обычно на территории поселений. На Языковской стоянке вскрыто несколько костяков, лежащих вытянуто на спине и ориентированных головами на запад, в погребениях отмечены следы красной краски, зафиксированы ритуальные кострища (48, с. 52, 53; 49, с. 39). Вытянутые костяки представлены на стоянках Сахтыш I (50) и Сахтыш VIII, где они в основном ориентированы в восточном секторе, зафиксировано применение краски (51, с. 40; 52, с. 46—55; 53, с. 69; 54, с. 66). На стоянке Владычица-Береговая вскрыто несколько вытянутых на спине костяков, ориентированных в восточном секторе. На дне могильных ям прослежены угольные линзы и вкрапления охры (55, с. 60; 56, с. 8—14). Погребение, ориентированное в западном секторе, обнаружено на стоянке Владычица-Береговая II. В ногах и у черепа погребенного зафиксированы охристые линзы (57, с. 104). Погребения с вытянутыми костяками обнаружены на стоянках Володары, Ибердус II, Черная Гора (56, с. 8).

Д. А. Крайнов выделяет две стадии в истории волосовской культуры. Ранняя стадия датируется с середины III тысячелетия до н. э., а поздняя — концом III — первой четвертью II тысячелетия до н. э. (58, с. 57—62).

III. ПРУТО-ДНЕСТРОВСКАЯ ГРУППА

На территории Пруто-Днестровья известно более десятка могильников с погребениями по обряду вытянутого труположения. Часть этих погребений обнаружена на трипольских памятниках. На поселении Незвиско III обнаружен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на СВ (59). Пять вытянутых на спине погребений обнаружено в поздне-трипольском могильнике Парканы, погребенные ориентированы на юг (60, с. 41). Единичные погребения на спине известны из Тудорова (46, с. 225). Большинство погребений этого типа в Пруто-Днестровье открыто в курганных могильниках. Древнейшее погребение кургана I второго курганного могильника у пос. Суворово находилось в трапециевидной яме и содержало два костяка, лежавших вытянуто на спине со слегка согнутыми ногами, ориентированных головами на восток. В состав инвентаря погребения входил т. н. «скипетр» в виде головы лошади (61, с. 234). В Болградском могильнике обнаружено погребение (1/9) в подпрямоугольной яме с вытянутым на спине костяком, ориентированным головой на ЮЗ (62, с. 116—119). В усатовском кургане Семеновского могильника обнаружены впускные погребения «катакомбной» культуры в овальных ямах с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на ЮЗ (63, с. 394, 395).

Группа вытянутых костяков происходит из стратифицированных курганных могильников, материалы которых опубликованы в последнее время. *Ефимовские курганы*. Основное погребение кургана 2 содержало скорченный на спине костяк с западной ориентировкой. Впускное погребение № 1, определенное как «катакомбное», в овальной яме содержало вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на СЗ. Ноги слегка согнуты. Под костяком обнаружена растительная подстилка, на костях и на дне погребения охра (64, с. 95, 96, рис. 2, 6). В кургане 6 основное погребение не выявлено, в погребении № 1 расчищен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на запад (погребение определено как ямное). В прямоугольной яме погребения № 2 находился вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на СВ (погребение определено как катакомбное) (64, с. 105). Курган № 9 был насыпан над древнеямным погребением.

нием № 21. В курган впушено погребение № 13, так же определенное как древнеямное, где в овальной яме расчищен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на СЗ (64, с. 109). Курган 10, возведенный над усатовским погребением, содержал два впускных погребения (1, 3) с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на восток. Культурная принадлежность их неясна. В курган были впушены также древнеямные погребения (64, с. 112).

Подобная ситуация зафиксирована в кургане 1 у сел. Николаевка. В усатовском кургане, наряду с древнеямными погребениями, обнаружено захоронение «эпохи бронзы» с вытянутым на спине костяком, ориентированным головой на ЮВВ в подтрапцевидной яме (64, с. 117).

В кургане 2 у сел. Мирное в погребении № 2 расчищен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на запад. Основным в кургане было погребение № 3, отнесенное к эпохе средней бронзы (64, с. 128).

Три погребения с вытянутыми на спине костяками происходят из курганов у сел. Вишневое. Курган 11 насыпан над «раннеямным» погребением № 10, где в трапцевидной яме с заovalенными углами расчищен вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на восток, погребенный обильно посыпан охрой (65, с. 139, 140, рис. 2, 4). В курган впушены скорченные на спине погребения ямной культуры. Впускное погребение № 2, определенное как «катакомбное», содержало вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на запад (65, с. 135, рис. 2, 9).

Вытянутое труположение не характерно для трипольской культуры на всех этапах ее развития. Погребение на поселении Незвиско III закономерно рассматривается как результат проникновения в трипольскую среду степных (среднестоговских) традиций (46, с. 212). То же самое можно сказать и о позднем этапе трипольской культуры (Тудорово, Парканы). Источником традиции вытянутого труположения в данном случае служили энеолитические племена Нижнего Подунавья, традиционно считающиеся доусатовскими (66, с. 9). К их числу, видимо, следует отнести и погребение со «скипетром» у пос. Суворово (61, с. 23), датирующееся концом IV—началом III тысячелетия до н. э. Обряд вытянутого труположения практиковался в этом районе и в постусатовское время. Причем, погребения постусатовского времени делятся на две группы по ориентировке: костяки, ориентированные в восточном секторе, и костяки, ориентированные в западном. Рассмотрим погребения с восточной ориентировкой. Погребение 2 кур-

гана 6 Ефимовского могильника впушено в курган, где основное погребение не определено. Соотношение его с древнеямными погребениями и погребением № 1 не ясно. Погребение 3 кургана 10 впускное по отношению к основному усатовскому погребению. Погребение 6 кургана 1 Николаевского могильника впускное при основном усатовском погребении. Вытянутое погребение 10 в кургане 11 Вишневского могильника было основным. Впускными в этом кургане были погребения древнеямной культуры со скорченными на спине костяками, вытянутое погребение с западной ориентировкой, погребения в катакомбах. Приведенные данные позволяют предположить, что в рассматриваемом районе постусатовские погребения с вытянутыми на спине костяками, ориентированными в восточном секторе, древнее погребений ямной культуры и погребений с вытянутыми на спине костяками, ориентированными в западном секторе.

Рассмотрим погребения с западной ориентировкой. Погребение 1 кургана 2 Ефимовского могильника было впускным по отношению к погребению ямной культуры со скорченными на спине костяком. Погребение 13 кургана 9 того же могильника впушено в насыпь с основным древнеямным погребением. Погребение 2 кургана 2 у сел. Мирное впускное при основном погребении «эпохи средней бронзы». Погребение 2 кургана 11 Вишневского могильника было впускным при основном погребении с вытянутым на спине и ориентированным на восток костяком. Погребение 17 кургана 17 было впускным по отношению к основному древнеямному погребению.

Таким образом в Пруто-Днестровском районе вытянутые погребения с западной ориентировкой относятся к послейамному времени. Погребения с вытянутыми костяками, ориентированными в восточном секторе, появляются здесь в эпоху энеолита и принадлежат степным племенам. Их традиции проникают в трипольскую среду. Эта группа продолжает существовать и в постусатовское время. С приходом древнеямных племен традиция вытянутого труположения затухает и восстанавливается только в послейамный период, когда появляются вытянутые на спине костяки, ориентированные в западном секторе.

IV. БУГО-ДНЕПРОВСКАЯ ГРУППА

Буго-Днепровская группа наиболее насыщена погребальными памятниками с костяками, захороненными по обряду вытянутого труположения. *Бассейн Южного Буга и Ингула.* В кургане у с. Серезлиевка обнаружен вытя-

нутый на спине костяк с антропоморфной статуэткой трипольского типа (67, с. 183). Погребение № 14 в кургане 2 у с. Новорозановка, ориентированное на юг, было впускным при основном древнеямном погребении. По-видимому это погребение относится к катакомбной культуре (68, с. 76). Погребение № 30 кургана 1 у с. Старогожено с ориентированным на СВ окрашенным костяком относится к доямному времени, определено как погребение нижнемихайловского типа (69, с. 118). Впускным по отношению к основному нижнемихайловскому погребению было погребение № 28 кургана 1 у с. Соколовка с костяком, ориентированным в восточном секторе, ноги погребенного чуть согнуты, на костях следы краски (70, с. 88, рис. 8, 2). В погребении с вытянутым костяком, исследованном у с. Чечелювка обнаружен сосуд майкопского типа (111, с. 134). Большая группа доямных погребений с вытянутыми костяками происходит из курганов у с. Широкое на Ингульце (71).

Кроме того, на Правобережье Днепра в Херсонской области известны погребения, выполненные по этому обряду, ориентированные на восток и север из Осокоривки (72, с. 128), Марьянского (72, с. 136, 137) и Первомаевки (72, с. 128). В кургане 3 у с. Верхняя Хортица основное погребение, определенное как энеолитическое, содержало вытянутый на спине костяк, ориентированный на восток (73, с. 308). Обряд вытянутого труположения зафиксирован в курганах Полтавской области. В курганах у с. Орлик такие погребения относятся к эпохе ранней бронзы (74, с. 275).

Особое значение для решения вопросов хронологии погребений с вытянутыми костяками в Поднепровье имеют материалы курганов бассейна р. Самары, исследованные экспедицией Днепропетровского университета. Это курганные могильники у с. Верхняя Маевка (75), с. Хашево (76), с. Булаховка, с. Соколово, о-в Самарский (77), пос. Подгородное, с. Нижняя Маевка, с. Спасское (78). В этих могильниках погребения с вытянутыми костяками неизменно занимали древнейшее положение и перекрывались всеми обрядовыми группами, в том числе древнеямными погребениями. Захоронения располагались в вытянуто прямоугольных и овальных ямах, зачастую их деревянные перекрытия подвергались воздействию огня. Угли встречаются в засыпке и на дне могильных ям. Дно могильных ям, поверхность растительной подстилки, покрывалось меловой и охристой подсыпками. Наблюдается большой процент парных захоронений. Погребения в подавляющем количестве ориентированы на В и СВ. Наблюдается окрашенность

костяков, более характерно частичное окрашивание костей (череп, конечности). Группа аналогичных погребений исследована в Разумовских курганах Запорожья, которые также перекрывались древнеямными погребениями. Погребенные захоронены в узких прямоугольных ямах, ориентированы на СВ (79, с. 297; 80, с. 61—65). Подобные погребения известны в курганах у с. Жовтневое (81, с. 300), хут. Богодатный (82, с. 26), Харчевник (83, с. 74—82), «Высокая могила» (84, с. 317, 318), Преслав 1, 2/6 (85, с. 44), совх. «Аккермень» (86, с. 117), с. Вознесенки (87, с. 363), с. Громовка (88, с. 270) и в некоторых других пунктах.

Кроме того, группа погребений с вытянутыми костяками исследована в Верхнетарасовских курганах на Правобережье Днепра в Томаковском районе Днепропетровской области. Все погребения этой группы основные в курганах, ориентированы на восток и северо-восток, характерна интенсивная окраска охрой (89, с. 40, 41). Ю. Я. Рассмакин датирует Верхнетарасовские погребения серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. (89, с. 41). С. Н. Ляшко отмечает древность вытянутых костяков Разумовских курганов относительно погребений древнеямной культуры и относит их к энеолитическому времени (80, с. 63). И. Ф. Ковалева наметила в 1977 г. линии синхронизации для погребений с вытянутыми костяками Орельско-Самарского междуречья: с раннеямными погребениями Волго-Донского Междуречья, среднестоговскими памятниками, и двумя ступенями развития майкопской культуры (75, с. 77), а в 1979 г. указала дату: последняя четверть IV—конец III тысячелетия до н. э. (77, с. 70). Это согласуется с мнением О. Г. Шапошниковой о прекращении традиции вытянутого труположения в Правобережье Днепра с приходом племен древнеямной культуры, которые она датирует в этом районе последней четвертью III—началом II тысячелетия до н. э. (90, с. 23).

Таким образом в бассейнах Южного Буга и Днепра в конце IV—III тысячелетия до н. э. широко практиковался обряд вытянутого труположения. В конце III тысячелетия до н. э. с приходом древнеямных племен эта традиция исчезает.

V. ДОНО-ДОНЕЦКАЯ ГРУППА

Впервые погребения этой группы были открыты В. А. Городцовым на Северском Донце (с. Каменка, хут. Ковалева, хут. Шпаковка) и на р. Бахмут (с. Радионовка, с. Ступки, д. Переездная). Вытянутые погребения ориентированы на СВ и восток (Изюмский тракт), применялась охра, бревенчатые перекрытия

подвергались воздействию огня (91, с. 216). К ним примыкают погребения из Грушевахинских курганов, где костяки лежали вытянуто на спине, со слегка согнутыми ногами в ямах восьмеркообразной формы (92, с. 308). Вытянутый на спине костяк, ориентированный на восток, был обнаружен Н. Е. Брандербургом у ст. Крым (93, № 147).

Группа погребений с костяками, захороненными по обряду вытянутого труположения, зафиксирована в курганах верхнего течения Дона. У сел. Введенка Лицевкой области исследованы вытянутые на спине и ориентированные на СВ погребения (94, с. 159—169). В кургане у с. Ширяево Воронежской области вскрыто погребение, выполненное по обряду вытянутого труположения, оно отнесено к числу древнейших (95, с. 77). Интересный материал дали раскопки кургана «Ивановский бугор» у с. Черкасское Воронежской области, где открыта группа энеолитических погребений, совершенных по обряду вытянутого труположения. Большинство погребений ориентировано в восточном секторе и датированы серединой — второй половины III тысячелетия до н. э. (96, с. 89—90). В курган влущены древнейшие и катакомбные погребения.

В. Я. Кияшко в Нижнем Подонье выделил II группу погребений, которая включала в себя захоронения, выполненные по обряду вытянутого труположения. По определению исследователя это одиночные и парные захоронения в неглубоких прямоугольных ямах с каменными и камышовыми перекрытиями. Окрашенные охрой костяки ориентированы на восток или северо-восток. В погребениях встречаются следы использования в обряде огня, в подсыпке мел и охра (97). В кургане I Бирюковского могильника погребение с костяком, ориентированным на СВ, было перекрыто среднебронзовым погребением с каменным топорищем (98, с. 244, 245). В Ливенцовском могильнике погребение 8 кургана I (1964 г.) с вытянутым на спине и ориентированным на восток костяком было перекрыто катакомбными погребениями (99, с. 101). Такая же стратиграфия зафиксирована в кургане у ст. Хапры (100, с. 115). Погребения с вытянутыми костяками исследованы в Койсугском (101, с. 99), Лакедемоновском (102, с. 121), Крепийском I (103, с. 127), Ильинском (82, с. 30) и других могильниках.

Группа погребений Северского Донца и, возможно, Верхнего Подонья, хронологически соответствует погребениям Буго-Днепровской группы. Погребения Нижнего Подонья не являются древнейшими в этом районе, они перекрывают значительную группу древнейших захоронений. Ко времени появления в Нижнем

Подонье погребений с костяками, захороненными по обряду вытянутого труположения (начало 2-ой половины III тысячелетия до н. э.), относится значительная активизация культурных связей Нижнего Подонья с Северным Кавказом (97, с. 17, 18).

VI. ЗАВОЛЖСКАЯ ГРУППА

По-видимому, к числу древнейших погребений, выполненных по обряду вытянутого труположения, здесь относятся погребения Съезженского могильника. Для них характерна ориентировка на СВ и использование охры (104, с. 137). В курганах, раскопанных на окраине г. Волжский, встречены вытянутые на спине костяки, определенные как захоронения ямного времени (105, с. 167). В Крутойрских курганах Саратовской области зафиксировано перекрывание скорченным на спине костяком древнейшего погребения захоронения с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на восток (106, с. 71, рис. 1, 1). В Покровских курганах Куйбышевской области вытянутое на спине захоронение, ориентированное на восток, отнесено к полтавскому времени (107, с. 136). Большой интерес вызывают материалы Утеевских курганов (Куйбышевская обл.). В кургане I 1-го Утеевского могильника исследовано погребение с костяком, захороненным по обряду вытянутого труположения с богатым набором бронзовых орудий, керамическим сосудом и золотыми подвесками. В погребении использована охра. Аналогичное погребение обнаружено в 5-ом Утеевском могильнике (108, с. 165, 166). Погребения, выполненные по этому обряду, известны в Бережновском курганном могильнике (109).

Н. К. Качалова относит погребения с вытянутыми костяками к числу древнейших в Заволжье (110, с. 18, рис. 4). Е. К. Максимов указывает на хронологическую близость вытянутых костяков к древнейшим погребениям (106, с. 74, 75) и датирует их концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Материалы, сведенные в 6 условных групп, неравноценны по своему значению. Многие из этих материалов еще не опубликованы полностью, что не позволяет интерпретировать их с полной уверенностью. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать некоторые выводы.

Волосовские племена и племена культуры воронковидных кубков едва ли можно связывать с Северным Кавказом. Отсутствие в этих группах традиций курганных захоронений, большая географическая отдаленность и отсут-

ственные промежуточные памятников, свидетельствующих о их передвижениях, не позволяют предполагать участие названных групп в этнических процессах на Северном Кавказе в конце III—начале II тысячелетия до н. э.

У племен Пруто-Днепровской, Буго-Днепровской и Доно-Донецкой групп много общего с племенами Северного Кавказа в погребальных обычаях: вытянутое труположение, наличие обряда слабой согнутости ног, использование трапезнивидных, вытянутопрямоугольных и овальных ям, срубов, круговое расположение могил в курганах, широкое использование огня в погребальной обрядности, традиция полного и частичного окрашивания костей охрой, использование послойной подсыпки мелом и охрой. Названные группы уже к середине III тысячелетия до н. э. имели определенный опыт контактов с северокавказскими племенами, о чем говорят находки майкопской керамики на Украине (111) и знакомство с майкопской металлургией (75). Материалы Нижнего Подонья, вплотную примыкающего к Северному Кавказу, позволяют видеть в погре-

блениях этого района как бы промежуточную группу.

Племена, оставившие вытянутые погребения Пруто-Днепровской, Буго-Днепровской и Доно-Донецкой групп датируются концом IV—III тысячелетием до н. э. Будучи более древними, чем сравниваемые с ними погребения Северного Кавказа, и, связанные с ними промежуточной группой Нижнего Подонья, они могут рассматриваться как возможные предки части северокавказских племен эпохи средней бронзы. Значение Заволжской группы на сегодняшний день не совсем ясно. Однако материалы некоторых погребений (Утеевские курганы) позволяют говорить о связях с Северным Кавказом.

Проведение детальной классификации погребений обоих регионов, детальное исследование материальной культуры, упорядочение хронологических колонок позволит в будущем решить вопрос о происхождении конкретных групп северокавказского населения эпохи средней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.—В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974.
2. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.—МИА, 1960, № 93.
3. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке.—Киев, 1978.
4. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, 1961, № 100.
5. Мунчаев Р. М. Луговой могильник.—ДЧИ, М., 1963.
6. Шарафутдинова Э. С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье.—КСИА, 1983, № 176.
7. Каминский В. Н. Раскопки кургана эпохи бронзы в г. Тимашевске на Кубани.—В сб.: Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тезисы докладов. Баку, 17—21 мая 1985 г.
8. Ждановский А. М. Исследование в Тбилиском районе Краснодарского края.—АО 1979, М., 1980.
9. Сафронов В. А. Исследование курганов в Среднем Прикубанье.—АО 1981, М., 1983.
10. Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев, 1979.
11. Биджиев Х. Х. Разведки и раскопки в Караево-Черкесии.—АО 1981, М., 1983.
12. Нехаев А. А. Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани.—В сб.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
13. Николаева Н. А. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху.—В сб.: Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
14. Сафронов В. А. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани.—В сб.: Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов и сообщений. М., 1980.
15. Ртвеладзе Э. В. Отчет о раскопках курганов на Константиновском плато в полевом сезоне 1965 года.—Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 32, 30.
16. Марковин В. И. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.—КСИА, 1971, № 127.
17. Афанасьев Г. Е. Раскопки кургана в винсовхозе «Машук».—АО 1975, М., 1976.
18. Нечитайло А. Л. Зеленокумский курган.—АО 1968, М., 1969.
19. Державин В. Л. Работы в зоне строительства Большого Ставропольского канала.—АО 1981, М., 1983.
20. Березин Я. Б., Хашегульгов Б. М. Курганы эпохи бронзы района Кисловодска. (В печати).
21. Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.—УЗКНИИ, т. V, Нальчик, 1949.
22. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону.—СА, 1973, № 1.
23. Бетров Р. Ж. Курганы эпохи бронзы у селения Старый Черек.—В сб.: Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974.
24. Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селения Чегем I, Чегем II и Кишпек.—АИНКБ, т. I, Нальчик, 1984.
25. Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III.—АИНКБ, т. I, Нальчик, 1984.
26. Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лешинкай и Былым.—АИНКБ, т. I, Нальчик, 1984.
27. Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II.—АИНКБ, т. I, Нальчик, 1984.
28. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау.—В сб.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
29. Николаева Н. А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном

- Кавказе.—В сб.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
30. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, 1961, № 100.
31. Мунчаев Р. М., Сариниди В. И. Исследование Бамутского курганного могильника.—КСИА, 1966, № 106.
32. Мунчаев В. М. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году.—АЭС-2, Грозный, 1968.
33. Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у ст. Мекенской.—ДЧИ. М., 1963.
34. Костюченко И. П. Раскопки Мнатилинского курганного поля в 1955 г.—В сб.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
35. Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы.—В сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
36. Каннвев В. И. Мнатилинский курган — памятник бронзового века в Северном Дагестане.—В сб.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
37. Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы.—В сб.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
38. Смирнов И. В. Древние памятники Восточного Маныча.—Саратов, 1978.
39. Андреева М. В. Работы Арзгирского отряда.—АО 1979, М., 1980.
40. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века.—В сб.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
41. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (к вопросу об истоках и путях миграции)—В сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
42. Захарук Ю. Н. Поселение культуры воронковидных кубков на Волыни.—КСИИМК, 1957, № 67.
43. Захарук Ю. Н. Поселение энеолитического времени в с. Зимно Волынской области.—КСИА АН УССР, 1955, № 4.
44. Пелешин М. А. Раскопки поселения культуры лийчастого посуды бл. с. Зимне Волынской области в 1960—1961 гг.—МДАПВ, 1963, 5.
45. Пелешин М. А. Культура лийчастого посуды.—Археология УРСР, т. 1, Киев, 1971.
46. Энеолит СССР.—М., 1982.
47. Долуханов П. М., Тимофеев В. Н. Абсолютная хронология неолита Евразии.—В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
48. Портнягин И. Г., Урбан Ю. Н. Работы Калининского отряда.—АО 1971, М., 1972.
49. Урбан Ю. Н. Исследование неолитических памятников в Калининской области.—АО 1970, М., 1971.
50. Крайнов Д. А. Хронология раннего неолита Верхнего Поволжья.—КСИА, 1977, № 153.
51. Ерофеева Е. Н., Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.—АО 1970, М., 1971.
52. Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.—В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
53. Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.—АО 1975, М., 1976.
54. Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.—АО 1977, М., 1978.
55. Цветкова И. К. Стоянка и могильник у дер. Владычино.—АО 1970, М., 1971.
56. Цветкова И. К. Погребения на стоянке Владычинская-Береговая.—В сб.: История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
57. Цветкова И. К. Раскопки неолитических поселений и могильника на р. Пре.—АО 1978, М., 1979.
58. Крайнов Д. А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.—КСИА, 1978, № 153.
59. Черныш Е. К. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье.—В сб.: Неолит и энеолит Юга Европейской части СССР.—МИА, 1962, № 102.
60. Збенович В. Г. Поздне трипольские племена Северного Причерноморья.—Киев, 1974.
61. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., Алексеев И. Л. Курганы Нижнего Подунавья.—АО 1970, М., 1971.
62. Субботин Л. В., Шмаглий Н. М. Болградский могильник.—Археология, 1970, № 24.
63. Субботин Л. В., Охотников С. Б. Работы Семеновской экспедиции.—АО 1975, М., 1976.
64. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганы на Левобережье Нижнего Днестра.—В сб.: Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
65. Дворянников С. А., Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. Раскопки курганной группы у с. Вишнево.—В сб.: Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
66. Черняков И. Т., Тошев Г. Н. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная.—В сб.: Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
67. Шапошникова О. Г., Ребедаило Г. П. Курганный комплекс у с. Новорозановки.—В сб.: Древности Припугуля. Киев, 1977.
68. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балашкин А. М. Курганный комплекс близ с. Старожино.—В сб.: Древности Припугуля. Киев, 1977.
69. Шарафутдинова И. Н. Северная курганная группа у с. Соколова.—В сб.: Археологические памятники Припугуля. Киев, 1980.
70. Кривола Л. П. Археологические раскопки стародавних курганов на Криворіжжі в 1964—1966 р.р.—В сб.: Наш край, Дніпропетровськ, 1971.
71. М.: изд-во МГУ, 1985.
72. Гейслер А. Погребения древней культуры окрашенных погребений между Днепром и Карпатами.—Берлин, 1976 (на немецком языке).
73. Попандопуло З. Х., Тихомолова И. Р. Исследования Запорожского краеведческого музея.—АО 1981, М., 1983.
74. Луговая Л. Н. Работы Полтавского краеведческого музея.—АО 1980, М., 1981.
75. Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары.—В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья. III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
76. Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н. В., Никитин С. В. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашево.—В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. 3 выпуск. Днепропетровск, 1979.
77. Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита.—В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. 3 выпуск. Днепропетровск, 1979.
78. Ковалева И. Ф. Кильченская группа энеолитических вытянутых погребений и общие вопросы их датировки.—В сб.: Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
79. Ляшко С. Н. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье.—АО 1979, М., 1980.
80. Ляшко С. Н. Энеолитические «вытянутые» погребения в Днепровском Надпорожье.—В сб.: Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.

81. Отрощенко В. В. Раскопки курганов в Запорожской области.—АО 1981, М., 1983.

82. Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.—АС, № 9, Л., 1967.

83. Либеров Р. Д. Курганы у деревни Харчевник.—КСИИМК, 45.

84. Бидзля В. И., Яковенко Э. В. Работы в Запорожской области.—АО 1971, М., 1972.

85. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры.—ТГИМ, 1955, № 24.

86. Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф. и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівка радгоспу «Аккермень».—Дп, 1960, VIII.

87. Михайлов Б. Д. Работы Мелитопольского краеведческого музея.—АО 1975, М., 1976.

88. Кубышев А. И. Раскопки курганов в Приславье.—АО 1980, М., 1981.

89. Рассамкин Ю. Я. О группе энеолитических погребений из раскопок Верхнетарасовской экспедиции.—В сб.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

90. Шапошникова О. Г. О ямной культуре в Степном Правобережье.—В сб.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

91. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде в 1903 г.—В сб.: Труды XII Археологического съезда. Том 1. М., 1905.

92. Бородулин В. Г. Работы Харьковского исторического музея.—АО 1975, М., 1976.

93. Печенкин Н. Журнал раскопок Н. Е. Брандербурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.

94. Синюк А. Т., Килейников В. В. Курган у села Введенки на Дону.—СА, 1976, № 1.

95. Синюк А. Т. Раскопки экспедиции Воронежского пединститута.—АО 1979, М., 1980.

96. Синюк А. Т. Исследование в Воронежском Подонье.—АО 1981, М., 1983.

97. Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис.—М., 1974.

98. Балон Ф. Р. Раскопки Гашинских курганов.—АО 1973, М., 1974.

99. Братченко С. Н., Кияшко В. Я., Чередищенко Н. М. Курганы эпохи бронзы у х. Ливенцовка.—В сб.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Выпуск 1. Киев, 1967.

100. Ларенок П. А. Охранные раскопки курганов на станции Хапры.—АО 1979, М., 1980.

101. Максименко В. Е., Коренько В. А., Горбенко А. А. Исследования в дельте Дона.—АО 1970, М., 1971.

102. Ильюков Л. С., Казакова Л. М., Кияшко В. Я. Лакедемонский курганный могильник.—АО 1977, М., 1978.

103. Завьялов В. А., Захаренкова И. А. и др. Раскопки курганов на Нижнем Мамыче.—АО 1972, М., 1973.

104. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник и поселение у с. Съезжее.—АО 1973, М., 1974.

105. Мысков Е. П. Раскопки курганов в г. Волжский.—АО 1983, М., 1985.

106. Максимов Е. К. Древнеямные погребения Крутоярских курганов.—КСИА, 1980, № 161.

107. Васильев И. Б. Раскопки в Куйбышевской области.—АО 1973, М., 1974.

108. Васильев И. Б. Раскопки курганов в Среднем Поволжье.—АО 1972, М., 1973.

109. Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.—МИА, 1960, № 78.

110. Качалова Н. К. О выделении полтавкинской культуры.—КСИА, 1967, № 112.

111. Нечитайло А. Л. О сосудах майкопского типа в Степной Украине.—СА, 1984, № 4.

112. Нечитайло А. Л. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры.—СА, 1978 № 2.

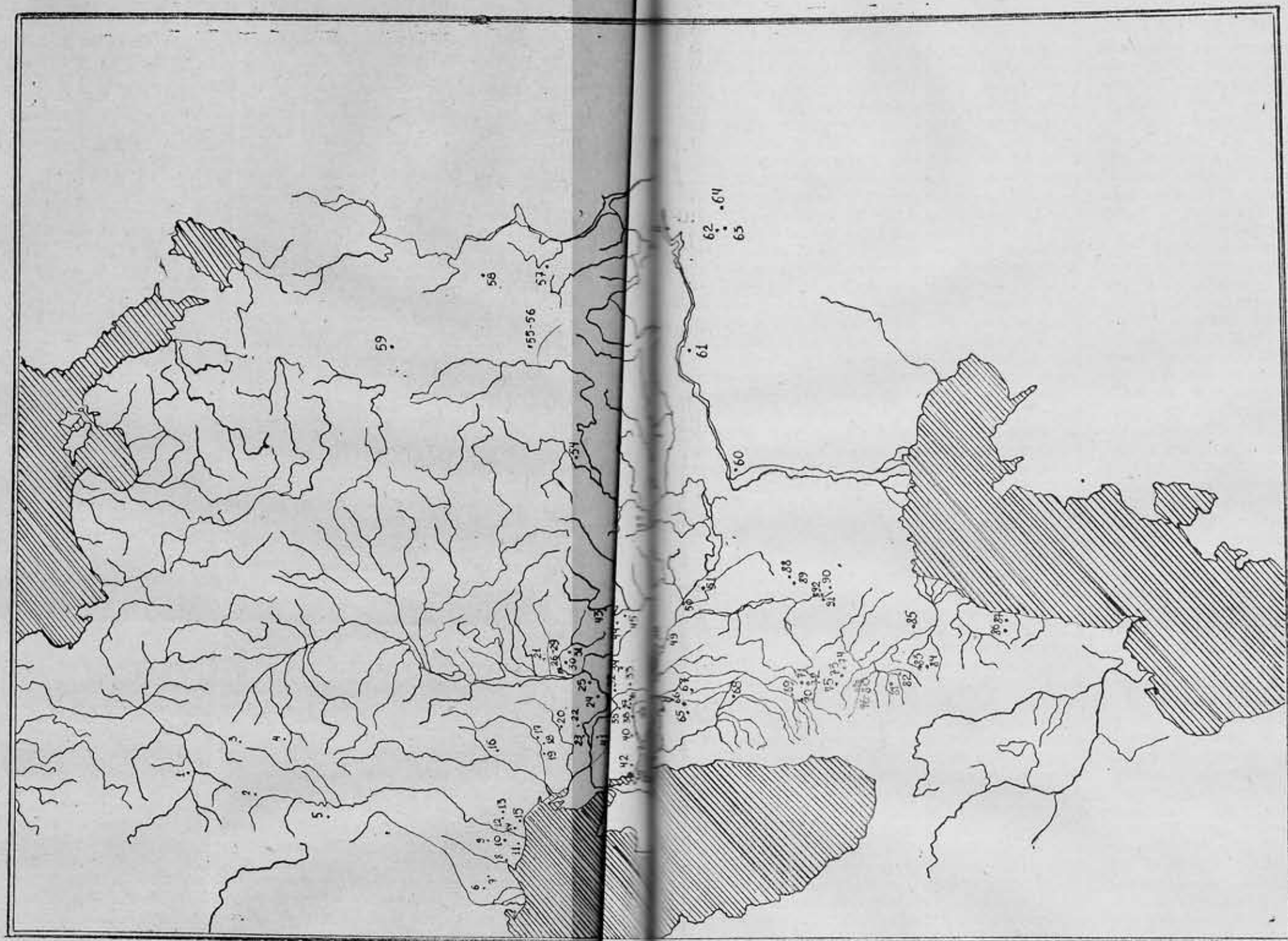
Т. Н. Нераденко

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ ЮЖНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ БРОНЗОВОГО ОРУЖИЯ)

В памятниках эпохи поздней бронзы (XII—VIII вв. до н. э.) с территории Северного Кавказа имеется довольно большая коллекция находок, облик которых отмечен следами южного (закавказского, переднеазиатского и малоазиатского) происхождения или влияния. Изучение ее перспективно для правильного понимания характера культурных связей конкретной эпохи, их направленности и значимости. Немаловажное значение в этой связи приобретают и вопросы хронологии южных заимствований. Они ставят перед нами довольно сложные проблемы, которые невозможно решить окончательно, даже на достаточно высоком нынешнем уровне знаний и на базе того значительного фактического материала, который накоплен за десятилетия плодотворных археологических исследований. Тем не менее, постоянные усилия в этом направлении необходимы.

Вопрос о внешних связях обитателей Север-

ного Кавказа в эпоху поздней бронзы (мы имеем в виду кобанские племена) с Закавказьем и более южными областями уже давно поставлен в научной литературе. Около ста лет прошло с тех пор, когда впервые было сказано об этом (Вирхов Р., Уваров А. С., Долбежев В. И., Уварова П. С. и др.). За это время вышли две—три обобщающие работы по поставленной проблеме (Крупнов Е. И., Газдапуста Д.). В остальных же многочисленных работах по археологии Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы — начала раннего железа вопрос о связях древних кобанских племен занимал лишь часть общего исследования, да и то, как правило, незначительную (Пассек Т. и Латынин Б., Иессен А. А., Артамонова-Полтавцева О. А., Алексеева Е. П., Егоров Н. М., Козенкова В. И. и др.). Правда имеются работы, посвященные анализу одной опре-

Карта 1. Обряд вытянутого труположения
в погребальных древностях Восточной Европы
и Северного Кавказа.

1—Цмелюв, 2—Малые Грибовичи, 3—Грудок Над-
бужный, 4—Зимно, 5—Незвиско III, 6—Болград, 7—
Суворово, 8—Вишнево, 9—Парканы, 10—Тудорово,
11—Семеновские к-ны, 12—Маяки, 13—Мирное, 14—
Ефимовка, 15—Николаевка, 16—Серезлиевка, 17—Но-

ворозановка, 18—Старогожено, 19—Соколовка, 20—
Широкое, 21—Орлик, 22—Марьянское, 23—Осоки Крым, 24—Верхняя Хортица, 25—Верхнестаросельские к-ны, 26—Подгородное, 27—Нижн. Маевка, 28—Славяно-
славское, 29—Верхн. Маевка, 30—Соколово, 31—Булаковка, 32—Береговая, 33—Благодатный, 34—Жовтинец, 35—«Высокая могила», 36—Харчевник, 37—Виноград, 38—«Аккермень», 39—Преслав, 40—Вознесенские к-ны, 41—Первомаевка, 42—Громовка, 43—Затонская, 44—Шпаковка, 45—Грушевахинские к-ны, 46—
Бирюковские к-ны, 47—Бирюковские к-ны, 48—Ливенцовка, 49—
Крепинские I к-ны, 50—Крепинские I к-ны, 51—Ильинская, 52—
Введенка, 53—Владычица-Береговая II, 54—Введенка, 55—Владычи-
ца-Береговая II, 56—Владычица-Береговая II, 57—Воло-
димирские к-ны, 58—Сахтыш VIII, 59—Языковская, 60—Волж-
ские к-ны, 61—Крутойровка, 62—Покровские к-ны, 63—Уте-
ное, 64—Съездское, 65—Тимашевск, 66—Ново-
селийские к-ны, 67—Батуринская, 68—Песчаный, 69—От-

радная, 70—Бесленей, 71—Суворовская, 72—Усть-Дже-
гутинская, 73—«Машук», 74—Константиновское плато,
75—Кисловодск, 76—Чегем I, 77—Чегем II, 78—Кш-
лек, 79—Лечинкай, 80—Кызбурун, 81—Хазнидон,
82—Ногир, 83—Луговое, 84—Бамут, 85—Мекенская,
86—Мнатлы, 87—Утамыш, 88—Элиста, 89—Лола, 90—
ЧОГРАИ, 91—Чограй VIII, 92—курганы Восточного
Маныча.

деленной категории предметов, указывающих на связи с югом (Крупнов Е. И., Погребов Н. М., Виноградов В. Б., Дударев С. Л. и др.). Однако вопросы хронологии южных заимствований специально никто не исследовал, хотя проблема эта назрела.

Цель настоящей статьи состоит не в том, чтобы решить ее полностью и окончательно, но в том, чтобы поставить тему хронологии южных заимствований на повестку дня, и попытаться осветить некоторые ее вопросы на основе уже имеющегося вещевого фонда. Учеными совершенно справедливо отмечался тот факт, что II тысячелетие до н. э. на Северном Кавказе являет собой картину упадка культурных связей с югом, по сравнению с III тысячелетием до н. э. (2, с. 21; 3, с. 48; 4, с. 72). Правда Е. И. Крупнов, отвергая эту точку зрения, приводит примеры, которые подтверждают сохранение южных культурных связей в это время (5, с. 86). Однако они эпизодичны и не меняют общей картины. Радикальные изменения в этом плане происходят лишь в конце II—начале I тысячелетия до н. э., когда в памятниках различных территорий Северного Кавказа появляется масса предметов, происхождение которых ведет в Восточную и Центральную Грузию, реже—в Армению и южнее—в Переднюю и Малую Азию. Причем для этого времени, наряду с чисто импортными вещами, налицо местные подражания и заимствования форм предметов, воспроизведение на базе местного металлургического производства закавказских прототипов, причем последние явно преобладают.

Предметы, указывающие на связи с югом, подразделяются на несколько категорий: I—предметы вооружения (кинжалы переднеазиатского типа и производные от них, кинжалы и мечи кахетинского типа, плоские листовидные кинжальные клинки закавказского типа, наконечники копий и «плошки»); II—предметы труда (плоские тесла-топоры, железные серпы и др.); III—предметы культа («пинтадеры»); IV—украшения и другие изделия обихода.

Остановимся на I категории—предметах вооружения, во-первых, потому что, являясь самой большой и представительной, она дает благодатную почву для хронологических построений, и во-вторых, вооружение относящееся к определенной эпохе, может дать наибольшее количество информации о культурных и иных связях между племенами различных регионов.

Кинжалы переднеазиатского типа представлены на территории Северного Кавказа 6 экземплярами (5—на территории Северной Осетии, 1—из Дагестана), (табл. I, рис. 1—5). Их характеризует особое строение рукоятки,

имеющей небольшие закраины с обеих сторон для удержания костяной, деревянной или пастовой инкрустации. Подобным кинжалам посвящена уже достаточно обширная научная литература, потому останавливаться на них подробно мы не будем (39, с. 162, 163; 7, с. 66—68; 8, с. 34—36 и др.). Коснемся лишь интересующего нас хронологического аспекта. Северо-Осетинские находки являются случайными, поэтому датировать их можно только при помощи точных и надежно датированных аналогий. В свое время Е. И. Крупнов, исходя из того, что кинжалы переднеазиатского типа на основной территории Передней Азии выделялись до XII в. до н. э., предполагал, что на Северный Кавказ они попали в период, предшествующий кобанской культуре и в силу застойности форм в горах могли служить оружием нескольким поколениям на протяжении столетий (6, с. 68). Имеющиеся в других районах Кавказа подобные кинжалы, как правило, тоже являлись случайными находками и их даты определялись также параллелями из Передней Азии, где кинжалы подобного типа датировались учеными весьма различно (7, с. 75). Хронологический диапазон—2000—800 гг. до н. э.—и территория—от Средиземного моря до северо-западного Ирана—их бытования настолько велики, что без определения конкретного района с ближайшими аналогиями и точной датой производства в нем подобных кинжалов—нельзя было и думать о датировке кавказских, в том числе и северокавказских находок.

Исследования последних лет Н. М. Погребовой определили этот район и эту дату: Иран (Луристан), конец II—самое начало I тысячелетия до н. э. Именно Иран (Луристан) является тем центром, где мы находим ближайшие аналогии (II и III подтипы по Н. М. Погребовой) группе кавказских находок, в которую входят и кинжалы из Фаскау (табл. I, рис. 1—3). Все они объединены рядом общих признаков: относительно прямой ствол рукоятки с четко выраженным рикассо, узкие закраины на рукоятке, узкие прямые или несколько овальные в плане клинки, срединное ребро и пр. (8, с. 23). Дата, установленная для бытования кинжалов указанных подтипов должна быть применима и к большинству кинжалов кавказской группы (11, с. 54; 12, с. 162, 163; 5, с. 68; 12, с. 64; 13, с. 87; 14, рис. 6).

Исходя из этой довольно убедительной версии Н. М. Погребовой, можно предположить, что кинжалы переднеазиатского типа попали на северный склон Главного Кавказского хребта в конце II—начале I тысячелетия до н. э., уже в период бытования там кобанской культуры. Познакомившись с иноземными,

удобными в употреблении образцами, отражающими последнее слово в вооружении более развитых областей, местные мастера попытались сделать подобные кинжалы. Видимо, именно так появились два других кинжала из нашей коллекции (табл. I, рис. 4, 5). Производными от переднеазиатских кинжалов считаются и кинжалы с прорезной рукояткой из В. Рутхи и Кобани (16, с. 221, рис. 31; 9, т. VIII, 5; 10, № 54321). Датировка Е. И. Крупновым рутхинского кинжала IX—VIII вв. до н. э. (16, с. 221) подтверждает указанное время проникновения форм переднеазиатских кинжалов на Северный Кавказ.

По мнению К. Н. Пицхелаури, высказанная точка зрения Н. М. Погребовой не выдерживает критики в свете новейших находок в Грузии, так как найденные им кинжалы переднеазиатского типа в погребениях №№ 4, 5 и 7 в Земо Бодбе датируются не позднее первой половины XIV века до н. э. (17, с. 79—81). Однако дата, установленная Н. М. Погребовой, относится отнюдь не ко всем кинжалам, а только к их определенной группе. О ее чертах говорилось выше. Можно привести много примеров находок кинжалов переднеазиатского типа на Кавказе, которые проявляя некоторое сходство с этой группой, существенно отличаются от нее в деталях. Неудивительно, что они имеют и другую датировку (зачастую более раннюю), ибо происходят от других типов переднеазиатских кинжалов. Так, очень похожий внешне на северокавказские экземпляры кинжал из погр. № 7 в Земо Бодбе имеет форму навершия рукоятки, встреченную у I варианта переднеазиатских кинжалов по Н. М. Погребовой, который является самым ранним по времени и датируется серединой—второй половиной II тысячелетия до н. э. (8, с. 43, табл. III, рис. 1, 2 и др.); кинжал из кургана № 4 из Бериклдеби, датируемый концом XV—началом XIV века до н. э. и хранящийся в Государственном Музее Грузии, имеет характерное для этого же типа рикассо, хотя в общем он близок нашим кинжалам. Этот список можно было бы продолжить. Нам представляется, что пока нет оснований для критической оценки точки зрения Н. М. Погребовой.

Следующая категория вооружения — кинжалы кахетинского типа. Они происходят из могильников Кобань, Фаскау, Кумбулта и Майртупского № 2 (табл. I, рис. 6—10). Все они являются случайными находками. Датировка четырех из них устанавливается в рамках раннекобанской культуры. Майртупский кинжал (табл. I, рис. 8), стоящий несколько особняком (из-за четырех нервюр на лезвии), датируется рубежом II—I или началом I тысячелетия до н. э. (18, с. 248). Хронологичес-

кий диапазон бытования кахетинских кинжалов в Восточном и Центральном Закавказье — XIII—VIII вв. до н. э. (17, с. 115—123; 18, с. 163; 20, с. 52), хотя Н. Л. Членова находит свидетельства в пользу существования их еще и в VII в. до н. э. (ассирийские рельефы из Куюнджика), (21, с. 16).

Разработанная К. Н. Пицхелаури типология этих кинжалов позволяет проследить развитие этой формы с течением времени (22, рис. I—II). Более ранние образцы (I—III подтипы) проще, не имеют вычурных украшений и имеют составные рукоятки. Датируются они XIII—XII вв. до н. э. (17, с. 115). Более поздние цельнолитые кинжалы (IV₁₋₃ подтип) имеют богато орнаментированные клинки и рукоятки. Их дата с рубежа II—I тысячелетия до н. э. до VIII—VII вв. до н. э. (17, с. 119). Кроме того, удалось установить, что различные варианты внутри выделенных подтипов характерны для определенных территорий обширной области их бытования.

Все это позволяет установить точный исходный район и дату проникновения на северный склон Главного Кавказского хребта для некоторых северокавказских кинжалов кахетинского типа. Так, кинжал из Фаскау (табл. I, рис. 7) относится к IV₁ подтипу, распространенному в основном в нижнем и среднем течении реки Алазани и в Гари Кахети с рубежа II—I тысячелетия до н. э. (17, с. 119—122). Кинжал из Кобани (табл. I, рис. 6) относится к IV₃ подтипу, распространенному в основном в верховьях рек Иори и Алазани и устья реки Пшавская Арагви (22, с. 137). Основной период их бытования — XI—X вв. до н. э. (17, с. 123).

Что же касается двух других кинжалов кахетинского типа из Северной Осетии (табл. I, рис. 8, 9), то они относятся к типам, которые были распространены в более раннее время в Восточном Закавказье, что, конечно же, не исключает возможности их бытования там и в более позднее время, а именно, на рубеже II—I тысячелетия до н. э., когда они и попадают на Северный Кавказ в кобанские могильники Фаскау и Кумбулта.

Фрагмент клинка кинжала из сборов на разрушенном могильнике второй половины II—середины I тыс. до н. э. у селения Замай-Юрт в Чечено-Ингушетии (табл. I, рис. 11) по своим размерам и форме напоминает массивные мечи с округлым концом, они были широко распространены в Центральном и Восточном Закавказье в конце II—начале I тысячелетия до н. э. и варьировались в пределах нескольких вариантов (19, с. 167), доживая, по данным Амбрамишвили Р. М., вплоть до VIII—VII вв. до н. э. Однако указанный

фрагмент представляет настолько незначительную часть целого предмета, что делать какие-либо более конкретные выводы о его истоках и хронологии мы не решаемся.

Далее необходимо остановиться на бронзовых кинжальных клинках. Из нескольких вариантов их на Северном Кавказе нас в данном случае интересуют бесчерешковые плоские кинжальные клинки с 3—6 отверстиями для крепления рукоятки. В качестве примера приведем находки из следующих могильников: Зандакского, Аллероевского № 1, Сержень-Юртовского, Майртупского № 2, Чми (табл., рис. 12—17). Все они относятся к I типу кинжалов (без рукоятки), выделенному В. И. Козенковой на материалах Чечено-Ингушетии (23, с. 19). Наиболее ранние аналогии им проследить, по ее мнению, из нижнего яруса Самтавро. Р. М. Абрамишвили датирует их XV—XIV вв. до н. э., считая, что они хронологически опережают кинжалы с составной рукояткой. Эта дата была пересмотрена К. Н. Пицхелаури, полагавшим, что период бытования бронзовых листовидных кинжалов должен быть заключен в рамки конца XIII—XII вв. до н. э. и что они сосуществуют с кинжалами с составной рукояткой (17, с. 102, 103). Причем кинжальные клинки характерны в это время для культуры Шида Картли, тогда как кинжалы с составной рукояткой (I—III подтипы) бытовали в Кахетии. В XI—X вв. до н. э. и в Шида Картли распространяются кинжалы с рукоятками, прототипами которых являлись кахетинские кинжалы указанных типов (17, с. 114—116).

На восточногрузинские аналогии второй половины II тысячелетия до н. э. бронзовым клинкам из Чечено-Ингушетии указывают и другие исследователи (24, с. 24; 25). В качестве параллелей приводятся и клинки из Армении (26, с. 116).

Надо отметить, что по мнению К. Н. Пицхелаури (27, с. 32) бронзовые листовидные кинжальные клинки были привнесены в Центральное Закавказье из Восточной или Центральной Европы. Этому же мнению придерживается Г. Л. Кавтарадзе (28, с. 147). Для соответствующих находок из Чечено-Ингушетии подунавские аналогии в способе крепления клинка к рукоятке при помощи 5—6 отверстий отметил С. Л. Дударев (29, с. 8, 9). Однако поиски истоков этой категории вооружения не входят в нашу сегодняшнюю задачу. Морфологически северокавказские клинки стоят ближе все же именно к закавказским образцам.

В целом северокавказские находки этого типа хронологически укладываются в период конца II—первых веков I тысячелетия до н. э.

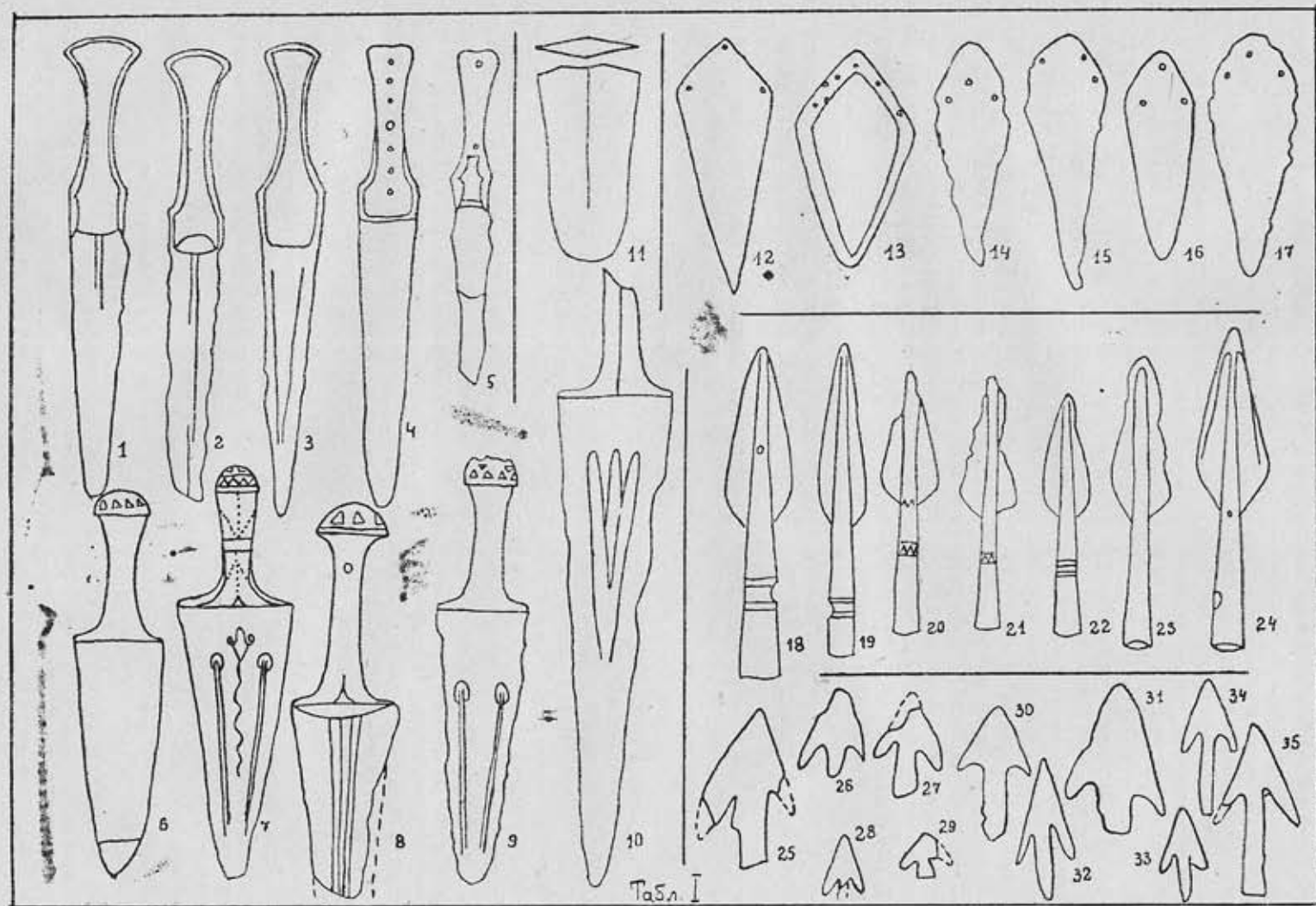
Очевиден некоторый хронологический разрыв в появлении закавказских клинков и их северокавказских подражаний, также как и в случае с кахетинскими кинжалами I—III подтипов.

То же самое явление отмечено и при рассмотрении другой категории закавказского оружия на Северном Кавказе—бронзовых втульчатых наконечников копий. На таблице I (рис. 18—24) представлена лишь часть достаточно обширной коллекции подобных предметов в местных памятниках эпохи поздней бронзы—начала раннего железа, причем та часть, которая имеет бесспорное закавказское происхождение. Прежде всего, это касается наконечников с парными рельефными или орнаментированными поясами, имеющими листовидные очертания пера (в различных вариациях), (табл. I, рис. 19—23). Ближайшие аналогии ведут в Восточную и отчасти в Центральную Грузию. Являясь наиболее характерным типом оружия племен эпохи поздней бронзы Иоро-Алазанского бассейна, они датируются там в основном XIII—XII вв. до н. э. (17, с. 113), доживая, однако, до IX в. до н. э. В XII в. до н. э. появляются наконечники копий с гладкой втулкой, но особенно они характерны для VIII—VII вв. до н. э. (30, с. 100).

С кахетинскими экземплярами северокавказские наконечники копий связаны и единой техникой изготовления, ибо в большинстве своем они имеют цельнолитую втулку, что характерно для культуры Кахетии, тогда как в Шида Картли были распространены наконечники копий с раскрытой втулкой.

В памятниках Северного Кавказа находят южные параллели (в Центральном и Восточном Закавказье) и еще одна категория предметов. Это плоские бронзовые наконечники стрел—«площики» (табл. I, рис. 25—35), найденные как на поселениях (Сержень-Юрт, Бамут, Змейское), так и в могильниках (Аллероевский № 1, Майртупский № 2, Сержень-Юртовский, Зандакский, Фаскау, Чми, Индустрия № 1, Терезе и др.). По оформлению черешка В. И. Козенкова делит «площики» Чечено-Ингушетии на 4 варианта (23, с. 15). Древнейшими являются, по ее мнению, стрелы из слоя Сержень-Юртовского поселения, которые датируются X—IX вв. до н. э. Этим же временем датируется и майртупский «площик» (25, с. 118). Доживают такие стрелы на Северном Кавказе до VII—VI вв. до н. э. и, например в Нестеровском могильнике, сосуществуют со скифскими двуперыми наконечниками стрел (23, с. 15).

Различные варианты «площиков», по мнению В. И. Козенковой, являются местной спецификой так называемого восточного варианта кобанской культуры (23, с. 27), где быто-

1—5 — кинжалы переднеазиатского типа. 1—3 — Фаскау, 4 — Кумбулта (или Фаскау), 5 — Кумбулта;
6—11 — кинжалы закавказского (кахетинского) типа. 6 — Кобань, 7 и 9 — Фаскау, 8 — Майртуп, 10 — Кумбулта, 11 — Замай-Юрт;
12—17 — кинжальные клинки закавказского типа. 12, 13 — Зандак, 14 — Майртуп, 15 и 16 — Сержень-Юрт, 17 — Чми (или Балта);

18—24 — наконечники копий закавказского типа. 18 — Лхкичу-Борзой, 19 — Зандак, 20—24 — Сержень-Юрт;
25—35 — наконечники стрел кавказского типа — «плошки». 25 — Аллерой, 26 и 27 — Балан-Су, 28 и 29 — Зандак, 30 — Балта, 31 — Чми, 32 и 33 — Терезе, 34 — Сержень-Юрт, 35 — Майртуп.

вали стрелы с раздвоенным черешком, с шипом, подтреугольным и коротким черешком с заостренным или овальным концом. Но в дореволюционных собраниях с «кобанской метрополией», а также среди недавних находок из более западных областей имеются «площички» трех вариантов, выделенных в памятниках Чечено-Ингушетии. Отсутствуют пока только стрелы с шипом на конце черешка, которые и в Чечено-Ингушетии представлены единственной находкой из Бамутского поселения (23, табл. XI, рис. 25).

Аналоги северокавказским «площичкам» можно найти в Самтавро, в Михетском могильнике, в материалах Восточной Грузии. Судя по материалам Самтавро, подобные находки в Центральном и Восточном Закавказье появляются в XIII—XII вв. до н. э. (34, табл. 35, № 450 и др.), однако большая их часть происходит из комплексов, где они сосуществуют с железными предметами (34, табл. №№ 455, 481, 501, 767 и др.).

Таким образом и здесь мы видим некоторый хронологический разрыв в появлении «площичков» в Закавказье (XIII—XII вв. до н. э.) и на территории Северного Кавказа (X—IX вв. до н. э.).

Изучение археологического материала первого этапа развития кобанской культуры (в данном случае на примере предметов вооружения) позволяет делать определенные выводы о южных связях ее носителей. Как видно, они были весьма ощутимы. Заметно растет число предметов, чуждых по своему происхождению местной среде и отличных от традиционных форм. Пожалуй, в нашей коллекции имеются и чисто импортные изделия (хотя отнесение их к таковым по вполне понятным причинам весьма условно). Но большинство образцов южного облика было сделано, видимо, местными ремесленниками, творчески переосмыслившими иноземные, в частности закавказские модели. Для примера можно привести серию сержень-юртовских клинков, которые от более ранних к более поздним все более удаляются от своих закавказских прототипов; коллекцию «площичков», которые, проявляя сходство с восточно- и центральнозакавказскими находками, имеют и несвойственные последним очертания черешка; майртупский кинжал кахетинского типа, приобретший неизвестную у подобных находок в Закавказье «разделку» клинка четырьмя нервюрами.

Наличный материал свидетельствует о том, что появление определенных предметов на Северном Кавказе достаточно явственно отстает во времени от появления их закавказских прототипов и аналогов. Хронологический разрыв составляет до 200—300 лет. И хотя в на-

учной литературе было высказано намерение полностью синхронизировать схожие (но, кстати сказать, отнюдь не идентичные) образцы материальной культуры рассматриваемых областей, (36, с. 38—54), на наш взгляд, фактический материал не дает нам на это права.

Причины установленного факта не могут быть однозначны. Здесь необходимо учитывать и очевидную территориальную отдаленность, географически-ландшафтные преграды, этнополитическую пестроту и разобщенность среды, служившей передаточной для новых идей и их воплощений в металле, наконец, разный уровень исторического развития племен северных склонов Большого Кавказа и их закавказских и более южных партнеров.

Не случайно, что именно рубеж II—I тысячелетия до н. э. явился той гранью, за которой мы наблюдаем очередное восстановление довольных тесных контактов обитателей Северного Кавказа с Закавказьем. К этому времени кобанское общество уже имело достаточно высокоразвитое металлургическое производство. Достигнутый им уровень, избыток ремесленной продукции, а также продуктов земледелия и скотоводства, способствовали росту регулярного обмена. Кроме того, последний вытекал из чисто материальных нужд, естественных потребностей одной группы населения в самых необходимых продуктах, предметах и сырье, которыми располагала другая группа (16, с. 342). В этом плане огромная роль общественного разделения труда, основанного на различиях природных условий и разнообразии форм усвоения природных средств жизни, поведших за собой, по словам Ф. Энгельса, регулярный обмен продуктами на так называемой «средней ступени варварства», то есть в эпоху развития скотоводства и медно-бронзового производства (1, с. 178). В первую очередь в обмене оказывается заинтересованной выдвигающаяся родовая знать, использующая его в своих интересах.

Не случайно также и то, что среди изделий, говорящих о связях древних кобанцев, пожалуй, самое значительное место занимают предметы вооружения. Кобанское общество достигает в своем развитии того этапа, когда происходит «милитаризация» культуры, отмеченная Массоном В. М. для культур палеометалла. Внедрение новых форм скотоводства (15, с. 307) и усиление военных столкновений «в борьбе за насильственное перераспределение как самих богатств, так и условий их воспроизводства (пастбищ)» становятся реальным фактом (37, с. 3) и требуют перевооружения населения. В это время обитатели Северного Кавказа и начинают создавать свое и заимствовать извне чуждое местной среде вооруже-

ние, которое для них было новым, но в Закавказье бытовало уже несколько столетий. Заимствуются и новые элементы техники и технологии металлургического производства, например, использование оловянистых лигатур (38).

Ориентацию северокавказских племен эпохи поздней бронзы на Закавказье отчасти определил, видимо, натиск степных племен на Северный Кавказ во II тысячелетии до н. э. (26, с. 119). К концу II тысячелетия до н. э. относятся и возможное передвижение индо-иранцев из степей Поволжья в Переднюю Азию, двигавшихся через Дербентский проход. Эта миграция могла в определенной степени затронуть и носителей кобанской культуры, в частности племена Чечено-Ингушетии. Одним из

последствий этих событий могла быть активизация межплеменных связей. Как раз в конце II тысячелетия до н. э. налаживаются тесные связи обитателей Дагестана с населением Иоро-Алазанской долины (30, с. 95). В это же время мы видим и установление контактов обитателей Чечено-Ингушетии с Восточной Грузией.

В заключение следует заметить, что внимательные фиксации и анализ археологического материала, проливающего свет на южные контакты кобанцев, должны продолжаться. Без них невозможно воссоздание полной и объективной картины древних взаимосвязей Северного Кавказа с Закавказьем—одного из важнейших аспектов кавказоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—М., 1972.
2. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья.—Л., 1947.
3. Козенкова В. И. Кобанская культура (восточный вариант).—М., 1977.
4. Марковин В. И. Северный Кавказ и цивилизации Древнего Востока и Средиземноморья.—Проблемы советской археологии.—М., 1978.
5. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды.—М., 1957.
6. Крупнов Е. И. Материалы по археологии докобанского периода.—МИА, № 23. Л., 1951.
7. Крупнов Е. И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока.—ВИМК, вып. 1. М.—Л., 1951.
8. Погребова Н. М. Иран и Закавказье в раннежелезном веке.—М., 1977.
9. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.—МАК, VIII. М., 1900.
10. Фонды Государственного Исторического музея.
11. Хачатрян Т. С. Материальная культура Древнего Артика.—Ереван, 1963.
12. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.—ИГАИМК, 120, М.—Л., 1935.
13. Погребова Н. М. Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кедобекского могильника в Северном Азербайджане.—Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960.
14. Мартиросян А. А. Раскопки в Кировокане и некоторые памятники раннеархейского периода.—Известия АН Арм. ССР, № 29. Ереван, 1956.
15. Джафарзаде И. М. Элементы архаической культуры Древней Мугани.—Известия АН Азерб. ССР, № 9. Баку, 1960.
16. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.—М., 1960.
17. Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века.—Тбилиси, 1979.
18. Дударев С. Л. Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии.—СА, 1973, № 4.
19. Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника.—Тбилиси, 1974.
20. Мартиросян А. А. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы.—Ереван, 1969.
21. Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.—М., 1976.
22. Пицхелаури К. Н. Кинжалы кахетинского типа.—Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. II, Тбилиси, 1959.
23. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант).—М., 1982.
24. Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана.—М., 1982.
25. Марковин В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии.—КСИА АН СССР, 98, 1964.
26. Дударев С. Л. Бронзовое оружие восточно- и центральнозакавказского типа в Чечено-Ингушетии (конец II—начало I тысячелетия до н. э.).—Душетская научная конференция. Аннотации. Тбилиси, 1984.
27. Пицхелаури К. Н. Центральное Закавказье на раннем этапе эпохи поздней бронзы.—В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
28. Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.
29. Дударев С. Л. О разновидностях бронзовых кинжалов клинков с территории Чечено-Ингушетии.—III Крупновские Чтения, Грозный, 1973.
30. Пицхелаури К. Н. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы—раннего железа.—Труды Кахетинской археологической экспедиции, I, Тбилиси, 1969.
31. Дударев С. Л. Раскопки могильника у сел. Ахкичу-Борзой.—СА, 1976, № 1.
32. La Migration de la Race Hongroise par le Comte Eugen de Zichy.—Budapest, 1897.
33. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XIV—X вв. до н. э.—М., 1977.
34. Абрамшвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могиле.—ВГМГ, вып. XIX-V, Тбилиси, 1957.
35. Каландадзе А. Н. Мухета IV. Археологические памятники доантичной эпохи.—Тбилиси, 1980.
36. Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы—раннего железа на Северо-Восточном Кавказе.—СА, 1980, № 4, с. 38—54.
37. Массон В. М. Культурный прогресс в эпоху палеометалла.—В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
38. Барцева Т. Б. Цветная металлургия Северного Кавказа в раннежелезном веке.—М., 1977.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА СО АССР

Раскопки, проведенные в 1984 и 1985 годах в зоне мелиоративного строительства у ст. Павлодольской и Черноярской Моздокского района СО АССР, дали богатый материал по истории племен Северного Кавказа от эпохи бронзы до поздних сармат. Среди обнаруженных погребений несколько относится к эпохе раннего железа. В кургане № 1 у ст. Павлодольской было обнаружено три таких погребения¹.

Погребение № 2. Впускное, располагалось в центральной части кургана на глубине 0,43 м. Содержало костяк взрослого человека. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на В-Ю-В (рис. 1; 1). Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение № 6. Впускное, располагалось в центральной части кургана на глубине 0,58 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал в слабо скорченном положении, на правом боку, головой на Ю-В (рис. 1; 2). Перед лицевой частью черепа расчищен керамический сосуд (рис. 1; 2а).

Погребение № 7. Впускное, располагалось в центральной части кургана на глубине 0,7 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Содержало костяки двух взрослых людей. Погребенный № 1 лежал вытянуто, на спине, головой на З с небольшим отклонением к С (рис. 2). Руки вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локтевом суставе и отставлена. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. На позвоночнике в области грудного отдела, расчищен бронзовый наконечник стрелы (рис. 2; 3г), расположенный острием вниз (причина смерти?). На кисти правой руки и правом бедре расчищен железный меч-акинак (рис. 2; 1). Нижняя часть лезвия отсутствовала. Рядом с правым локтевым суставом зафиксировано бронзовое портупейное колечко (рис. 2; 6). Погребенный № 2 лежал почти параллельно погребенному № 1, вытянуто, на спине, головой на З с отклонением к С (рис. 2). В голове погребенного расчищены два керамических сосуда: одноручная биконическая кружка (рис. 2; 5) и одноручный кувшин. Ручка последнего была отломана в древности и места изломов были заглажены (рис. 2; 4). У правой ноги — каменный оселок с

просверленным концом (рис. 2; 8). Между погребенными расчищены кости жертвенного животного (баран), составлявшие почти целую тушку животного и лежавшие в анатомическом порядке. Череп и копыта животного отсутствовали. В костях животного расчищен небольшой железный нож (рис. 2; 2). Рядом с костями животного было обнаружено скопление бронзовых и костяных наконечников стрел, лежавших в беспорядке (рис. 2; 3а, в). Рядом с наконечниками находилась костяная застежка, возможно от колчана (рис. 2; 9). В ногах погребенных расчищен плоскодонный горшок (рис. 2; 7).

Ст. Черноярская, курган № 2, погребение № 1. Впускное, обнаружено в центральной части кургана на глубине 0,49 м. Контуры могильной ямы не определялись. Погребение содержало костяк взрослого человека, лежащего вытянуто, на спине, головой на З с отклонением к С. Левая рука была отставлена и согнута в локте. Правая плечевая кость лежала на груди. Ноги были скрещены (рис. 1; 3). На костях левой руки расчищен керамический сосуд (рис. 1; 3а).

Из всех вышеописанных погребений наибольший интерес представляет парное погребение № 7. Его западная ориентировка, поза погребенных, наличие заупокойной пищи в виде тушки барана, позволяют отнести это погребение к савроматскому кругу. Именно отсутствие копыт и черепа животного К. Ф. Смирнов считал отличительной чертой савроматских погребений (5; с. 152). Интересной находкой является акинак с антенновидным двуволютным навершием (концы волют загнуты внутрь) и бабочковидным перекрестием. Отсутствие нижней части клинка в этом случае нельзя, на наш взгляд, рассматривать как наличие здесь обряда «умерщвления вещей», распространенном среди североиранских кочевых племен. Скорее всего оружие было сломано в бою. Акинаки такого типа были широко распространены среди племен скифо-савроматского мира. Бабочковидные перекрестия на Кавказе появляются в VII в. до н. э., но широкое распространение получили только в конце VI — начале V в. до н. э. (6; с. 27). Антенновидные двуволютные навершия были широко распространены в скифо-савроматской среде с кон-

¹ Искренне признательны В. Л. Ростунову за предоставленную им возможность использовать неопубликованный материал его раскопок.

ца VI в. до н. э. до конца V в. до н. э. (3; с. 133). На савроматских мечах с навершием такого типа волюты, сходясь, образуют овал или круг (3; с. 133). Подтверждает датиров-

нечника. Все они трехгранные, с внутренней втулкой, выступающей на 1—2 мм, сводчатые. Концы граней срезаны к втулке под прямым углом. Длина наконечников от 2 до 2,4 см

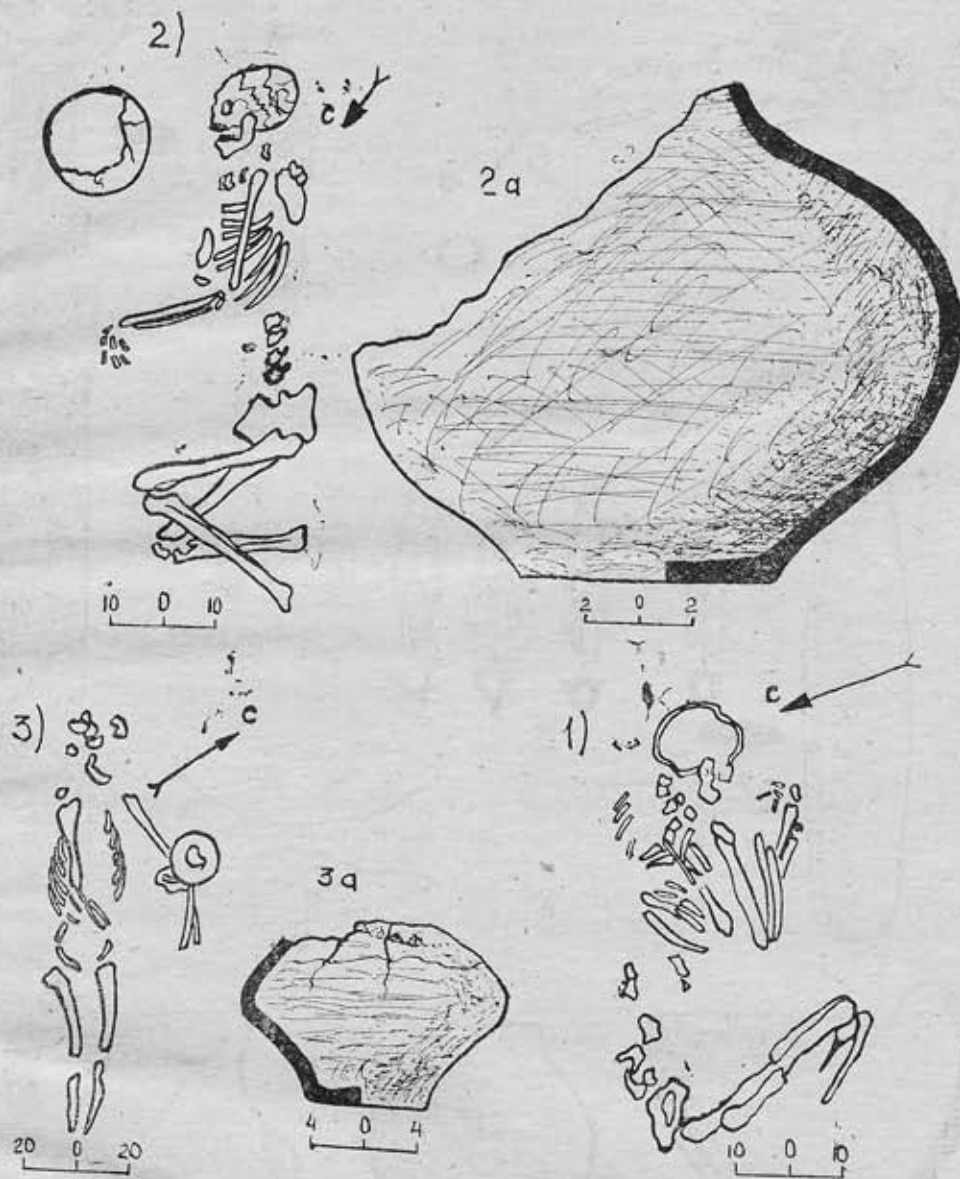

Рис. 1.

ку комплекса V в. до н. э. и колчанный набор погребения. Обнаружен 21 наконечник, из них 5 костяных однотипных, квадратных в сечении, с внутренней втулкой и четырьмя опущенными кончиками. Длина наконечников от 1,6 до 3,1 см. (рис. 2; 3а).

Бронзовые наконечники можно разделить на два типа. К первому относится четыре на-

(рис. 2; 3в). Ко второму типу относятся 12 наконечников. Все трехгранные с выступающей втулкой. Концы граней срезаны под острым углом к втулке. Наконечники стройных, вытянутых пропорций. Длина от 2,6 до 3 см (рис. 2; 3б). Найденные в погребении костяные наконечники не могут служить точным датирующим материалом, так как они были распро-

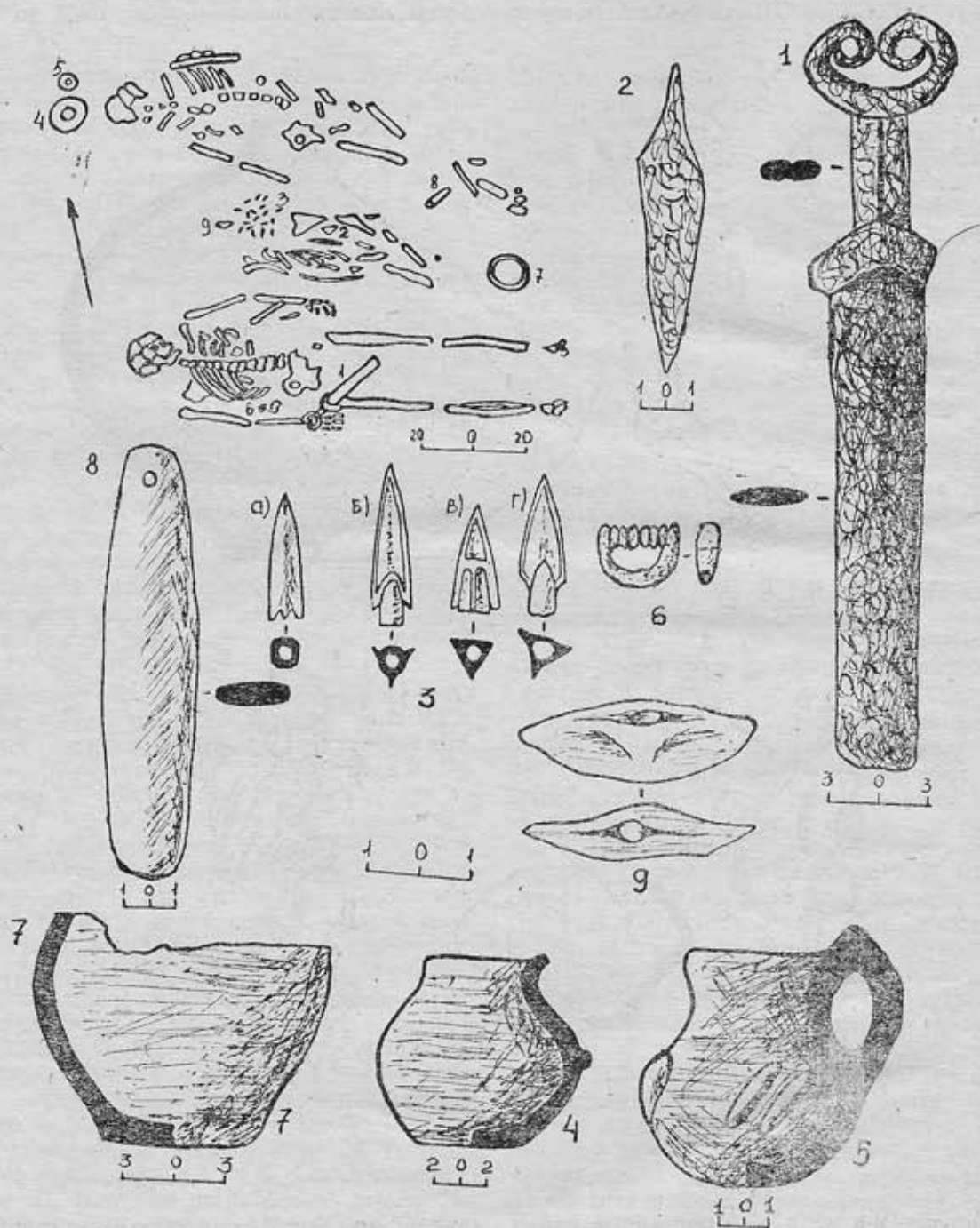

Рис. 2.

странены на значительном хронологическом отрезке, начиная с VI в. до н. э. вплоть до первых веков н. э. (1; с. 207). Бронзовые наконечники таких типов широко распространены в памятниках V в. до н. э. междуречья Дона и Волги и предкавказских степей (4; с. 305). Представляет интерес и керамика погребения. Из трех сосудов лишь один — грубый плоскодонный горшок — может быть отнесен к савроматской керамике. Сосуды такого типа широко распространены по всей территории савроматской археологической культуры. Это сосуды П-типа IV отдела савроматской плоскодонной посуды, наиболее характерные для V в. до н. э. (4; с. 112). Два других сосуда явно не принадлежат к савроматской керамике.

Одноручная биконическая кружка орнаментирована парными косыми валикообразными налпами по «экватору». Ручка петлевидная, слегка возвышающаяся над венчиком. Поверхность серого цвета, залощена. Высота кружки 10 см. Кружки такого типа известны как в могильниках кобанской культуры позднего этапа, где они встречаются в погребениях VI в. до н. э., так и в памятниках Волго-Донского междуречья, где на основании датировок импортной греческой посуды время их бытования ограничивается V в. до н. э. (2; с. 157).

Найденная в погребении № 6 корчага с плоским дном и раздутым туловом характерна для посуды скифского времени. Цвет сосуда серый, поверхность залощена. Сосуд имеет ряд аналогий, в частности из Нижнедзулатского могильника (КБ АССР). Погребение из этого могильника, содержащее аналогичный сосуд, датируется М. П. Абрамовой V в. до н. э. (1; с. 206). Это позволяет нам отнести погребение № 6 к тому же времени.

Захоронения типа погребений № 2, 6 часто встречались при раскопках курганов в Моздокском районе СО АССР, но поскольку отсутствовал погребальный инвентарь, они пред-

положительно определялись как погребения позднебронзового времени. Сосуд, аналогичный по форме сосуду из погребения № 8 в кургане № 1 у ст. Черноярской приводится М. П. Абрамовой в сводке материалов из Комаровского могильника (Моздокский р-н СО АССР). Корчаги такого типа, по мнению исследовательницы, распространены в Предкавказье в начале VI в. до н. э. (1; с. 199).

Таким образом, материалы погребения № 7 из кургана № 1 (ст. Павлодольская, раскопки В. Л. Ростунова 1984 г.) и погребения № 1 из кургана № 2 (ст. Черноярская, наши раскопки 1985 г.) говорят о присутствии в VI—V вв. до н. э. в Центральном Предкавказье савроматских племен.

Погребения 2 и 6 из кургана № 1 у ст. Павлодольской, резко отличные от предыдущих по ориентировке и позе погребенных, но со сходным инвентарем дополняют большой материал из тунтовых могильников у с. Комарово и Нижнего Джулата, раскопанных М. П. Абрамовой в 1970 и 1971 гг.

Можно предположить, что погребения со скорченными костяками были оставлены населением — потомками племен поздней бронзы, испытавшим влияние кочевых савроматских племен. Результатом этого влияния являются изменения в погребальном обряде. Местное население, смешивающееся с пришлыми савроматами начинает хоронить своих умерших в курганах, изменяется поза погребенных. Изменение такого важного и стойкого этнокультурного показателя, как погребальный обряд, скорее всего объясним процессом синтеза этносов и культур в контактной зоне Центрального Предкавказья, происходившего в середине первого тысячелетия до н. э.

Данный вывод предварителен и, безусловно, нуждается в дальнейшем подтверждении новыми полевыми материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. — СА № 2, 1974.
2. Копылов В. П., Марченко К. К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону. — СА № 2, 1980.
3. Симоненко А. В. Сарматские мечи и князья на территории Северного Причерноморья. — В кн.:

Вооружение скифов и сармат. — Киев: Наукова Думка, 1984.

4. Смирнов К. Ф. Савроматы. — М.: Наука, 1964.

5. Смирнов К. Ф. Сарматы на реке Илек. — М.: Наука, 1975.

6. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и князья. — В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова Думка, 1975.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ (40—80-е гг.)

Исследование памятников археологии сарматского времени Северного Кавказа имеет уже довольно значительную историографию. Полемика, развернувшаяся в последние десятилетия буквально по всем вопросам изучения указанного периода древней истории региона, будь то истоки катакомбного погребального обряда, происхождение различных категорий предметов, этнические процессы и тому подобное, заставляет нас обратиться к анализу историографии проблемы. Это поможет проследить появление и развитие тех или иных научных идей и проблем по мере накопления новых данных. История развития определенной гипотезы может показать пути ее дальнейшей разработки или, наоборот, указать на полную бесперспективность данного пути. В этом случае необходимы новые идеи, которые позволят избежать тупика, явившегося результатом следования традиции. Потребность в таком обзоре тем более велика, что единственная статья Б. М. Керёфова, рассматривающая историографию указанной проблемы, вышла более 10 лет назад и, естественно, не отражает настоящего состояния дел (65).

Памятники Северного Кавказа сарматского времени, особенно его центральной части, далеко не сразу привлекли к себе внимание археологов-кавказоведов. Только в первые годы после победы советского народа в Великой Отечественной войне были предприняты первые серьезные попытки обобщить уже накопленный к тому времени весьма значительный материал, происходивший из дореволюционных раскопок, случайных находок, а также полученный в ходе целенаправленных археологических работ, развернувшихся в конце сороковых—начале пятидесятих годов. Наиболее велики заслуги в этом деле Е. И. Крупнова, работавшего на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, К. Ф. Смирнова (Прикубанье и Дагестан), Н. В. Анфимова (Прикубанье) и других.

Выход в свет тома «Материалы и исследования по археологии СССР» № 23 стал своеобразным подведением итогов этих работ. В книге были опубликованы три статьи по сарматской проблематике (1, 2, 3), не потерявшие своего значения и по сей день. Хотя они, в основном, посвящены памятникам, находившимся за пределами Центрального Кавказа (Дагестан и Прикубанье), выводы, сделанные на их базе, имеют общерегиональное значение.

Было аргументированно доказано наличие значительных контингентов сарматских племен на территории плоскостных и предгорных зон Северного Кавказа, в том числе и Центрального. Время массового проникновения сюда сарматов определялось для Прикубанья I в. до н. э. (3, с. 266), для Дагестана Е. И. Крупнов первоначально определил дату II—III вв. н. э. (2, с. 224—225), затем К. Ф. Смирнов удревил ее до I в. до н. э. (1, с. 268). Впрочем, дальнейшие исследования позволили Е. И. Крупнову (4, с. 164; 7, с. 391) согласиться с высказанным ранее предположением К. Ф. Смирнова о том, что начало сарматской экспансии на Северный Кавказ необходимо отнести ко второй половине III в. до н. э. (5, с. 75—82; 8, с. 3 сл.).

Раскопки Таркинского и Усть-Лабинского могильников, представлявших собой памятники контактов сарматов с аборигенами, позволили поставить вопрос о существовании и ходе этих контактов, о самой сущности процесса. Н. В. Анфимов крайне осторожно подошел к этнической интерпретации Усть-Лабинского могильника, рассматривая его скорее всего как местный памятник, находившийся под сильным сарматским влиянием (3, с. 204—207). К такой же точке зрения на Таркинский могильник склонялся Е. И. Крупнов (2, с. 224). Разделяя в принципе мнение Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнов высказал очень плодотворную идею о существовании в приморском Дагестане смешанного населения—«утидорсов» Плиния (1, с. 271). Тогда эта идея не вышла за рамки конкретного случая. В то же время нужно заметить, что в общем этнические процессы сарматской эпохи на Северном Кавказе рассматривались несколько упрощенно, как ассимиляция одного этноса другим. Четко сформулированная Е. И. Крупновым в предисловии к МИА-23: «в Прикубанье этот процесс завершился победой местной этнической основы, а в Центральной части Северного Кавказа—пришлых иранских элементов»,—(6, с. 9), опиравшаяся на авторитет крупных ученых, эта точка зрения на долгие годы стала господствующей. Повторил ее Е. И. Крупнов и в своей фундаментальной работе «Древняя история Северного Кавказа», различая ассимиляцию языковую от культурной и физической (7, с. 391—393). На наш взгляд, высказанные здесь Е. И. Крупновым положения практически исчерпали картину взаимодейст-

вия кавказско-аборигенного и ираноязычного (пришлого) этносов в русле идей ассимиляции и явились приемлемым разрешением данного вопроса на уровне изученности сарматской эпохи, который был достигнут в конце пятидесятих годов.

В то же время принимаются попытки, причем, как показало время, удачные, отождествления известных по письменным источникам племенных групп с конкретными археологическими памятниками. К. Ф. Смирнов связал северодагестанские памятники синкретического облика (Тарки, позже Карабудахкентский могильник и др.) с «утидорсами», в Прикубанье и на Маныче фиксируются сарматские племена сираков (8, с. 12; 9, с. 206). Опираясь на известное сообщение Аммиана Марцелина (Аммиан Марцелин), (XXXI, 2, 13), Е. И. Крупнов высказал мысль о том, что под именем «алан» Северного Кавказа скрываются далеко не одни лишь собственно аланы, но и многие другие, в том числе и местные племена¹. (7, с. 392—393). В дальнейшем, как мы увидим, эта идея принималась некоторыми исследователями, менялось лишь соотношение иранских и кавказских элементов внутри этого термина.

Большое значение для последующей историографии имела работа Л. Г. Нечаевой, связавшей катакомбы Северного Кавказа сарматского времени со степняками-аланами, вторгнувшимися сюда в I в. н. э. (13). Достаточно убедительная аргументация исследователя, подтвержденная позже (14) и соответствовавшая имевшимся в тот момент фактам, позволила «сармато-аланской» версии происхождения северокавказских катакомб в том виде, в каком ее сформулировала Л. Г. Нечаева, оставаться господствующей в литературе вплоть до середины семидесятих годов.

В этот же период, до середины шестидесятых годов, вышел в свет и целый ряд публикаций, посвященных конкретным памятникам сарматского времени Центрального Предкавказья (10, 11, 12 и др.). Эти работы не ставили и не решали общих вопросов, но имели важное значение, вводя в оборот новые материалы.

Новый импульс и новые направления исследования сарматского времени Предкавказья получили с выходом книги В. Б. Виноградова «Сарматы Северо-Восточного Кавказа» (15). В этой работе впервые для сарматского времени Северного Кавказа была сделана попытка (на примере восточной части региона) обобщить все накопленные к тому времени

данные и дать целостную картину сарматской эпохи, причем многие выводы и построения автора выходят за рамки Северо-Восточного Кавказа.

В книге был собран практически весь наличный материал, введены в научный оборот крайне интересные коллекции довоенных раскопок А. А. Иессена и Б. Б. Пиотровского Моздокского могильника; впервые для данной темы была сделана попытка в широком масштабе привлечь к решению поставленных проблем находки, собранные на бытовых памятниках.

Большое значение для последующего развития сарматоведения на Северном Кавказе имел экскурс в предисторию расселения сарматов в этих местах. На бесспорном, хотя и ограниченном материале (всего пять комплексов) В. Б. Виноградов показал, что степи, примыкающие к предгорьям Кавказа с севера, были освоены предками сарматов еще в VII—VI вв. до н. э. (15, с. 19—20). Это, естественно, облегчало путь на юг, к Кавказу, всем последующим волнам ираноязычных кочевников. Интересно, что это положение, как и многие другие, выдвинутые автором на весьма скромной основе, нашло блестящее подтверждение в более поздних раскопках. Как выясняется сейчас, предкавказские степи в районе Маныча осваиваются савроматами еще в самом начале раннежелезного века (29, с. 69). Необходимо отметить и широкое привлечение В. Б. Виноградовым письменных источников, которое сопровождалось тщательным их анализом. При этом использовались не только сообщения греко-римских авторов, но впервые для освещения событий на северном склоне Кавказского хребта привлекался грузинский летописный свод «Картлис цховреба», вышедший, кстати, академическим изданием гораздо позднее (16). Очень удачно, на наш взгляд, определил значение и содержание работы В. Б. Виноградова ее редактор К. Ф. Смирнов: «Книга В. Б. Виноградова — первый, несомненно удачный опыт синтеза письменных и археологических источников, касающихся истории и культуры сарматов на Северо-Восточном Кавказе». (15, с. 7).

Одним из вопросов, удачно решенных В. Б. Виноградовым, была проблема локализации тех или иных сарматских племенных групп на Северном Кавказе (15, с. 63 сл.). Для периода III в. до н. э.—I в. н. э. исследователь выделил размещение аорсов на крайнем востоке региона, в Прикаспии и сираков на прочей территории, от Прикубанья до Терско-Сунжен-

¹ Эта точка зрения разделяется не всеми исследователями (примечание редактора).

ского междуречья. Эта этнокарта вызвала ряд возражений (17, 18). В. А. Кузнецов и И. С. Каменецкий, исходя из своей интерпретации реки Ахардея Страбона как Кубани, отказывают в сиракской принадлежности выделенным В. Б. Виноградовым терско-сунженской и приманычской группам сарматских памятников. Достаточно убедительно, на наш взгляд их посылки опровергаются в последующих работах В. Б. Виноградова (19, 20). Исчерпывающий же анализ сообщений Страбона о Северном Кавказе, проведенный им, подвел, очевидно, черту под этой частью дискуссии (21, с. 36—43), во всяком случае то, что в предкавказских степях в III в. до н. э.—I в. н. э. господствовали именно сираки, а не какие-то другие сарматские племена, никем сейчас серьезно не оспаривается. Со своей стороны заметим, что после открытия захоронений сиракского облика в центральном Ставрополье и степной части Северной Осетии (22, с. 230—249; 23, с. 97—105) вероятно лучше говорить не об отдельных группах сиракского населения, как это делал В. Б. Виноградов (кубанская, приманычская и терско-сунженская), а об едином массиве, занимавшем большую часть равнинной территории Северного Кавказа.

Меньшее место в работах этого времени занимали вопросы сармато-аборигенных контактов, которые рассматривались преимущественно в историко-политическом аспекте (15, с. 65—68, 170—174). Высказываются мысли о разнородности сиракского племенного союза вследствие включения в него других сарматских племенных групп и каких-то контингентов местного населения (20, с. 52—55). Однако попыток проследить сущность процессов контактов сарматов с аборигенами, выяснить этнокультурную обстановку в предгорьях Северного Кавказа сарматского времени практически не делалось. Связано это было, на наш взгляд, с отсутствием достаточно исследованных памятников этого времени в предгорно-плоскостной зоне. Исследовались либо древности степей Предкавказья, населенных собственно сарматами, либо рассматривались собственно горные памятники, имевшие, несмотря на некоторые следы сарматского влияния, аборигенный, посткобанский облик (24, с. 191 сл.). Проблемы же взаимодействия этих двух культур решались в русле сарматизации, эталонную формулировку которой предложил К. Ф. Смирнов: «сарматизации местного несарматского населения, т. е. в принятии им сарматского костюма, вооружения, многих сторон погребального обряда». (25, с. 195). При этом не всегда правильно оценивалось обратное влия-

ние культуры аборигенов на сарматские племена.

Ограниченность археологического материала затрудняла решение поставленных выше задач, не позволяла всесторонне разобраться в сложной и противоречивой картине жизни населения Северного Кавказа III в. до н. э.—I в. н. э., решить проблему складывания аланской культуры и дать характеристику ранних этапов ее развития.

Значительным шагом вперед стали раскопки М. П. Абрамовой в 1966—1968 и 1971 годах Нижне-Джугатского могильника на территории Кабардино-Балкарии и его монографическое издание (26). Это была первая публикация впервые стационарно раскопанного могильника сарматской эпохи в Центральном Предкавказье. Вместе с тем, указанная книга послужила, практически, началом широкой дискуссии по вопросам реального этнокультурного содержания терминов «сарматская» и «аланская» культура Северного Кавказа III в. до н. э.—IV в. н. э. В работе «Нижне-Джугатский могильник» М. П. Абрамова сформулировала основные положения своей концепции, сводящейся в конечном счете к максимальному усилению роли северокавказских аборигенных племен в формировании культуры населения региона сарматского времени (26, с. 40).

Историографически эти положения направлены главным образом против тезисов В. Б. Виноградова, которые вроде бы отдают доминанту в этих процессах сарматам. Вместе с тем необходимо отметить, что; во-первых, рассмотренная выше книга В. Б. Виноградова была посвящена истории собственно сарматских племен на Северном Кавказе и, естественно, им было уделено основное внимание. Во-вторых, как указывалось выше, в распоряжении В. Б. Виноградова просто не было памятников, материалы которых позволили бы поставить вопрос об аборигенно-сарматских отношениях так, как это смогла сделать на базе Нижне-Джугатского могильника М. П. Абрамова. И в-третьих, при внимательном рассмотрении работ В. Б. Виноградова мы увидим постоянное внимание автора к той значительной роли, которую играли горцы Кавказа в политических событиях сарматской эпохи (15, с. 151 сл.; 21, с. 39—41).

Центральным пунктом заявившейся дискуссии стал вопрос о происхождении и принадлежности северокавказских катакомб сарматского времени. Это естественно, учитывая, что большинство исследователей рассматривает погребальный обряд как признак того или иного этноса (27, с. 43; 28, с. 99), а катакомбы как способ захоронения господствующей

предгорной и плоскостной части Северного Кавказа с первых веков н. э., а в средневековые проникают и глубоко в горы. Таким образом, решение вопроса о происхождении и принадлежности катакомб одновременно и в значительной мере определяло населявший регион этнос.

Упомянутая выше теория Л. Г. Нечаевой была безоговорочно поддержана рядом специалистов (15, с. 94—96; 33, с. 13), а новые находки катакомбных захоронений увязывались с появлением здесь алан (28, с. 99; 30, с. 266—270; 66). М. П. Абрамова впервые усомнилась в аланском происхождении катакомб (26, с. 45), а в более поздних работах и в том, что в Центральном Предкавказье они вообще связаны с приходом сюда сарматских племен (31, с. 76—78; 32, с. 17). Нужно заметить, что М. П. Абрамова верно уловила моменты, противоречащие общепринятой версии происхождения катакомб (сравнительно малая распространенность их в собственно сарматской метрополии, отличия в конструкции и обряде погребения и т. д.). Исследователю удалось также установить, что первые катакомбные погребения появляются на Северном Кавказе явно до прихода сюда алан (34, с. 34—39). Это было позже подтверждено также и другими находками (28; 35). Все сказанное позволило М. П. Абрамовой справедливо пересмотреть идею о связи распространения катакомб на Северном Кавказе с приходом сюда степняков-алан, но этот вывод несколько поспешно был перенесен и на сармат вообще. Не к самой сильной стороне позиции М. П. Абрамовой нужно отнести и то, что критикуя традиционную точку зрения, она обычно не выдвигает аргументированной альтернативы (31, с. 77—78; 36, с. 70—71). Это, конечно, не случайно, ведь в кавказских древностях истоки катакомбного погребального обряда найти весьма затруднительно. Первоначально М. П. Абрамова склонялась к поискам здесь среднеазиатского влияния (26, с. 39), в последней работе предполагается как-то связать катакомбы со склеповыми сооружениями (32, с. 16, 17), причем отказ от предыдущей точки зрения никак не оговорен, само же последнее предположение высказано в очень осторожной форме. По нашему мнению, какого-то влияния кавказских склеповых сооружений на формирование стандарта средневековых аланских катакомб отрицать не следует, но истоки этого обряда нужно все-таки искать в сарматских традициях.

Как бы то ни было, работы М. П. Абрамовой достаточно веско указали на неудовлетворительность традиционного увязывания появления катакомб на Северном Кавказе с при-

ходом сюда алан. Наиболее аргументированно, на наш взгляд, показала это М. Г. Мошкова, проанализировав под этим углом зрения добытый в последние десятилетия огромный материал из собственно сарматских областей Подонья—Приуралья (37, с. 20—29). «Сарматская» теория происхождения катакомб в виде сформулированном Л. Г. Нечаевой, перестала соответствовать новым фактам и потребовала переосмысления.

Определенные шаги в этом направлении уже делались. К. Ф. Смирнов в своей капитальной статье убедительно и весьма аргументированно показал: во-первых, характерность катакомб для сарматов (несмотря на то, что они, в общем, составляют весьма незначительное число от общего количества захоронений), во-вторых, большое сходство и, очевидно, родство сарматских и северокавказских катакомб (38, с. 73—81). В. Б. Виноградов в рецензии на книгу М. П. Абрамовой «Нижне-Джугатский могильник» показал пути объяснения разницы в погребальном обряде и конструкции катакомб степей и Северного Кавказа через поиски различий социально-экономического облика сарматов Предкавказья южнорусских степей (39, с. 306—308). Характерно, что в этих работах распространение катакомб уже не связывается с собственно аланами, речь идет о сарматах вообще.

Одновременно выходят работы, авторы которых отстаивают традиционную точку зрения. Статья Я. Б. Березина и С. Н. Савенко посвящена попытке доказать, что ранние катакомбы Северного Кавказа принадлежат: «...не вообще сарматам, а их конкретной в этническом смысле части—ранним аланам» (40, с. 38). В свете вышесказанного эта конкретная задача не могла быть решена. Однако наша аргументация в пользу сарматских истоков данного погребального обряда на Северном Кавказе остается в силе, за исключением некоторых ошибок в датировке ранних погребений Нижне-Джугатского могильника, на которые нам справедливо указала М. П. Абрамова (34, с. 35).

На материалах Северо-Западного Кавказа, Прикубанья принадлежность первых катакомб Предкавказья аланам доказывают Е. П. Алексеева и А. М. Ждановский (41, с. 81—83), причем, чтобы объяснить существование отдельных катакомбных погребений, датирующихся периодом до I в. н. э. (время летописного появления алан на Кавказе), Е. П. Алексеева предположила существование внутри группировок сарматских племен носителей катакомб, именуемых ею «протоаланами» (42, с. 156). Авторы обобщающих диссертационных работ по истории сарматской эпохи Среднего

Притеречья (43) и Центрального Предкавказья (44)² либо полностью признают традиционную точку зрения (43, с. 8), либо оговариваются, признавая: «...значительную роль местных традиций в создании своеобразных черт катакомбных погребений Центрального Предкавказья». (44, с. 22). В последнем нужно, видимо, видеть влияние концепций М. П. Абрамовой.

Описанная ситуация в вопросе о происхождении катакомб вынудила нас пересмотреть свои взгляды и выдвинуть новую концепцию, разработанную совместно с В. Б. Виноградовым (35). Не излагая ее здесь подробно, отметим, что отказавшись от идеи принадлежности катакомб исключительно ранним аланам, мы все же предполагаем их сарматские истоки. Отработка устойчивой формы, массовое распространение катакомб в первые века н. э. происходило в недрах северокавказского населения предгорий и плоскости. Вопрос же об этническом составе этого населения требует отдельного рассмотрения.

Примерно в таком же ключе шла дискуссия и по другим параметрам археологической культуры населения Северного Кавказа сарматского времени. Заслуживает внимания работа М. П. Абрамовой по анализу керамики этого периода (45). На основе обработки большого фактического материала М. П. Абрамова приходит к закономерному выводу, что керамическое производство в Предкавказье в сарматское время имеет сугубо местный характер, испытывая влияние ремесленных центров Кавказской Албании, Прикубанья и Боспора, и, в свою очередь, влияет на изготовление посуды в сарматских степях. Однако из этого делается совершенно неожиданный вывод об отсутствии сколько-нибудь значительного количества сарматов в плоскостных районах Предкавказья, а те, что и были — давно потеряли свою собственную культуру (45, с. 50). При этом упускается из виду тот факт, что по такой специфической категории материальной культуры, как керамика нельзя судить о взаимодействии кочевой и оседлой культур в целом. Керамическая традиция оседлого населения, как несравненно более развитая, неизбежно возобладает при столкновении с кочевой, особенно при оседании кочевников на землю. Впрочем, и сарматские традиции в северокавказской керамике достаточно сильны. В первую очередь речь идет о культовой посуде (46, с. 41—42; 47, с. 152; 48, с. 272—283) и о элементах ее декора (49, с. 34—38; 51, с. 33—37). Правда, по последне-

му вопросу — речь идет о керамике с зооморфными ручками — М. П. Абрамова также отрицает сарматское влияние на ее происхождение (50, с. 83—84).

Подобное столкновение мнений имеет место и по проблеме происхождения зеркал-подвесок (45, с. 48; 52, с. 44—49; 53, с. 58—70), мечей и кинжалов с серповидными навершиями (54, с. 13—15; 55, с. 5 сл.). Наличие острой полемики в изучении многих сторон культуры населения сарматского времени Центрального Предкавказья еще раз подчеркивает ее многоплановый, неординарный характер.

Не оставляли своим вниманием исследователи и памятники горных районов Центрального Кавказа. Правда, здесь не раскапывали памятников, равных по своему значению Нижне-Джугатскому могильнику, да и в целом масштабы работ были значительно скромнее. Однако, и при анализе материалов дореволюционных раскопок, случайных находок, и на базе вновь исследованных памятников горных районов археологи-кавказоведы приходят, в общем, к одинаковым выводам (44; 56, с. 177—780; 57, с. 26—28). Они сводятся к тому, что население горных районов продолжает развивать свою культуру (посткобанскую либо посткаякентско-харачоевскую), явно сохраняя при этом свое этническое лицо. Влияние плоскостной, сармато-аланской культуры выражалось в первую очередь в появлении импортных предметов и весьма мало коснулось погребального обряда. Говорить о проникновении сколько-нибудь значительных этнических групп с плоскости в горы не приходится, хотя тесное общение горцев, в первую очередь экономического характера, с жителями предгорий несомненно очевидно. Для Кавказа такое общение во все эпохи было неперенным условием нормальной жизни населения горных ущелий (71).

Пожалуй, наименее освещена в литературе экономическая сторона жизни обитателей Центрального Предкавказья сарматского времени. Скорее всего, это связано с тем, что бытовые памятники региона этого времени практически не изучались. На сегодняшний день в Центральном Предкавказье нет ни одного сколько-нибудь серьезно раскопанного поселения либо городища сарматского времени. Проводились лишь сборы подъемного материала и небольшая шурфовка. Между тем, даже незначительные по объему раскопки поселений под Кисловодском позволили сделать ряд заключений об архитектуре строений. Установлено также, что керамический комплекс поселе-

² Необходимо отметить, что работа Б. М. Кереева географически охватывает только часть горных и предгорных областей Центрального Предкавказья, в основном Кабардино-Балкарию и Северную Осетию, почти не затрагивая его степной части.

ний сильно отличен от погребального и на настоящий момент известен весьма слабо (58).

Некоторые выводы об экономической структуре общества на основе материалов погребений можно попытаться сделать для кочевых обществ, ибо бытовые памятники кочевников часто бывает невозможно обнаружить. Осветить эту сторону жизни части населения Центрального Предкавказья попытался Я. Б. Березин в статье о кочевничестве сарматских племен в регионе (59, с. 43—48). При некоторой схематичности этой работы она представляет интерес как первая попытка проследить на местном материале постепенную эволюцию сарматов при переходе от полукочевого к оседлому хозяйству.

Наверное, даже внимательная проработка имеющихся данных позволила бы более полно осветить экономическую жизнь региона в сарматскую эпоху, но эти вопросы остались в стороне от изысканий ученых.

Продолжали выходить и работы публикационного плана, вводившие в оборот новые источники по изучению сарматской эпохи Предкавказья (23; 67, с. 64—69; 68, с. 218—222; 69, с. 60—70; 70, с. 197—205 и др.). Из их числа особо отметим публикации М. П. Абрамовой и А. П. Рунча, дающие возможность знакомства (хотя и предварительного) с материалами Покумского и Железноводского могильников — интереснейших некрополей Пятигорья первых веков н. э.

Как уже отмечалось выше, главной целью исследователей на нынешнем этапе изучения проблемы стало определение этнокультурного состава населения Центрального Предкавказья сарматского времени, причем, расхождение точек зрения в этом вопросе достигло максимума. Опираясь практически на одни и те же материалы, исследователи с одной стороны вообще отрицают присутствие значительных контингентов сарматов в плоскостных районах Предкавказья вплоть до гуннского нашествия и видят лишь: «...проникновение и оседание отдельных групп праноязычных сарматов в среде местного населения Северного Кавказа» (45, с. 50). Впрочем, при этом все же принимается определенный вклад сарматского компонента в сложение раннесредневековой аланской культуры, но его роль в целом считается весьма незначительной (31, с. 80—82).

С другой стороны, кавказоведы, отмечая роль и значение местных племен в этнических процессах на территории Предкавказья сарматского времени, считают культуру населения этого региона сарматской по своей сути, хотя и сильно отличной от степных кочевнических культур (60, с. 102—104). В результате дис-

куссия по этому вопросу оказалась практически в тупике.

Главной ошибкой исследователей, на наш взгляд, было то, что и сарматы, и аборигены Предкавказья зачастую рассматривались как живущие рядом, но, как бы сами по себе, а культурные взаимодействия между ними нередко сводились к упрощенному «ассимиляционизму» (45, с. 45—46; 61, с. 58—60). Такой подход, приемлемый для историографии 50-х годов, не может конечно, отвечать современным требованиям.

Необходимость в другом, более гибком подходе, ощущалась уже давно. Рассматривать взаимоотношения сарматов и аборигенов как нечто большее, чем механическое смешение элементов обеих культур и поглощение одной культуры другой предлагали В. Б. Виноградов (62, с. 7—9), В. А. Коренько и А. В. Найденко (22, с. 47), на близких позициях первоначально стояла и М. П. Абрамова (26, с. 40).

Накопление новых фактов, выделение категорий инвентаря, формы погребального обряда (катакомба) в одинаковой либо в почти одинаковой степени нехарактерных и для «классических» сарматов и для горных племен, позволило поставить вопрос о складывании в традиционной контактной зоне между горами и плоскостью нового этнокультурного образования, равно отличного от обеих упомянутых выше. Разработка и оформление этой, принципиально новой концепции, была осуществлена нами совместно с В. Б. Виноградовым и ее основные положения частично опубликованы (35; 63, с. 46—48). Синтез различных этнокультурных элементов, оказавшихся в контактной полосе предгорий и плоскости, не подчиняет сарматов и аборигенов друг другу. Это не просто взаимные обшения, не просто адаптация и аккультурация разных народов — это создание нового этноса со своей, собственной, отличной от других материальной и духовной культурой. Насущной задачей работ в этой области явилось бы выделение комплекса признаков (в погребальном обряде, инвентаре захоронений, поселенческой керамике), который позволил бы выявить реальное лицо этой культуры, послужившей основой для развития в раннем средневековье аланской культуры Северного Кавказа, столь же полиэтнической и многообразной, как и ее предшественница (64, с. 49—51).

Думается, что наиболее верный путь дальнейших исследований лежит именно в русле максимально полного анализа всех компонентов этнокультурных процессов, но отнюдь не выпячивания одной из сторон при умалении значения другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.—МИА, 23, М.: изд-во АН СССР, 1951.
2. Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.—МИА, 23, М.: изд-во АН СССР, 1951.
3. Анфилов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.—МИА, 23, М.: изд-во АН СССР, 1951.
4. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды.—М.: изд-во АН СССР, 1957.
5. Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Приуралья: Доклады и сообщения института МГУ, вып. 5.—М.: изд-во МГУ, 1947.
6. Крупнов Е. И. Предисловие.—МИА, 23, М.: изд-во АН СССР, 1951.
7. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.—М.: изд-во АН СССР, 1960.
8. Смирнов К. Ф. Основные линии развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.—КСИИМК, вып. XVI, 1952.
9. Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.—ВССА, М., 1954.
10. Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабарде и Грозненской области.—КСИИМК, вып. XXXII, 1950.
11. Минаева Т. М. Археологические разведки в долине р. Суижи: Сб. трудов Ставропольского пединститута вып. 13.—Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1958.
12. Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. канд. дисс.—Л., 1956.
13. Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбояных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.—Сб.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
14. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.—Грозный, 1963.
15. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей.—М.: Наука, 1979.
16. Кузнецов В. А. Рец. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.—СА, 1964, 4.
17. Каменецкий И. С. Ахардей и сираки: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 году в СССР.—Баку, 1965.
18. Виноградов В. Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен.—СА, 1966, 4.
19. Виноградов В. Б. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.—I в. н. э.—СА, 1968, 1.
20. Виноградов В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона.—ИСКНЦВШ, 1975, 4. Ростов-н/Д: Молот, 1975.
21. Коренько В. А., Найденов А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томуловке (Ставропольский край).—СА, 1977, 3.
22. Березин Я. Б. Новые погребения последних веков до н. э. в Среднем Притеречье.—Сб.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе: СОГУ, 1983.
23. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа.—Ученые записки ЛГУ, 85, сер. ист., 13, Л.: изд-во ЛГУ, 1949.
24. Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.—ВССА, М., 1954.
25. Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник.—Нальчик: Эльбрус, 1972.
26. Напр.: Петренко В. А., Савенко С. Н. Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья в сер. I тыс. н. э.: Тезисы докладов и сообщений IX Крупновских чтений.—Элиста, 1979.
27. Коренько В. А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае.—КСИА, 162, 1980.
28. Коренько В. А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче.—КСИА, 170, 1982.
29. Рунин А. П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы.—СА, 1961.
30. Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.—СА, 1978, 1.
31. Абрамова М. П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы.—Сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы: Труды ГИМ, вып. 54. М.: изд-во ГИМ, 1982.
32. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, 106, 1962.
33. Абрамова М. П. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джугатского могильника.—КСИА, 176, 1983.
34. Виноградов В. Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье.—Сб.: Античность и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1985.
35. Абрамова М. П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья.—Сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
36. Мошкова М. Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе.—Сб.: История и культура сарматов. Саратов: изд-во Саратовского государственного университета, 1983.
37. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья—Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.—СА, 1972, 1.
38. Виноградов В. Б. Рец. М. П. Абрамова. Нижне-Джугатский могильник.—СА, 1975, 1.
39. Березин Я. Б., Савенко С. Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе.—Сб.: Археология и вопросы атеизма. Грозный: изд-во ЧИГУ, 1977.
40. Ждановский А. М. Появление алан в Прикубанье.—Сб.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 1983.
41. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа.—Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1976.
42. Петренко В. А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху: Автореф. канд. дисс.—М.: изд-во МГУ, 1980.
43. Кереев Б. М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время: Автореф. канд. дисс.—М., 1975.
44. Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.—СА, 1979, 2.
45. Петренко В. А. Сарматские двуручные «кафаровидные» сосуды Северного Кавказа: Тезисы IV Крупновских чтений.—Орджоникидзе, 1974.
46. Кереев Б. М. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени.—Сб.: Этнография и современность. Нальчик: изд-во КБНИИИФЭ, 1984.
47. Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке.—СА, 1980, 1.
48. Березин Я. Б. Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе

Сарматское время. — Сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: изд-во ЧИГУ, 1979.

50. Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками. — СА, 1969, 2.

51. Петренко В. А. Ручки сосудов в виде животных на втором Ханкальском городище. — Сб.: Археология и вопросы атензма. Грозный: изд-во ЧИГУ, 1977.

52. Виноградов В. Б., Петренко В. А. К происхождению сарматских бронзовых зеркал-подвесок Северного Кавказа. — КСИИ, 148, М., 1977.

53. Хазанов А. М. Генезис сарматских зеркал. — СА, 1963, 4.

54. Петренко В. А. Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматского времени Центрального Кавказа: Тезисы III Крупновских чтений. — Грозный, 1973.

55. Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. — Сб.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.

56. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт. — СА, 1974, 1.

57. Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа II и первых веков н. э. — Сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: изд-во ГИМ, 1974.

58. Березин Я. Б. Население Кисловодской котловины в сарматское время. — Сб.: Археология и вопросы экономической истории Северного Кавказа. Грозный (в печати).

59. Березин Я. Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье. — Сб.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: изд-во ЧИГУ, 1984.

60. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Материалы погребальных памятников Среднего Причерноморья. — Сб.: Кочевники Азово-Каспийского моря. Орджоникидзе: СОГУ, 1983.

61. Петренко В. А. К вопросу об этническом

составе поселений плоскости Среднего Причерноморья в сарматское время. — Сб.: Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава ЧИГУ по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983.

62. Виноградов В. Б. К изучению взаимоотношений между абorigенами Центрального Кавказа и праиндоевропейскими племенами в раннем железном веке: Тезисы докладов IV Крупновских чтений. — Орджоникидзе, 1974.

63. Березин Я. Б. Об этнических процессах на Северном Кавказе в сарматское время. — Сб.: Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный: изд-во ЧИГУ, 1985.

64. Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Назревшие вопросы изучения этнической истории раннесредневекового населения Центрального Предкавказья. — Сб.: Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1985.

65. Кереев Б. М. Некоторые вопросы изучения памятников сарматского периода Центрального Предкавказья. — АЭС КБНИИ, вып. 1, Нальчик: Эльбрус, 1974.

66. Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — АЭС ЧИНИИ, т. III, Грозный, 1969.

67. Кантемиров Э. С. Погребение сарматского периода II—I вв. до н. э. у селения Куртат СОАССР. — Сб.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1981.

68. Рунич А. П. Железноводский могильник I. — СА, 1983, 4.

69. Абрамова М. П. Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ Кисловодска. — Сб.: История и культура сарматов. Саратов: изд-во Саратовского государственного университета, 1983.

70. Габеев Т. А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии. — СА, 1985, 2.

71. Сб.: Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси: изд-во Тбилисского государственного университета, 1984.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЯ:

АЭС КБНИИ, АЭС ЧИНИИ — Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.

ВССА — Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии. **ГИМ** — Ордена Ленина Государственный исторический музей.

ИСКНЦВШ — Известия Северо-Кавказского научно-исследовательского центра высшей школы.

КБНИИФЭ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории филологии и экономики.

МИА — Сб. Материалы и исследования по археологии СССР.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

СА — Ж. Советская археология.

СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

УЗКНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института.

ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого.

С. Н. Савенко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОГАТЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КОНЦА XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII вв. МОГИЛЬНИКА КОЛЬЦО-ГОРА

Для изучения этнокультурных аспектов исторического процесса древности и средневековья особое значение имеет привлечение археологических комплексов, включающих боль-

шое число выразительных находок. Данная статья посвящена анализу 3 наиболее богатых комплексов конца эпохи раннего средневековья могильника Кольцо-Гора из района

г. Кисловодска. Памятник открыт в 1957 г. А. П. Руничем. Им исследовано здесь в разные годы 6 захоронений в катакомбах (1, с. 29; 2, с. 243; 3). С 1981 по 1984 гг. нами, совместно с сотрудником Кисловодского музея краеведения Я. Б. Березиным, раскопано еще 48 различных погребений, из которых 6 грунтовых: 2 детских (№ 16, 17), 2 взрослых (№ 11, 43), 3 без остатков костяков (№ 44, 46), 2 конских захоронения (4, с. 105–108) и 40 катакомбных. Краткую характеристику микродеталей обряда и основных категорий инвентаря мы уже давали (5, с. 130, 131; 6, с. 134). Особым богатством инвентаря отличались погребения в катакомбах № 1, 8, 41.

Комплекс № 1. Захоронение было полностью разрушено при земляных работах. Глубина его от дневной поверхности составляла 5,1 м. Инвентарь собран рабочими, по словам которых в камере находилось 3 костяка, лежавших на остатках дерева и углях. Наличие последних подтверждено при дочистке погребения. Ориентировка камеры по длинной оси—север-юг с небольшим отклонением.

В состав находок входил палаш из нескольких фрагментов общей длиной 96 см (рис. 1, 1–3). Клинок почти прямой с небольшим изгибом у острия. Черен заметного отгиба не имел. Ширина клинка у перекрестья—3,8 см, в средней части—3,1. Рукоять (длина—14 см) оформлена серебряным с позолотой навершием, украшенным растительным тисненным орнаментом. На нем имелось кольцо для темляка. Деревянная часть рукояти была обмотана витыми серебряными проволочками. Перекрестье выполнено из того же материала, что и навершие и орнаментировано. Богато украшены 2 скобы и наконечник ножен (длина—12 см). На остатках деревянных ножен выявлены куски грубой кожи (морского ската—?). Орнамент на деталях оформления палаша был нанесен с одной лицевой (при ношении—левой) стороны. Он состоял из растительных элементов, изображений пальметок, вдавленных линий, рельефных точек, кружков с зубчатым оформлением, контурных обводов и треугольников, выполненных в технике чернения.

В погребении найдены и другие предметы вооружения: 2 железные секиры во фрагментах (рис. 2, 15, 16), перекрестье крупного кинжала или меча (рис. 2, 18), наконечник стрелы с ромбовидным пером (рис. 2, 20), остатки деревянного днища колчана с фрагментами стенок из дерева, обтянутого кожей, прикрепленных к днищу бронзовыми гвоздиками с сегментовидными, покрытыми пластинками, шляпками (рис. 2, 14), 2 серебряные (?) оковки, по-видимому от ножен (рис. 1, 26), фигурная оковка от рукояти плети (?), орнаментирован-

ная шестью смежными изображениями трилистников с черненными внутренними зонами (рис. 1, 39).

Представительную группу находок составляли детали конской сбруи: бронзовый начельник с круглой выпуклой подставкой (рис. 2, 7), 4 подвесные бляхи листовидной формы с зубчатым обводом по краю на орнаментированных округлых креплениях и с уплощенно-овальными бубенчиками на нижней части; крепления и бубенчики позолочены (рис. 2, 8), сбруйные ремни с бронзовыми заклепками (312 шт.), накладкой со стеклянной вставкой и креплением от решмы (рис. 2, 9), фрагменты деревянного седла, куски попоны, орнаментированной кожаными позолоченными аппликациями в виде сложного контурного орнамента, части крупных железных пряжек, крепившихся, вероятно, к седлу (рис. 2, 11–13), 5 бронзовых округлых в сечении колец (рис. 2, 3–4, 1, 6), железное кольцо (рис. 2, 5), железное стремя овальной формы с расширенной подножкой и отверстием для путалища в верхней части корпуса (рис. 2, 10).

Обнаружены также различные украшения: бронзовая пряжка с остатками железного язычка (рис. 1, 6), бронзовая с позолотой фигурная прорезная накладка (рис. 1, 5), «крылатая» бляха с орнаментом (рис. 1, 4), фрагментированный пластинчатый «трезубец» с пунсоным оводом по краю (рис. 1, 7), фрагментированные позолоченные пластинки от головного убора—одна с зубчатой окантовкой по краю (рис. 1, 19), другая с точечным пунсом и ломаной линией в средней части полосы (рис. 1, 20), позолоченные бубенчики 7 видов с прорезями и отверстиями на большей части с обводами, 7 из них—на трехлепестковых накладках (рис. 1, 11–18), различные бусы—«сигаровидная» и овальная сердоликовые (рис. 1, 21, 25), двойная с внутренним серебрением (рис. 1, 22), бисер голубого и белого цвета (рис. 1, 23, 24); квадратная бронзовая накладка с рельефным орнаментом (рис. 1, 9), крепление со стеклянной вставкой (рис. 1, 10), ятарная подвеска-амулет с прочерченным орнаментом (рис. 1, 28), фрагмент бронзового витого браслета (рис. 1, 40).

К принадлежностям туалетного набора относятся: комплекты копоушек, ногтечисток и ложечек (рис. 1, 32–36), стеклянный флакончик (рис. 1, 8).

Переданы были также: бронзовый кружок (рис. 1, 29), хрустальный шарик (рис. 1, 38), фрагментированный пятиугольный амулет (?) из бронзового с позолотой листа с тисненным плетеным орнаментом (рис. 1, 37), бронзовый овальный полый предмет, напоминающий корпус бубенчика без ушка (рис. 1, 16), бронзо-

вая «скалочка» (рис. 1, 31), железные угольники (рис. 2, 19) и гвозди от гроба (рис. 2, 22), несколько железных ножей во фрагментах.

Катакомба № 8. Дно овальной в плане камеры размерами $3,13 \times 2,45$ м находилось на глубине 5,2 м. Большая часть дромоса и верх камеры были разрушены. В грунте, заполнявшем камеру, обнаружены кости крупного животного, вероятно лошади и фрагментированное стремя, аналогичное по форме стремени из комплекса № 1 (рис. 3, 10). По-видимому, это остатки конского захоронения, находившегося над камерой и разрушенного в ходе земляных работ. Камера подпрямоугольной формы с заоваленными углами, ориентирована длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ, перпендикулярно к остаткам дромоса. Возле порога устроена подпрямоугольная ступенька (рис. 7, 1).

Катакомба ограблена в древности. Погребенный лежал в неестественной позе с раскинутыми конечностями, череп отсутствовал. Сохранившийся инвентарь включал: костяные обкладки от лука — 4 концевых и фрагменты срединных (рис. 3, 11—16), части деревянного столика на трех ножках (рис. 3, 1), 2 бронзовых пряжки, одна из которых с железным, другая — с бронзовым язычком (рис. 3, 7), 2 орнаментированные «крылатые» бляхи (рис. 3, 4, 6), железное тесло (рис. 3, 8), серебряная пластина (рис. 3, 9), бронзовое кольцо с остатками трех кожаных ремней (рис. 3, 2), бронзовый бубенчик (рис. 3, 3). Под плечевыми костями погребенного найдены фрагменты костяных пластин. Остатков дерева и углей под костяком не выявлено. Внутри камеры расчищены остатки конструкции из крупных камней.

Катакомба № 41. К камере вела входная яма-дромос длиной 7,54 м, ориентированный по линии северо-запад—юго-восток. Ширина в начале — 0,72 м, у лаза — 0,96 м. Наибольшая глубина у входного отверстия — 4,36 м. В юго-восточной части расчищено 7 различных по ширине и высоте ступенек. Входное отверстие было закрыто массивной плитой с двумя подпорными камнями.

Через лаз подсегментовидной формы размерами $0,46 \times 0,5 \times 0,3$ м дромос соединялся с камерой. Свод сохранился с незначительными обрушениями. Размеры овальной в плане камеры $3,25 \times 2,42 \times 1,92$ м. По длинной оси она была перпендикулярна дромосу.

На обширном пространстве расчищено одно погребение в остатках гробовидного сооружения, перекрытого двумя продольными досками, размещенного в северо-западной половине камеры. Основная часть находок обнаружена на перекрытиях и внутри гроба. Отдельно на дне катакомбы располагались фрагментиро-

ванная железная секира (рис. 4, 1), раздавленный стеклянный кубок, оформленный вертикальными валиками (рис. 5, 20) и железное тесло во фрагментах (рис. 4, 20). В средней части камеры расчищены остатки тлена коричневого цвета, заходящие под доски гроба.

Гроб, скрепленный железными гвоздями, ориентирован длинной стороной по линии юго-запад—северо-восток. На северо-восточной половине перекрытий лежали: части седла — 2 лука (рис. 5, 21), деревянные соединения с бронзовыми накладками двух типов (рис. 5, 26, 27), фрагменты сбруйных ремней с сегментовидными заклепками (рис. 5, 2, 4) и позолоченными подвесными бляхами с антропоморфной фигуркой внутри листовидного контура на креплении с округлым щитком, орнаментированным в средней части многолепестковым цветком и окружностью из смежных кружков по краю, и крупным бубенчиком внизу (рис. 5, 1). Там же находились 2 фрагментированных железных стремени овальной формы с прорезью в верхней части корпуса (рис. 5, 24), бронзовое овальное в сечении кольцо (рис. 5, 19). Отдельно у средней части перекрытий расчищен ассиметрично-ромбический наконечник стрелы с частью древка (рис. 4, 6).

После разборки перекрытий было установлено, что внутри находился сильно истлевший костяк мужчины (?), лежавший вытянуто на спине, головой на юго-запад. На следе от черепа были остатки матерчатого головного убора, обшитого по краю позолоченными бубенчиками на фигурных накладках (рис. 6, 2) и обычными бубенчиками. На тлене расчищены фрагменты богатой одежды из ткани коричнево-красного цвета, вышитой позолоченными кожаными аппликациями в виде плетенок, завитков и контурных растительных орнаментальных элементов (рис. 6, 14). Одежда была обшита бубенчиками и мелкими бусами малинового цвета (рис. 6, 5—8, 10). Часть бубенчиков располагалась попарно вдоль позвоночника. Куски ткани лучшей сохранности зафиксированы в области плечевого пояса, верхней части грудной клетки и таза. Возможно, что ткань была двухслойной. 3 бубенчика, украшавшие одежду, крепились на трехконечные с завешениями в виде трех кружков, накладки (рис. 6, 1). 3 аналогичные накладки были без ушек для крепления бубенчиков (рис. 6, 11).

Среди остатков одежды найдены: крупная хрустальная бочонковидная бусина (рис. 6, 9), бронзовое крепление от тканной сумочки (рис. 5, 23), бронзовая сегментовидная накладка с тремя трилистниками (рис. 5, 5).

От средней части тлена костяка вниз располагалась сабля с деталями ножен общей длиной 98 см. Рукоять длиной 16,2 см оформлена

богато орнаментированным навершием и перекрестьем, выполненными из позолоченного листа. На навершии крепилось кольцо для темляка. Деревянная часть рукояти обмотана плетеными серебряными проволочками. Тисненым орнаментом были украшены 2 скобы и наконечник (длина 19,1 см) деревянных ножен. Орнамент оформления сабли состоял из завитков, растительных элементов, дуговидных и прямых вдавленных линий, пальметок, выпуклых валиков с прямыми и наклонными насечками, лепестков, сложных крестиков, кружков, треугольничков, п-образных элементов (рис. 4, 4—5). Окисленный стальной клинок длиной 75 см, шириной у перекрестья 3,4 см, в средней части 2,8 см, имел небольшой изгиб. Рукоять с уклоном в сторону режущей части клинка.

От сабли отходило 2 пояска с позолоченными накладками двух типов: с пятилепестковыми и геральдическими орнаментированными щитками (рис. 5, 8, 16). К поясному набору относятся также: бронзовая с позолотой пряжка с овальной рамкой и фигурным щитком, на котором выполнен процерченный орнамент (рис. 5, 14), соединительная скоба (рис. 5, 22), 3 наконечника ремешков—2 в виде смежных четырех и двух пятилепестковых накладок и один с процерченным изображением трех смежных ромбиков (рис. 5, 9, 11).

У рукояти сабли лежала орнаментированная позолоченная «крылатая» бляха на остатках кожи и ткани (рис. 5, 25), под острием и наконечником ножен—железный нож с частично истлевшими деревянными ножнами и рукоятью (рис. 4, 3). Справа от костяка, начиная от уровня таза и до конца тлена ноги, прослежены остатки крупного колчана с деревянным дном в форме срезанной на 1/4 окружности (рис. 4, 13). Нижнюю кромку колчана украшали позолоченные пластины с орнаментом из процерченных растительных и геометрических элементов и пунсоными линиями по краям (рис. 4, 15). Для крепления колчана, изготовленного из тонкого дерева и бересты, служили—бронзовые скобки с железными гвоздиками (рис. 4, 11, 12). Внутри находился набор стрел с железными наконечниками, направленными вверх. Наконечники с остатками древков нескольких типов: 3 крупных двурогих и 1 фрагмент подобного наконечника (рис. 4, 7), 3 ассиметрично-ромбических (рис. 4, 10), 4 удлиненно-подтреугольных (рис. 4, 9), 3 плоских удлиненных с небольшими выступами на боковых углах (рис. 4, 8).

На ногах до уровня коленных суставов встречались фрагменты кожаных ноговиц. У ног найдено несколько обрывков сбруйных ремней с заклепками и подвесками с изобра-

жениями «пляшущих» человечков (общее количество—9 шт.), фрагменты серебряной проволоки (рис. 4, 14), бронзовое кольцо. Среди тлена выявлена небольшая прямоугольная дощечка неясного назначения.

Часть предметов: детали поясного набора, пряжка, подвеска с «пляшущим» человечком, части сбруйных ремней и позолоченные пластины от оформления колчана обнаружены под нижними досками гроба.

Истлевший таз и кости ног находились на прутьях, положенных внутри гроба. Нижние, более толстые, доски стояли на двух крупных плитообразных камнях, находившихся под краями, и рыхлой глиняной подушке—под средней частью.

Высота порога камеры составляла 0,95 м, а общая глубина дна от дневной поверхности—5,5 м.

Представленные комплексы имеют определенное сходство между собой. Во всех трех погребениях найдены однотипные стремена. Близки типы штампованных бубенчиков с коническим-полусферическим или -сегментовидным корпусом с прорезью и отверстиями на нижней части. Сбруйные ремни в комплексе № 1 и погребении № 41 украшены заклепками с сегментовидными шляпками. Бронзовые кольца сбруйных и поясных ремней во всех случаях округлые, сплошные, в сечении овальные. В каждом комплексе присутствуют «крылатые» бляхи, близка форма железных тесел.

Палаш и сабля из погребений 1 и 41 представляют собой высокохудожественные образцы оружейного ремесла и изготавливались индивидуально на заказ. Поэтому полное их сходство невозможно. Однако не вызывает сомнения близость технических приемов оформления рукоятей и ножен, сходство некоторых орнаментальных мотивов, что может свидетельствовать о хронологической близости их производства.

Ряд категорий предметов, встречаемых в рассматриваемых комплексах, распространен в инвентарных наборах других погребений могильника. Так секиры, типологически сходные с найденными в погребениях № 1 и 41, обнаружены в катакомбах № 7, 20, 33; тесла—№ 6, 7, 18, 20, 27, 33, 38, 39; пряжки с «лировидными» рамками и часто железными язычками—№ 2, 7, 12, 28, 33. Бронзовые кольца от поясных и сбруйных ремней овальные в сечении находились в погребениях № 6, 38, 48; сбруйные ремни с заклепками с сегментовидными шляпками—№ 29, 30. Комплекс 18 включал набор наконечников, в который входили, в частности, экземпляры с ассиметрично-ромбическими перьями, колчан с аналогичными по форме днищем и скобами предметам из ката-

комбы № 41; «крылатая» бляха, абсолютно такая же, как в погребении № 8. Можно привести также находки узких пластинок от головных уборов с пунсонными обводами по краям — погребения № 12, 14, 33, 39; пластинчатые «трезубцы» — № 22, 37, железные стремена — № 30. На срубе из конского захоронения № 30 крепились многочисленные накладки с сегментовидными щитками, украшенными комбинациями из трех трилистников. Одна подобная накладка обнаружена в катакомбе № 41. Интересно, что она единственная в наборе и найдена в области нижней части грудной клетки костяка, отдельно от других предметов конского набора. Аналогичный факт зафиксирован в захоронении № 48, где также встречена одна сбруйная заклепка с сегментовидной шляпкой при отсутствии других деталей конской сбруи.

Железные сабли сходные по форме клинка с рассматриваемыми, но без богато орнаментированных накладок на рукояти и ножны, выявлены в шести катакомбах № 2, 7, 12, 33, 37, 48.

Все указанные категории предметов встречались в погребениях, исследованных А. П. Руничем.

Приведенные факты позволяют предположить определенную хронологическую взаимосвязь основной массы раскопанных на могильнике погребений. При более детальном рассмотрении всех категорий предметов в комплексах возможно выделение относительно ранних и более поздних групп, т. к. даже привлеченные типы находок не полностью совпадают друг с другом и допустимо их эволюционное соотношение. Так как выработка относительной хронологии комплексов — тема специальной работы, ограничимся пока признанием связи рассматриваемых погребений в пределах периода в 50—75 лет.

Для определения абсолютной датировки необходимо привлечение внешних параллелей. Многие из категорий инвентаря находят аналогии прежде всего в территориально близких памятниках Кисловодской котловины и ее окрестностей, датируемых X—XII вв. н. э. Инвентарь катакомб могильника Рим-Гора включал сабли, секиры, тесла, наконечники стрел, «крылатые» бляхи, пряжки, «трезубцы» и другие предметы, типологически связанные с материалами Кольцо-Горы (7, с. 204, 205, рис. 7, 8; 8, с. 177, рис. 9). Подобные находки встречались в погребениях Мебельной фабрики (2, с. 241—244), скальных гробницах района Ха-саута (9, с. 172—174, рис. 5, 6, 8, 9—10, 45).

В памятниках Верхнего Прикубанья, в таких как могильники района Нижнего Архыза (10, с. 83—89, рис. 37, 39), Теберды (13,

с. 261—189), в Дардонском могильнике (12, с. 339—343, рис. 31—336; 14, с. 406, 407, рис. 7, 5—6, 8, 13; рис. 8, 18; 15, с. 430—432, табл. 1—3) и других выявляются комплексы с аналогичными рассматриваемым наборами предметов.

Все перечисленные объекты относятся специалистами к завершающему этапу раннего средневековья в рамках X—XII вв. н. э. Памятники этого времени на территории всего Центрального Предкавказья специально изучались В. А. Кузнецовым, в работах которого содержатся и сводки данных о них (16, с. 30 и сл.; 17; 18).

Нам представляется возможной более точная датировка данных комплексов. Особое значение для этого имеют прежде всего палаши и сабли из погребений № 1 и 41. Находки подобных предметов редки не только на Северном Кавказе, но и во всей Юго-Восточной Европе. Наиболее близкими к ним являются сабли из богатых катакомб № 3, 14, 15 Змейского могильника в Северной Осетии и прежде всего сабля из «княжеского» захоронения № 14 (19, с. 111—114). В. А. Кузнецов сравнивал последнюю со знаменитой «саблей Карла Великого», хранящейся в Венском историко-художественном музее. Кроме этого прекрасного образца раннесредневекового оружейного дела, автор находки смог привлечь лишь косвенную аналогию — клинок из кургана у с. Колоновка в Краснодарском крае. В раскопках последних лет на раннесредневековых памятниках Предкавказья не известны экземпляры сабель сравнимые по богатству оформления с последними кроме тех, которые публикуются в данной статье.

Перечисленные предметы вооружения имеют общие черты как в форме, характере оформления рукоятей и ножен, технике изготовления, так и элементов орнамента. Эти признаки могут быть объяснены общностью ремесленных традиций или производством в одном центре.

Последнее может быть подтверждено находками сбруйных подвесок с изображениями «пляшущих» человечков. Кроме катакомбы 41 Кольцо-Горы, они находились среди деталей конского убора из разрушенного погребения могильника Колосовка № 1 (20, с. 152, рис. 10). В материалах катакомб № 14 и 15 Змейской содержались «подвесные ажурные бляхи с человеческими фигурками в рамке» (19, с. 133). Хотя рисунки последних не опубликованы, можно предполагать, что они идентичны рассматриваемым, т. к. аналогии им приводятся из опубликованных П. С. Уваровой дореволюционных находок из района ст. Змейской (21, с. 314, Табл. С. XXX, 8) и Рутхи (21, с. 247, табл. С. IV, 13). К этим же

аналогиям прибегает и П. А. Дитлер для колосовских блях. К тому же в экспозиции Северо-Осетинского музея истории, культуры и литературы, среди других материалов из погребений № 3, 14, 15 из раскопок В. А. Кузнецова, выставлен «пляшущий» человечек в деталях совпадающий с подвесками из комплекса могильника Кольцо-Гора. Сходство подвесок по размерам и деталям во всех названных памятниках настолько точное и очевидное, что можно предполагать их хронологическую близость и возможно производство в одной литейной форме.

Близость сравниваемых комплексов не ограничивается двумя указанными категориями предметов. Для них характерен определенный набор типов наконечников стрел, колчаных скоб, сбруйных деталей, «крылатых» блях, штампованных бубенчиков и т. д. (19, с. 66—73, 82—94; 20, с. 127—187; 34, с. 14—17). При учете некоторого локального своеобразия представляется доказанным мнение о том, что комплексы приблизительно одновременны.

Современная датировка «сабли Карла Великого» XI в. н. э. (22, с. 275). Ее использовал В. А. Кузнецов для определения времени производства сабли из катакомбы № 14 Змейского могильника. Само погребение было отнесено к первой половине XII в. (23, с. 100—103). Последняя дата нам представляется убедительной и мы считаем возможным установить время всех анализируемых комплексов в пределах конца XI—первой половины XII в. н. э. Доказательством этого служит факт отсутствия корреляционных связей изучаемого материала с комплексами типа позднего Мартан-Чу I (Чечено-Ингушетия), верхняя хронологическая грань которого определена Х. М. Мамаевым концом первой половины XI в. (24, с. 8). Такая же ситуация соотношения существует и с поздними слоями первой половины XI в. городского могильника Саркела-Белой Вежи (25, с. 77—103).

Значительное число аналогий рассматриваемым материалам выявляется в кочевнических древностях времени половецкого господства второй половины XI—XII в. (26, с. 170, рис. 10, с. 178—179, рис. 14—15; 27; 28, с. 215—242, 258—261, рис. 82—84). Форма стремья совпадает с типами, находящимися в памятниках южнорусских степей и датируемых специалистами XII—XIV вв. (29, с. 116; 30, с. 55). Показательно и то, что в кочевнических погребениях луки с длинными срединными и концевыми накладками характерны для XII—XIII вв., а в предшествующее время концевые накладки из кости отсутствуют или редки (28, с. 215). Лук из катакомбы № 8 имел полный набор костяных накладок.

Относительно узкая датировка комплексов позволяет дать им более конкретную интерпретационную оценку. Выделение информации этнического характера из археологических данных связано с теоретической проблемой археологических критериев этнической специфики. Результатом оживленного обсуждения этой проблемы в 70-е годы (31, с. 16—32; 32, с. 2—4 и др.) явилось признание того, что в археологических источниках отражены определенные этнические черты исторических общественных коллективов, но выделение их — процесс сложный и неоднозначный. Приоритет в комплексе данных археологии в ходе изучения этнических вопросов по-прежнему отдается погребальному обряду.

Выборка из трех погребений недостаточна для оценки погребального обряда конца XI—XII вв. н. э. населения Кисловодской котловины. Однако в них содержится целый ряд характерных для указанных времени и территории черт. Погребения совершены в катакомбах, специфичен состав микродеталей способа погребения — использование конструкций из дерева (досок, ящиков-гробов, № 1, 41), подстилок из прутьев (№ 41), камня (№ 8), наличие угольных подсыпок.

Ареал распространения катакомбных могильников отождествляется большей частью кавказоведов с этнической территорией расселения раннесредневековых алан (33, с. 153—155; 18, с. 145). Мы также являемся сторонниками данной концепции. Но анализ микродеталей обряда захоронений в катакомбах, в частности на завершающем этапе раннего средневековья, приводит к мысли о неоднозначности этнического лица отдельных групп алан. В. А. Кузнецов давно заметил отличия в обряде населения района Кисловодска и Северной Осетии в конце раннего средневековья (16, с. 31). Основной причиной этого различия ученый считал распространение христианства в западных районах в X—XI вв. Положение о большей христианизации Западной части Алании выдвинуто еще Е. И. Крупновым (60, с. 118). Мнение не лишено исторического смысла, т. к. запад Предкавказья находился под сильным влиянием православной конфессиональной системы Византии. В части погребений могильников долины р. Подкумок выявляется христианская атрибутика — гробы с бронзовыми крестиками, нателные крестики, небольшое количество предметов сопровождающего инвентаря. Бронзовый равноконечный крестик найден при мужском костяке из катакомбы № 21 Кольцо-Горы. Возможно с распространением христианства связано установление преобладания ориентировок погребенных в западный сектор. И все же основная

масса погребений Мебельной фабрики, Кольцо-Горы, могильника у Лесхоза, Рим-Горы совершена в соответствии с традициями «языческого» обряда, в которые христианство еще не смогло внести существенных изменений. К тому же, как выясняется на основе новых датировок, широкое распространение дерева, конструкций из него, бересты, каменных выкладок, представляющих специфику поздних захоронений Кисловодской котловины, относится к периоду конца XI—XII вв. В предшествующий период в части тех же могильников, например на Рим-Горе, преобладает положение на грунтовый пол или органические подстилки и подсыпки. Последние черты характерны для захоронений в катакомбах Змейского могильника всего периода функционирования, включая и XI—XII вв.

Эти обстоятельства указывают, что новые элементы обряда в памятниках долины Подкумка распространились относительно быстро. В это же время в могильниках рассматриваемой группы резко сокращается количество керамики. Одной из важных причин этих явлений может быть изменение этнической ситуации.

Исторические источники свидетельствуют о том, что вторая половина XI—XII вв.—время установления и утверждения господства половцев в южнорусских степях. Известно, что деревянные конструкции — колоды, гробы-рамы и т. п. были широко распространены в обряде поздних кочевников с X в. н. э. (28, с. 218). Решетчатые гробы включаются в число характерных для половцев обрядовых элементов (26, с. 173). Показательно и наличие в катакомбах категорий инвентаря сходных или полностью аналогичных материалам из кочевнических древностей. Захоронения взнузданных коней, выявленные на территории могильников Кольцо-Гора, Змейский и других, также перекликаются с канонами погребального обряда кочевников.

Все эти факты позволяют предположить, что изменение погребального обряда аланского населения Кисловодской котловины и других западных районов Предкавказья связаны с проникновением и этническим влиянием кочевых групп половецкого круга (47, с. 245; 48, с. 114; 49). Последнее, конечно, являлось не единственной причиной изменений в обряде.

Разнообразные контакты населения предгорьев и степной зоны северокавказского региона были характерны для всех этапов раннесредневековой истории. Начиная с X в. н. э. усиливаются связи с различными группами поздних кочевников. Уже с этого времени они находят отражение и в материальной культуре. С влиянием номадов Южного Приуралья,

вероятно, следует связывать появление в захоронениях Северного Кавказа нового предмета — «крылатых» блях (61, с. 31, 32). Семантически близкими к ним, вероятно, являлись и пластинчатые «трезубцы», основой для которых мог служить образ крупной птицы с приподнятыми крыльями (62, с. 60—61), переплетенный с фундаментальным растительным элементом — трилистником. Образ птицы запечатлен в целом ряде кочевнических украшений X в. (63, с. 219—220, рис. 4—5).

Собственно половецкие памятники в Центральном Предкавказье пока немногочисленны. Данные об известных из них к началу 60-х годов собрала Т. М. Минаева (35, с. 167—196). Сейчас их число увеличивается. В частности, впускные половецкие погребения найдены в курганах района г. Кисловодска (64, с. 125). Интересно, что погребенные в них лежали внутри деревянных конструкций типа ящика из длинных плах. Инвентарь этих могил обнаруживает определенное сходство с предметами из катакомбных могильников Кисловодской котловины.

Несмотря на то, что изучение курганных групп равнин и предгорий Северной Осетии ведется достаточно интенсивно, кочевнических погребений конца эпохи раннего средневековья здесь пока фактически не выявлено. Возможно, что в этой части Предкавказья позиции ираноязычных алан были более прочными. Свидетельством этого является и более прочное сохранение традиционных черт погребального обряда. В этой связи обращает на себя внимание состав керамических форм Змейского могильника. Многие из них живо напоминают образцы сарматского времени и принципиально отличаются по формам и технологиям изготовления от типов красноглиняной посуды Кольцо-Горы, Мебельной фабрики и ряда других могильников. Возможно, что возвращение к древним истокам керамического производства было результатом сознательного подчеркивания этнических традиций в условиях усложнившейся этнополитической обстановки.

Представленный материал позволяет сделать определенные выводы о степени развития ремесленного производства. Обобщенная характеристика ремесла средневековой Алании давалась В. А. Кузнецовым (17, с. 84—147), Е. П. Алексеевой (12, с. 114, 115) и некоторыми другими. Нам представляются интересными некоторые наблюдения за изменением технологии производства изделий из цветных металлов в конце раннего средневековья.

Разграничение материала по узким хронологическим периодам дает возможность их сравнения и по признакам ремесленной техноло-

гин. Материалы X—начала XI в. свидетельствуют о продолжении традиций предшествующего развития кустарного и ремесленного производства: несерийное изготовление отдельных предметов (ручная выделка, литье по восковой модели) для удовлетворения собственных потребностей или по индивидуальному заказу. Массовое производство в этот период только налаживается. Предметов, изготовленных в одних и тех же жестких формах или при помощи общих приспособлений, выявлено мало.

В инвентарных комплексах № 1 и 41 могильника Кольцо-Гора найдены серии предметов стандартизованного производства: бубенчики, детали поясных наборов, украшения. Аналогичные предметы, полностью совпадающие не только по форме, но по размерам, выявляются в захоронениях как территориально близких—Рим-Гора, так и существенно удаленных—Змейский—могильники. О том, что изготовление штампованных бубенчиков велось в достаточно крупных и специализированных мастерских в Древней Руси свидетельствуют данные о раскопках подобной мастерской второй половины XII в. в Троицком раскопе Новгорода (35, с. 129—135).

Признаком последних веков эпохи раннего средневековья в Центральном Предкавказье является высокая степень распространения штамповки и тиснения.

Большая часть предметов в богатых комплексах позолочена. В предшествующий период позолоченных изделий было значительно меньше. Этот показатель также характеризует особенности ремесленной технологии. Новый этап заметного усовершенствования ювелирного производства Древней Руси и всей Юго-Восточной Европы приходится на XII век (36, с. 270—278; 37, с. 182—183; 38, с. 227—228). Этот период считается временем значительно распространения позолоченных предметов (39, с. 129).

Важны факты находок предметов, произведенных в одной форме. Случаи попадания одноформовых изделий в различные погребения могильника и тем более в разные могильники свидетельствуют о налаживании производства на рынок. При этом однотипные предметы расходились не только по узкой округе, но и попадали в отдаленные друг от друга районы. Примеры сходства ряда категорий инвентаря памятников Северной Осетии, района Кисловодска и Закубанья (Колосовка), находящихся на расстоянии нескольких сот километров, мы уже указывали. Их можно еще увеличить. В недавно опубликованных материалах Колосовки раскопок 1962 г. показаны находки, аналогичные обнаруженным в некоторых погре-

блениях Змейского могильника и абсолютно тождественные ажурные сбруйные подвески (40, с. 140, таб. IV, 25).

О еще более широких связях можно судить на основании типологически сходных предметов в значительно более отдаленных районах. Так ремни с пятилепестковыми накладками, тождественные найденным в погребении 41 Кольцо-Горы, ряде Змейских катакомб (№ 3, 14 и других), встречены в курганах 2 и 3 Муракаевского могильника на Южном Урале (41, с. 140, рис. 69, 4, 14).

Погребения 1, 8, 48 отнесены нами к категории богатых. Подобные комплексы используются для социологических реконструкций на основе археологических источников.

Комплекс погребального обряда разделяется на 4 основных компонента:

1) могильное сооружение; 2) способ погребения; 3) могильный инвентарь; 4) остатки трупны и жертвоприношений (42, с. 149 и др.). Каждый из компонентов способен нести в себе определенную информацию о имущественном и социальном положении погребенного. Одним из основных критериев признается материализованное в могильном сооружении и других элементах обряда количество труда, затраченное на совершение погребения (44, с. 113; 45, с. 169; 46, с. 22). О существовании различий в способе захоронения представителей отдельных социальных слоев говорят широкие историко-этнографические параллели.

По-разному оценивается специалистами показательность погребального инвентаря. Степень богатства определяется: а) по количеству вещей, найденных в погребении; б) по количеству типов вещей; в) по встречаемости вещей в наборах (50, с. 6). Некоторые авторы не признают показательности вещевых комплексов в социальном отношении или даже считают их искажающим признаком (44, с. 113). Однако практические разработки проблемы на материалах различных эпох и регионов приводят к выводу о связи степени богатства инвентаря, за редким исключением сознательной имитации последнего (43, с. 97), с социальным положением погребенного.

Комплекс признаков свидетельствует о том, что рассматриваемые погребения принадлежали представителям социальной верхушки. Размеры дромосов и камер, глубина их от дневной поверхности значительно превышает средние параметры для одиночных захоронений могильника. Вычисление объема грунта, выбранного при их сооружении, а также факты использования массивных камней в качестве плит заклада (№ 41) и для конструкций внутри камеры (№ 8), позволяют отнести данные катакомбы к категории особенно трудоемких.

Инвентарь анализируемых комплексов обладает всеми признаками богатства. Число единиц предметов значительно превосходит средний уровень. Большая часть предметов выполнена с высоким мастерством и с использованием позолоты.

Показателем состав инвентарных категорий. Особенно рельефно он выделяется при анализе мужских комплексов с оружием. В материалах могильников X—XII вв. Центрального Предкавказья находятся следующие предметы вооружения: 1) сабли или фрагменты сабли и ножен; 2) фрагменты кибити или накладки от луков; 3) детали колчанов; 4) стрелы с железными наконечниками; 5) секиры или их фрагменты; 6) кинжалы или боевые ножи; 7) метательные ножи; 8) наконечники копий; 9) части доспехов (шлем, кольчуга); 10) другие предметы. В мужской набор входили также детали пояса и конской сбруи.

Возможно выделение нескольких групп комплексов по наличию и сочетаниям указанных предметов. Наиболее богатые из них включают многие или почти все из названных элементов воинского набора. Таковыми в Змейском могильнике были катакомбы № 33, 38 из раскопок С. С. Куссаевой (59, с. 57—58), № 14, 15, 3, 9, 36 из раскопок В. А. Кузнецова (17, с. 222), № 48 Рим-Горы (7, с. 202—204), № 10, 15, 30—Мартан-Чу I (51, с. 19—20; 58, с. 69—73). Следующие группы отличаются прежде всего отсутствием сабель, деталей конской сбруи, частей лука и колчанов со стрелами. Выделяется значительный слой мужских захоронений, содержащих секиры. Промежуточное положение между названными группами занимают погребения с сочетаниями секир и колчанов со стрелами, секир и боевых ножей. В наиболее представительных материалах Змейского могильника выявляются погребения, в которых целые предметы вооружения и другие категории инвентаря заменены фрагментами или деталями. Из раскопанных В. А. Кузнецовым катакомб в семи вместо сабель были положены детали ножен, в 17 случаях возле костяков находились дужки или скобы от колчанов. Из 61 секиры 21 была во фрагментах. Части ножен вместо сабель отмечены и в Рим-Горе (7, с. 206).

Обстановка, подобная показанной выявляется и в материалах Кольцо-Горы. В катакомбах № 7 и 21 найдены древки стрел без железных наконечников. Нередки здесь случаи положения фрагментов секир, ножей, тесел. Комплексы 1, 8, 41 относятся к числу наиболее богатых комплексов с оружием.

Наличие деталей конской сбруи, седел, фраг-

ментов орнаментированной попоны в катакомбах следует считать одним из важных признаков богатства, т. к. они встречаются в ограниченном количестве погребений вместе с расширенными наборами вооружения.

Фрагменты одежды, найденные в катакомбе № 41 заслуживают особого внимания. Аналогичная по характеру изготовления и орнаментации одежда была на погребенных из много раз привлекаемых богатых комплексов Змейского могильника (19, табл. 7—8, 13—14). Обрывки аппликаций, сходных с приведенными, из окрестностей с. Гунделен хранятся в фондах Государственного объединенного музея КБ АССР (инв. 2325).

Изучая остатки одежды из змейских катакомб, В. А. Кузнецов выдвинул 2 мнения: об импортном, византийском их происхождении и возможности местного производства (19, с. 131). В одной из последних обобщающих работ ученый называет расшитые ткани частью богатств, широко ввозимых из Византии в середине XI в. н. э. (18, с. 164).

Наличие в погребениях импортных предметов, к которым относятся стеклянные кубки, отдельные виды бус и подвесок из полудрагоценных камней, стекла и янтаря, некоторые украшения и т. п., также являются признаком богатства и социальных прерогатив погребенных.

Примечателен факт ограбления катакомбы № 8. В ограбленности погребений также содержится социальная нагрузка при условии установления хронологической близости ограбления ко времени захоронения (52, с. 178—179). Из более чем 50 погребений могильника ограблено всего 2. Катакомба № 8 была ограблена вскоре после захоронения, т. к. связки скелета еще не успели распасться и погребенный был отброшен в неестественной позе. Вероятно, из-за богатства катакомбы, ее ограбили те, кто участвовал в погребении.

Существенных отличий в способе погребения пока не выявляется. Все погребенные, по видимому, располагались вытянуто на спине на остатках дерева (№ 1), в гробу (№ 41) или грунтовом дне (№ 8). Эти элементы были распространены и в других катакомбах, различных по степени богатства. В обширных катакомбах 8 и 41 находились индивидуальные захоронения. Вероятно это не случайно. В камере № 31, также отличающейся большими размерами, лежал один женский (?) костяк. Отсутствие в богатых катакомбах X—XII вв. Центрального Предкавказья более трех погребений уже подчеркивалось нами (53, с. 69). Обращает внимание отличие ориентировки и отсутствие дерева в камере № 8.

Часть конских захоронений или комплексов

Рис. I Могильник Кольцо-Гора. Комплекс № I.

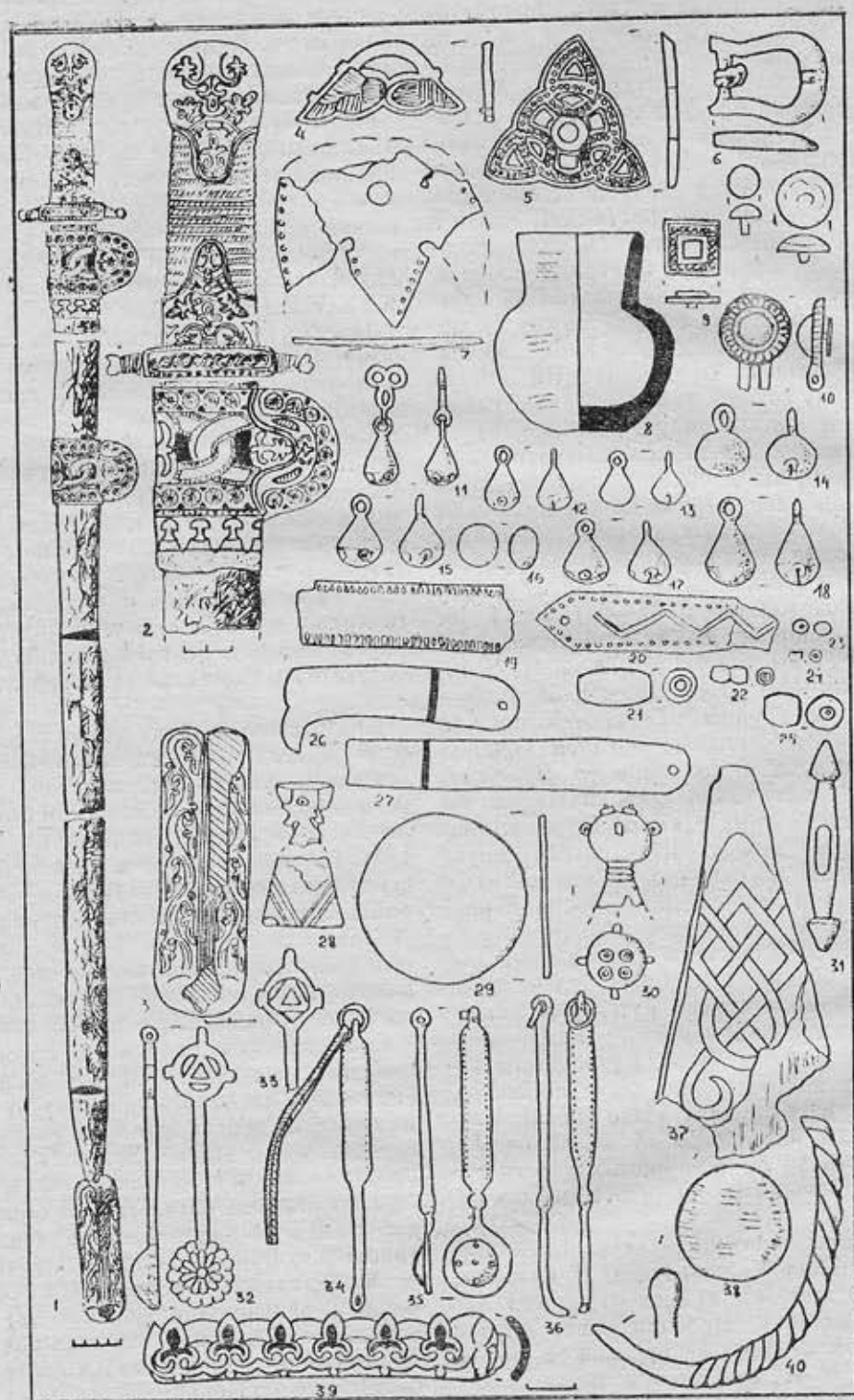

Рис. 2 Коллекция № I (пробные)

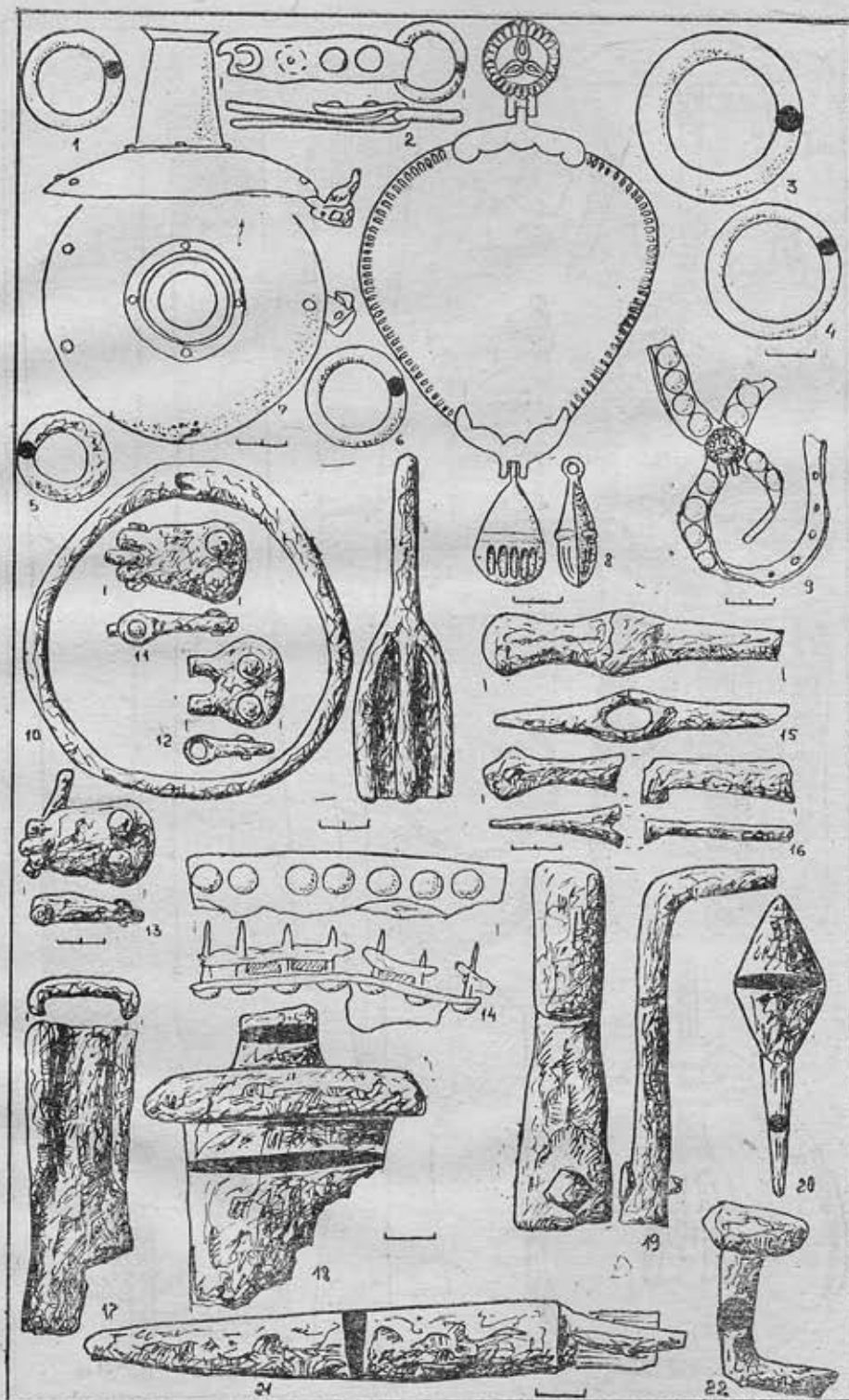

Рис. 3 Инвентарь катакомбы № 8.

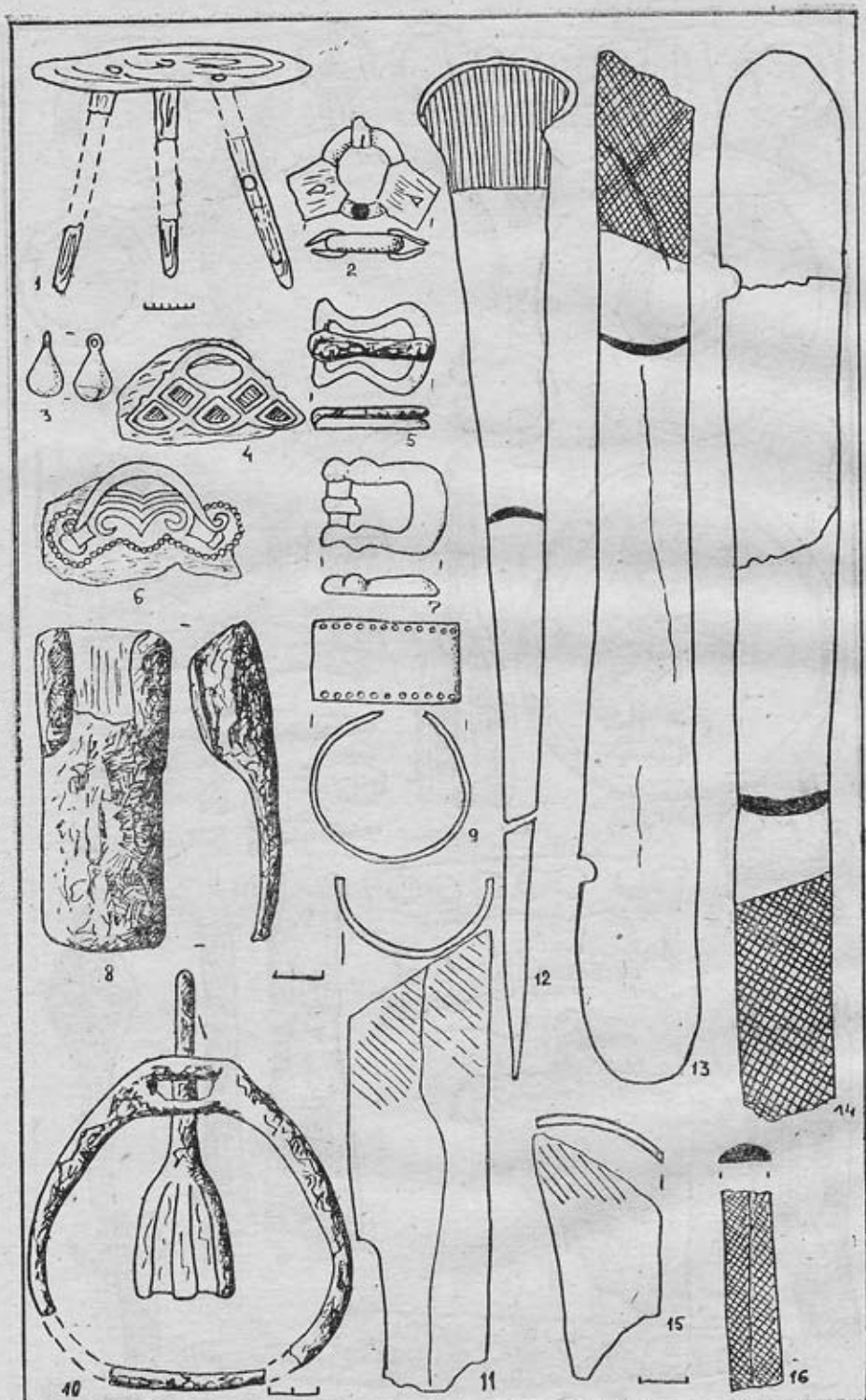

Рис 4 Инвентарь погребения № 41.

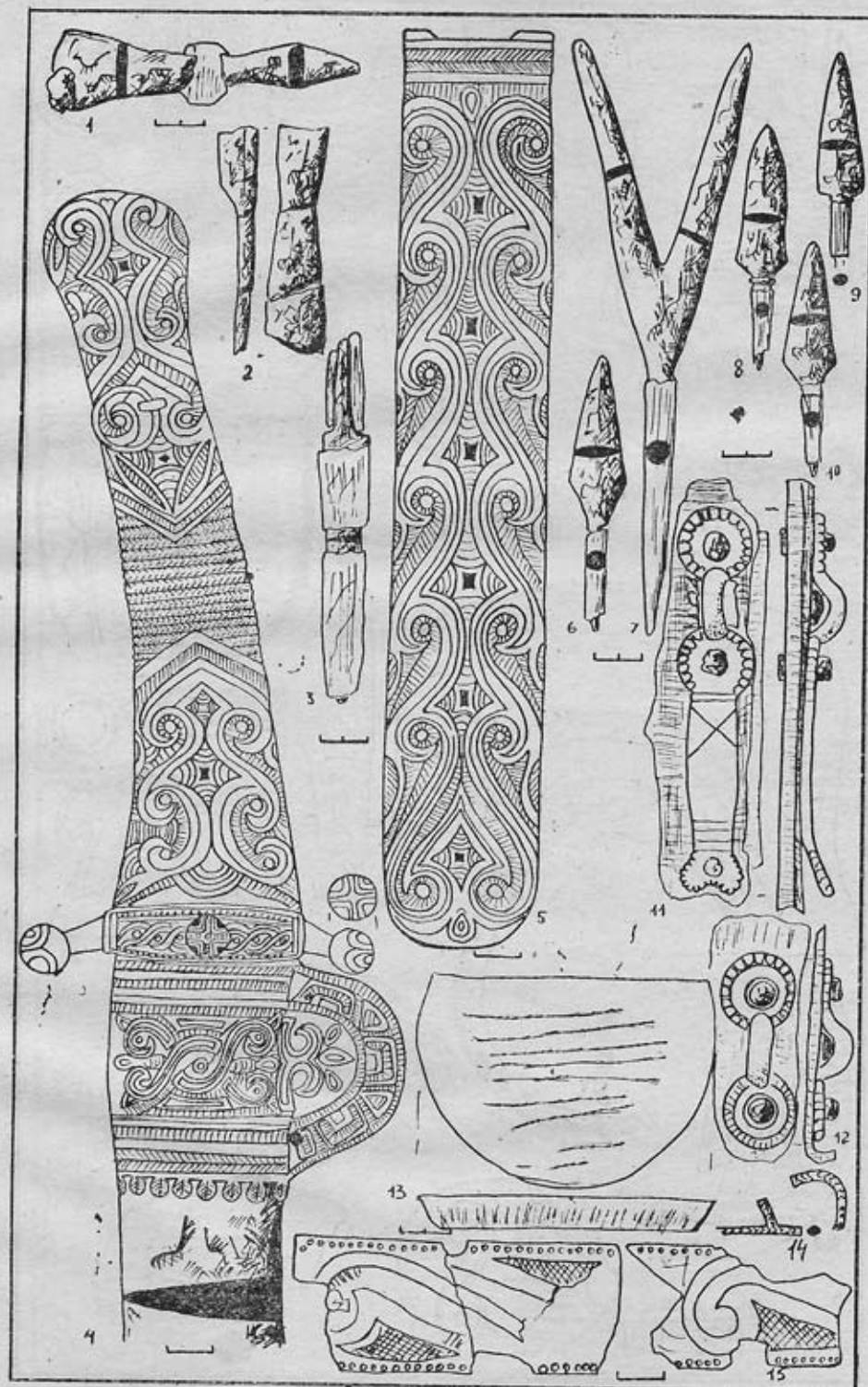

Рис. 5 Инвентарь погребения № 41 (продолжение)

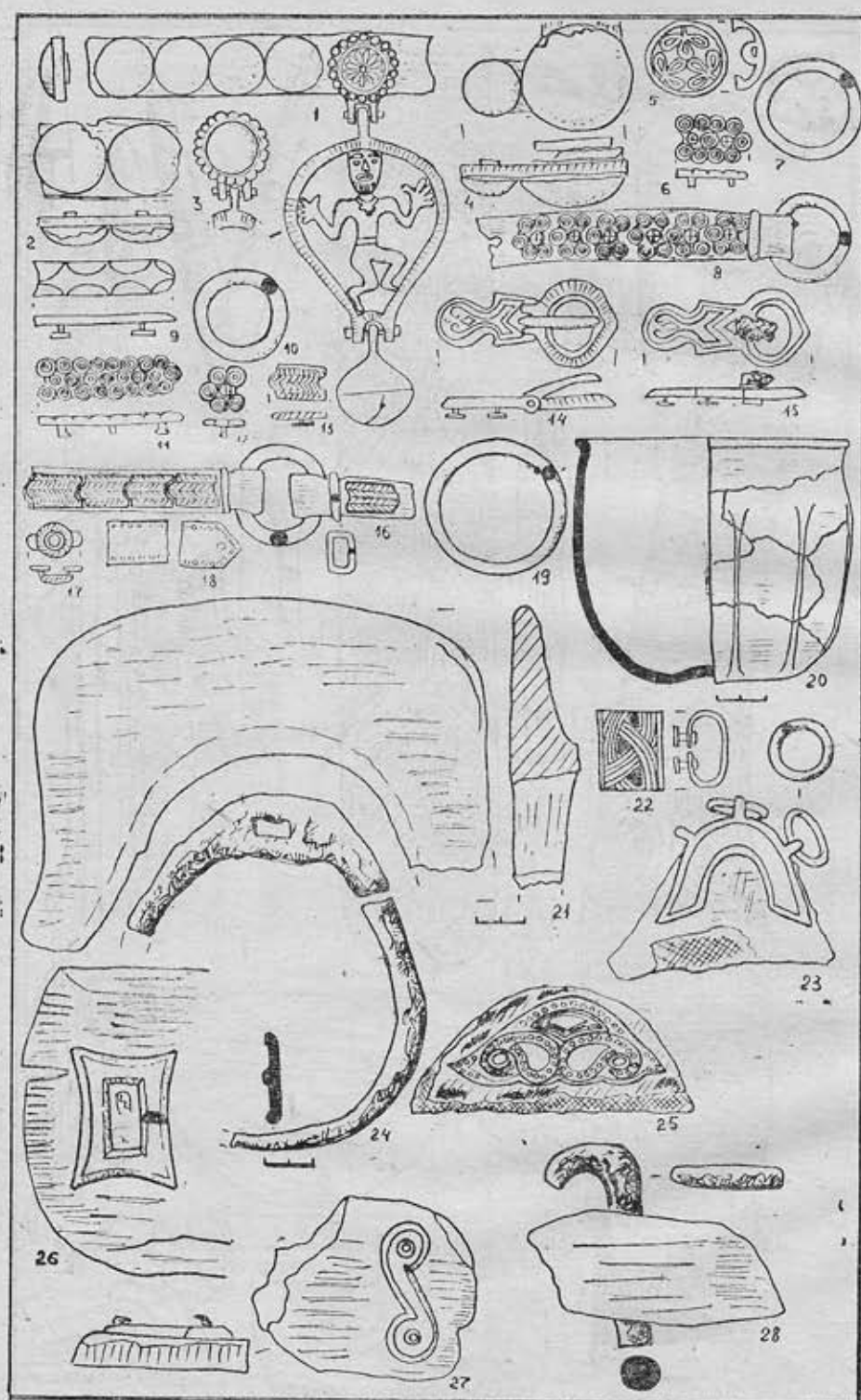

Рис.6 Фрагменты одежды и украшения из погребения № 41.

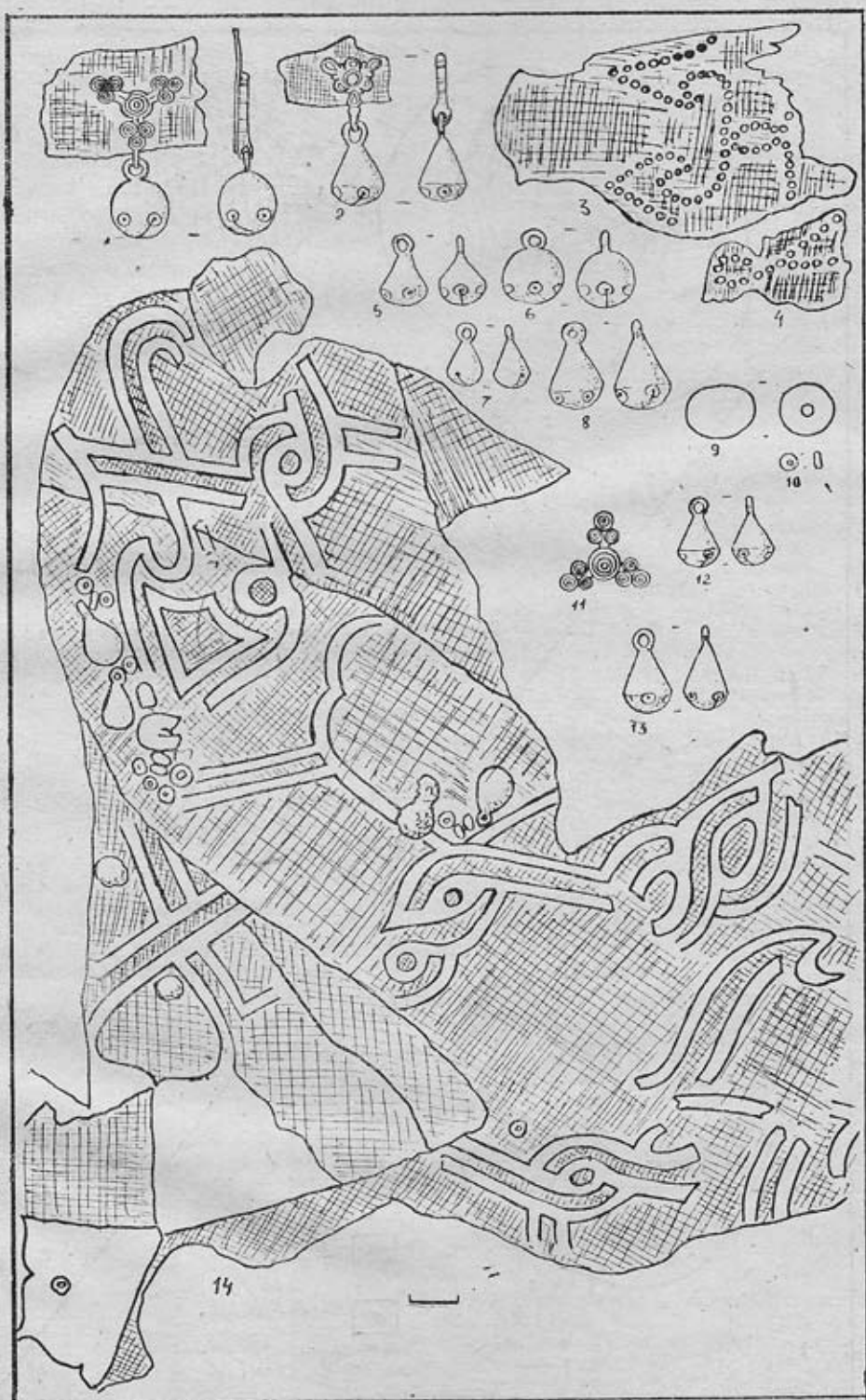
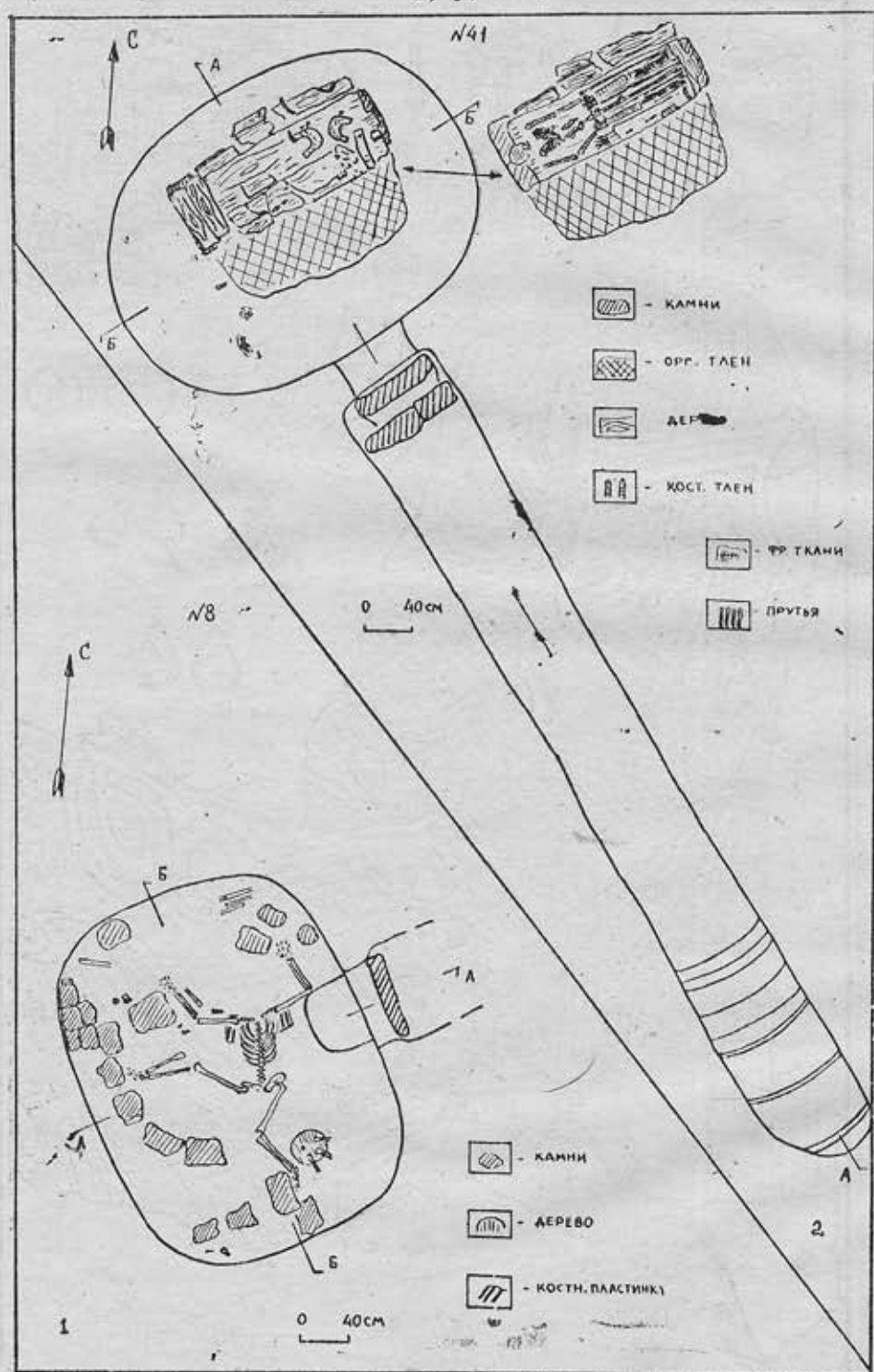

Рис. 7 1. План катакомбы 8. 2. План катакомбы и погребения №41.

на раннесредневековых могильниках Центрального Предкавказья может быть связана с конкретными погребениями. Поминальный комплекс из деталей конской сбруи выявлен над богатым захоронением подростка в катакомбе № 30 Мартан-Чуйского 1-го могильника (51, с. 19—22). Остатки конского погребения над катакомбой № 8 Кольцо-Горы, вероятно, относятся к ней. Факт находки в комплексе № 41 сбруйной накладки типа тех, которые крепились на уздечных ремнях конского захоронения № 30, возможно также свидетельствует об определенной связи этих погребений.

Катакомбы 1, 8, 41 находились на различных удаленных (особенно комплекс 1) частях могильного поля, что указывает на отсутствие

отдельного участка зажиточной социальной верхушки. По данному показателю могильник сближается со Змейским и Мартан-Чуйским I, в некрополях Рим-Горы, Уллу-Дорбунлы, Нижнего Архыза возможно выделялись участки представителей общественной верхушки (7; 8; 10; 54, с. 58—59). Особой группой богатых захоронений являлись погребения в церквях, подчеркнута отделенные от могильника своим положением (Адиух, Нижний Архыз, Сентинский храм, Гиляч и другие) (11; 55; 56, с. 68—69; 57, с. 293—294).

Таким образом, рассмотренные материалы представляют большой интерес для изучения вопросов хронологии, этнополитической, экономической и социальной истории региона конца эпохи раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, 1962, № 106.
2. Рунич А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска.—СА, 1963, 3.
3. Рунич А. П. Отчеты о полевых исследованиях за 1959 год.—Архив ИА АН СССР, № 2036; за 1962 г.—№ 2454; за 1964 г.—№ 2869; за 1965 г.—№ 3033.
4. Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X—XII вв. н. э. Кольцо-Гора.—В кн.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
5. Савенко С. Н. Исследование памятников близ Кисловодска.—АО-1981, М., 1982.
6. Савенко С. Н. Изучение раннесредневековых памятников долины р. Подкумок.—АО-1982, М., 1984.
7. Рунич А. П. Катакомбы Рим-Горы.—СА, 1970, № 2.
8. Михайлов Н. Н., Рунич А. П. Городище Бургунт или Рим-Гора.—МИСК, вып. 14, Ставрополь, 1976.
9. Рунич А. П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска.—СА, 1971, № 2.
10. Кузнецов В. А. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае.—КСИИМК, 1959, вып. 76.
11. Минаева Т. М. Городище Адиух в Черкесии.—КСИИМК, 1960, вып. 60.
12. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.—М.: Наука, 1971.
13. Минаева Т. М. Могильники в устье р. Теберды.—МИСК, вып. 7, Ставрополь, 1955.
14. Кузьмин А. К. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска.—Тр. КЧНИИ, вып. 6, Ставрополь, 1970.
15. Чагаров К. Т. Средневековый склеп Дардонского могильника.—Тр. КЧНИИ, вып. 6, Ставрополь, 1970.
16. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв.—Орджоникидзе: Ир, 1971.
17. Кузнецов В. А. Очерки истории алан.—Орджоникидзе: Ир, 1984.
18. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник.—В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
19. Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс.—В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгее. т. II. Майкоп, 1961.
20. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.—МАК, 1900, т. VIII.
21. Кирпичников Л. Н. Так называемая сабля Карла Великого.—СА, 1965, № 2.
22. Кузнецов В. А. О позднеаланской культуре Северного Кавказа.—СА, 1959, № 2.
23. Мамаев Х. М. Население плоскостной зоны Среднего Причерья в эпоху раннего средневековья.—Автореф. канд. ист. наук.—М.: МГУ, 1985.
24. Артамонова А. О. Могильник Саркела-Белой Вежи.—Тр. Волго-Донской археологической экспедиции, т. III. М.—Л.: изд. АН СССР, 1963.
25. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.—Тр. Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. М.—Л.: изд. АН СССР, 1958.
26. Плетнева С. А. Древности черных клобуков.—САИ, Е1—19, М., 1973.
27. Степи Евразии в эпоху средневековья.—В кн.: Археология СССР, М.: Наука, 1981.
28. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966.
29. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.—САИ, Е1—36, Л., 1973.
30. Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос.—В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л.: Наука, 1978.
31. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики.—В кн.: VIII Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик, 1978.
32. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы.—М.: Наука, 1984.
33. Кузнецов В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 году.—МИА, 1963, № 114.
34. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в.—М.: Наука, 1981.
35. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.—М.: изд. АН СССР, 1948.
36. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.).—М.: Наука, 1981.
37. Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.—СА, 1950, № 14.
38. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок.—Л.: Наука, 1981.
39. Дитлер П. А. Могильник Колосовка I (рас-

копки экспедиции АНИИ 1962 г.).—В кн.: Вопросы археологии Адыгей, Майкоп, 1985.

41. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв.—М.: Наука, 1981.

42. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.—Л.: Наука, 1979.

43. Гришин Ю. С., Масленников А. А. Методологический семинар Института Археологии АН СССР в 1957—1976 гг.—КСИА, 1978, вып. 152.

44. Добролюбовский А. О. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда.—В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья, Киев: Наукова Думка, 1978.

45. Бунятян Е. П. Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э.—Автореф... канд. ист. наук.—Киев, ИА УССР, 1981.

46. Дударев С. Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и бассейне р. Терека.—В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа, Грозный, 1984.

47. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе.—М.: изд. МГУ, 1978.

48. Кузнецов В. А. Нартецкий эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа.—Орджоникидзе: Ир, 1980.

49. К аналогичным выводам приходит в своих работах И. М. Мизнев, мы благодарны автору за возможность ознакомиться с рукописью монографии.

50. Алексин В. А. Погребальный обряд как археологический источник.—КСИА, 1981, вып. 167.

51. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977—1978 гг.).—В кн.: Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии, Грозный, 1985.

52. Грач А. Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социальной структуры (по курганам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии).—В кн.: Проблемы социальной истории, М.: Наука, 1975.

53. Савенко С. Н. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрально-

го Предкавказья как социальный показатель.—В кн.: Археология и проблемы социальной истории Северного Кавказа, Грозный, 1984.

54. Рунин А. П., Березин Я. Б., Савенко С. Н. Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях р. Подкумок.—В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии, Черкесск, 1983.

55. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании.—Орджоникидзе: Ир, 1977.

56. Марковин В. И. Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма.—В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии, Черкесск, 1983.

57. Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гилян в верховьях Кубани.—МИА, 1951, вып. 23.

58. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.).—В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии, Орджоникидзе, 1984.

59. Куссаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 г.).—В кн.: Археологические раскопки в районе ст. Змейской Северной Осетии, Орджоникидзе, 1961.

60. Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа.—КСИИМК, 1960, вып. 78.

61. Савенко С. Н. Раскопки Мартан-Чуйского I-го могильника в 1980 году.—В кн.: Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии, Грозный, 1985.

62. Савенко С. Н. О возможной трактовке семантики «трезубцев» X—XII вв. и. э. Центрального Предкавказья.—В кн.: Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год, Грозный, 1983.

63. Гаврилина Л. М. Кочевнические украшения Хв.—СА, 1985, № 3.

64. Корневский С. Н. Работы предгорного отряда.—АО—1982, М., 1984.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЯ:

1. АО — Археологические открытия.
2. ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
3. КСИА — Краткие сообщения Института Археологии АН СССР.
4. КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
5. МАК — Материалы по археологии Кавказа.

6. МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
7. МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края.
8. СА — Советская археология.
9. САИ — Свод археологических источников.
10. Тр. КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

Р. С. Сосранов

ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЕЙ НА ЗМЕЙСКОМ МОГИЛЬНИКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДРУЖИННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АЛАНСКОГО ОБЩЕСТВА В X—XII вв.

Катакомбный могильник на юго-восточной окраине станицы Змейской в СО АССР известен с начала XX века. Однако до 1953 г. там велись лишь незначительные по площади раскопки. С 1953 по 1957 гг. на территории кирпичного завода производились, в связи со строительством автомагистрали Москва—Тби-

лиси, охранные раскопки Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1).

В 1981—1983 гг. охранные раскопки на территории кирпичного завода вели отряды Северо-Кавказской археологической экспедиции СОГУ, Н. И. Гиджраты (1981 г.), Р. Ф. Фида-

ров (1982 г.), В. Л. Ростунов (1983 г.)¹. За этот период было раскопано более ста комплексов, из них 10 конских захоронений (1—в 1981, 2—в 1982, 7—в 1983 г.), в данной публикации рассматриваются захоронения 1982, 1983 гг. (№№ 50, 66, 90/1, 90/2, 90/3, 91, 97, 113, 120).

Обряд захоронения коня характерен для кочевнических древностей эпохи средневековья (2, с. 123, 3, с. 91). В центральных районах Предкавказья захоронения коней были обнаружены в могильниках Директорская горка (4, с. 135), Змейская (5, с. 53), Байтал-Чапкан (6, с. 245—247), Хазнидон (7, с. 122), Кольцо-Гора (8, с. 105—107).

Захоронения коней представляют значительный интерес для исследователей с точки зрения их социальной значимости. В данной публикации мы пытаемся рассмотреть конские захоронения как источник социально-исторических реконструкций.

Первое захоронение (№ 50) совершено в грунтовой яме. Яма вытянутой подпрямоугольной формы. Ориентировано по длинной оси В-З. Стенки ямы к низу несколько сужаются. Яма расположена перпендикулярно дромосу катакомбы 115 (рис. 1). Скелет располагался головой к западу вытянуто с подогнутыми конечностями. Череп несколько возвышался над туловищем и опирался на земляную «подушку». Конь был взнуздан и оседлан. Между челюстями зажаты железные удила с прямыми псалиями, на черепе имеются следы патины от украшения оголовья, на нижней челюсти сохранилась одна бронзовая бляшка.

От седла сохранились передние и задние луки, которые были оббиты ажурными бронзовыми пластинами, повторяющими профиль деревянных частей луки и бронзовыми круглыми выпуклыми бляшками, расположенными в ряд по контуру луки. Передняя лука поставлена под углом 90° к хребту лошади, задняя—расположена полого к спине лошади. Бронзовые листовидные, слегка выгнутые бляхи, расположенные на костях между передней и задней лукой, указывают на наличие нагрудного и хвостового ремней. С левой стороны костяка в 12 см от нижнего края передней луки вплотную к ребрам находилось железное стремя, рядом с ним—бронзовая пряжка от подпруги, второе стремя расположено правее задней луки на ее уровне. За задней лукой обнаружена половина нижней челюсти барана.

Второе захоронение (№ 66) расположено почти на одной линии с № 50. В обоих захоронениях совпадают как конструкция ямы, по-

ложение, ориентировка костяка, так и обряд вплоть до такого элемента, как челюсть жертвенного барана; отличие лишь в том, что в захоронении № 66 не зафиксировано седло, но присутствуют бронзовые начельник и охвостье (рис. 3).

Захоронение 3 коня (№ 113) совершено в широкой подпрямоугольной яме (232×134 см.), ориентировано по линии З-З-С—В-В-Ю. Скелет располагался головой к югу вытянуто с подогнутыми конечностями, череп на левом боку. Дно ямы почти ровное, с небольшим уклоном в сторону задних конечностей (рис. 2).

На черепе расчищены: бронзовый начельник с усеченно-конической трубкой и квадратным основанием; остатки кожаных ремней с бронзовыми заклепками, между челюстями зажаты железные удила с псалиями. Справа от черепа, вплотную к нему лежал глиняный кувшинчик с ручкой. Среди ребер в области средней части корпуса найдены два железных стремени и железная подпрямоугольная подпружная пряжка.

Четвертое захоронение (№ 97) совершено в яме прямоугольной формы. Яма ориентирована по длинной оси С-В—Ю-З. Западная (короткая) сторона ямы обрушилась в камеру катакомбы № 94, сохранившаяся длина—225 см, ширина—70 см (рис. 1). Скелет лошади расположен головой к западу вытянуто с подогнутыми конечностями. Кости скелета смещены вперед (очевидно, после обрушения свода катакомбы № 94). На черепе расчищены: бронзовая пряжка; бронзовые круглые бляшки и соединительное кольцо с фрагментами кожи, у задних конечностей расчищены фрагменты челюсти барана.

Наибольший интерес в смысле конструкции погребальных ям и обрядов представляют захоронения № 90/1, 90/2, 91 и 120. По своим конструктивным особенностям эти захоронения сходны с катакомбой с той лишь разницей, что «камера», не вырыта изнутри, а сооружена сверху в виде грунтовой ямы.

Захоронение № 91: «камера» по длинной оси ориентирована по линии З-С-З—В-Ю-В. «Дромос» перпендикулярен «камере». Дно его понижалось с севера к югу в сторону «камеры». ВСВ сторона «камеры» завалена, ЗЮЗ сторона—прямая. «Камера» и «дромос» имеют вытянутые подпрямоугольные формы. В «камере» совершено захоронение лошади. В «дромосе» находок не обнаружено. Скелет лошади расчищен в средней части «камеры», причем, между черепом и ЮЮЗ стенкой было значительное расстояние (0,43 м). Корпус лошади

¹ Искренне признателен Р. Ф. Фидарову и В. Л. Ростунову за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы раскопок.

располагался на дне ямы. Левые конечности подогнуты. Правая передняя нога была опущена в углубление, устроенное у ССЗ стенки. В плане углубление подпрямоугольное, с дугообразно выгнутой ССВ стенкой. Размеры: длина — 1,08 м, ширина в средней части — 0,47 м, глубина — от уровня дна ямы 0,41 м. ВВС стенка была наклонена внутрь, ее длина на уровне дна углубления — 0,75 м. Левая задняя нога располагалась на наклонной стенке углубления. Шейные позвонки находились на прямоугольном уступе — «подушке» размерами 0,3×0,43×0,21 м. Череп лошади опущен в овальное углубление размерами 0,34×0,26 м, наибольшая глубина — 0,19 м. Расстояние между ССЗ стенкой ямы и углубления — 0,06 м (рис. 4).

На черепе лошади расчищены детали оголовья, причем часть их сохраняла первоначальное положение. На затылочной части черепа находились остатки бронзового начельника, состоящего из усеченно конической трубки и прямоугольной подставки. По линии лобного ремня оголовья шли две смежно расположенные фигурные накладки. Ниже на небольшом расстоянии расчищена еще одна накладка с четырьмя выступами. Две фигурные с миндалевидным контуром накладки (типа первых двух) располагались с двух сторон по линии носового перекрестного ремня. На пересечении нащечных, наносного и затылочного ремней оголовья зафиксированы две одинаковые и одна несколько отличная от первых четырех лепестковые накладки с орнаментом на щитках. Между челюстями были зажаты железные удила с гвоздевидными псалиями. К украшениям и деталям оголовья и сбруйных ремней относились также различные бронзовые заклепки, наконечник ремня, две бронзовые соединительные пряжки, кольца круглые треугольного сечения, небольшой наконечник ремня. Справа и слева от средней части корпуса лошади расчищены железные стремена, а также фрагменты от второй пары стремян. В области груди и крупа лошади расчищены бронзовые подвесные листовидные бляхи-ремешки — 8 целых и 3 фрагментированных. Причем 6 блях размещались с двух сторон на крупе.

Захоронение № 120: конструкция ямы подобна описанной в захоронении № 91. Корпус лошади и правые конечности лежали на дне ямы, а левые конечности опущены в длинное углубление на уровне дна ямы — 1,58 м, шириной — 0,22 м. Длина на уровне дна углубления — 1,21 м, глубина — 0,32 м. Череп лошади опущен во второе углубление, устроенное под юго-западной стенкой «камеры». Скелет лошади смещен к юго-западной стенке камеры,

предположительно вследствие обрушения камеры катакомбы, располагавшейся рядом (рис. 1).

У ребер, по сторонам от средней части корпуса, найдены два железных стремена. Среди ребер — железная подпрямоугольная рамка от подпругной пряжки, 8 бронзовых листовидных подвесных сбруйных блях, часть из которых располагалась в области груди лошади. На черепе найдены: фрагментированный бронзовый начельник с круглой подставкой. Оголовье включало три четырехлепестковые накладки с орнаментом, фрагменты ремешка с бронзовыми заклепками, с сегментовидными шляпками; всего 54 заклепки, из них 27 с притупленными и 27 с острыми концами, орнаментированный наконечник ремня, бронзовая пряжка, два крупных фрагментированных бронзовых бубенчика с шаровидным корпусом, два бронзовых кольца различных диаметров, одно округлое, второе — подтреугольное в сечении. Между челюстями расчищены фрагменты железных удили с дополнительными кольцами для крепления ремней и прямыми псалиями с подпрямоугольными выступами для крепления. Найдены также фрагменты ремней с бронзовыми пластинками и бронзовое охвостье.

Захоронение 90/1: «Камера» овальной формы, расположена под небольшим углом к длинной оси «дромоса» и ориентирована по линии С-В—Ю-З. Северо-восточный край ямы обрушен провалом камеры катакомбы № 88. В погребальной яме-«камере» обнаружен скелет лошади, ориентированный головой к юго-западу. Лошадь лежала с подогнутыми правыми конечностями, левые конечности были опущены в углубление подпрямоугольной в плане формы, начинающееся на расстоянии 0,82 м от юго-западной (короткой), стенки и продолжающейся до границы обвала. Ширина углубления — 0,23 м, глубина — 0,39 м. Шейные позвонки находились на «подушке» подпризматической формы, сооруженной из супеси. Размеры: длина — 0,31 м, ширина — 0,22 м, высота — 0,21 м. Череп лошади частично был опущен в специальное углубление неправильной овальной формы, размеры: длина — 0,36 м, ширина — 0,21 м, глубина — 0,14 м.

На черепе лошади зафиксированы остатки оголовья. На затылочной части находился начельник, к которому подходил налобный ремень, украшенный бронзовыми заклепками и пластинками двух типов: 9 круглыми и 11 листовидными. Нащечные ремни также были украшены заклепками. В месте соединения ремней расчищены четырехлепестковые бронзовые накладки. Всего найдено в области черепа 3 подобных накладок. В комплект оголовья вхо-

дили также: наконечник ремня и бронзовая накладка, находившиеся сбоку нижней части черепа. Два наконечника ремешков и две обоймы расчищены у нижнего налобного ремня.

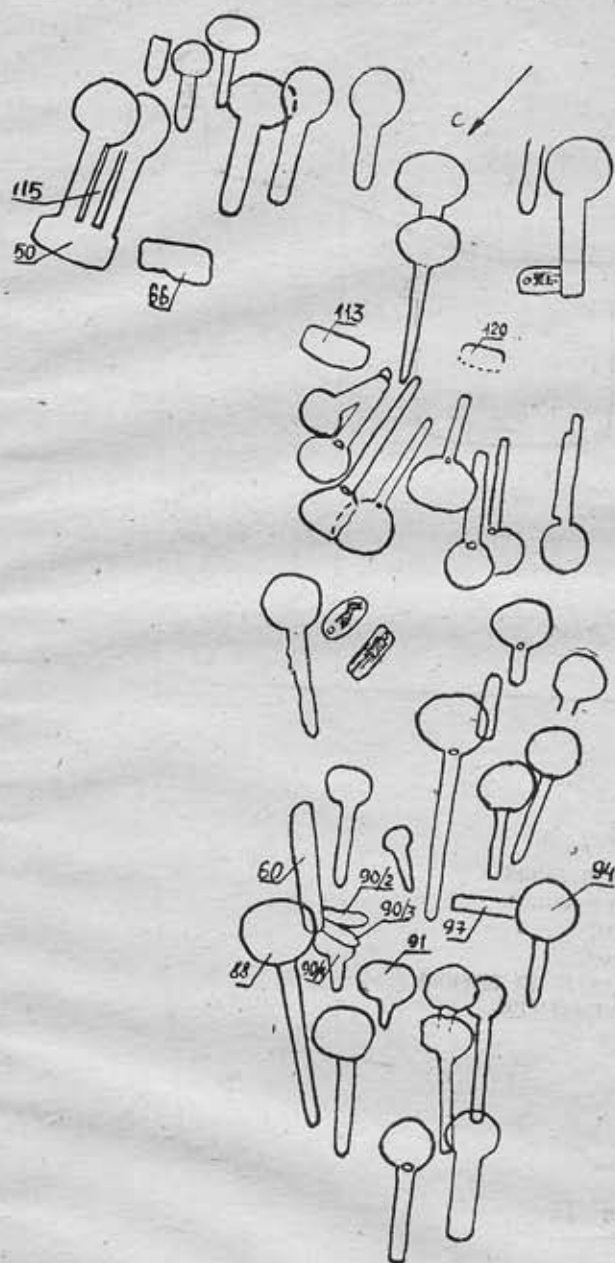

Рис. 1.

Общий план раскопа 1983 г.

Во рту лошади были зажаты железные удила с гвоздевидными псалиями. Под нижней челюстью были обнаружены 3 бронзовых кольца. На костях передних ног и под шейными позвонками были выявлены подвесные листовидные бляхи-ремши, украшавшие нагрудный

ремень. Среди ребер найдены железное стремя и фрагмент подножки от второго подобного же стремени. В области задних конечностей найдено еще 11 бронзовых подвесных листовидных пластин от хвостового ремня. Вероятно на хвосте находились 3 бронзовых бубенчика и охвостье.

Захоронение № 90/9: устройство дна ямы захоронения 90/2 аналогично описанному в захоронении № 120. Особенности: углубление, в которое опущены левые конечности, заполнено речным песком, «подушка» из супеси.

В ходе расчистки над лопаточными костями обнаружены 2 железных стремени. Несколько ниже встречены железная пряжка с обломаным язычком и бронзовое кольцо с фрагментом ремня и обоймой. На костях передних и задних конечностей обнаружены листовидные подвесные бронзовые бляхи, украшавшие нагрудный и хвостовой ремни. На затылочной части черепа — остатки оголовья с бронзовыми заклепками, а также распавшийся на части (трубку и подставку) начельник, аналогичный по форме начельнику из захоронения № 90/1. Обнаружены также части налобного, нащечного и соединительных ремней. Комплект оголовья включал в себя также две бронзовые четырехлепестковые разделительные накладки, типа накладок из захоронения 90/1, бронзовое кольцо, 2 бронзовых наконечника ремня, 2 бронзовых соединительные пряжки, а также — фрагменты бронзовых пластин и кожи. У заднего выступа нижней челюсти с левой стороны черепа найдена крупная бусина матового цвета (дымчатый кварц?). Во рту лошади зажаты железные удила с гвоздевидными псалиями, аналогичные удилам из захоронения № 90/1.

Сходство конструкций ям, поз лошадей и погребального инвентаря позволяет считать захоронения № 90/1 и 90/2 одновременными. Об этом же свидетельствует их стратиграфическое положение.

Захоронение № 90/3: выявлено в ходе расчистки захоронения 90/1, которое частично перекрывало его. Захоронение было совершено в яме удлиненной подпрямоугольной формы, ориентированной по линии 3-В с небольшим отклонением к северу. Восточная часть ямы разрушена в ходе расчистки дромоса катакомбы № 60 (198 г.) (рис. 1). В ходе расчистки в дромосе был найден череп лошади из захоронения № 90/3, что указывает на то, что № 90/3 стратиграфически перекрывает дромос катакомбы № 60 и следовательно было совершено позднее последнего. Размеры ямы: сохранившаяся длина — 1,90 м, наибольшая ширина — 0,71 м. Дно ямы ровное, немного понижающееся в западном направлении. Скелет

лежал с подогнутыми конечностями, головой в восточном секторе. У шейных позвонков расчищен маленький фрагмент сбруйного ремня с бронзовыми заклепками со шляпками сегментовидной формы.

хронологического сходства захоронений 90/1 и 90/2 дают основание предположить, что оба указанных захоронения были совершены позднее, чем 90/3. О хронологическом отличии последнего захоронения может свидетельство-

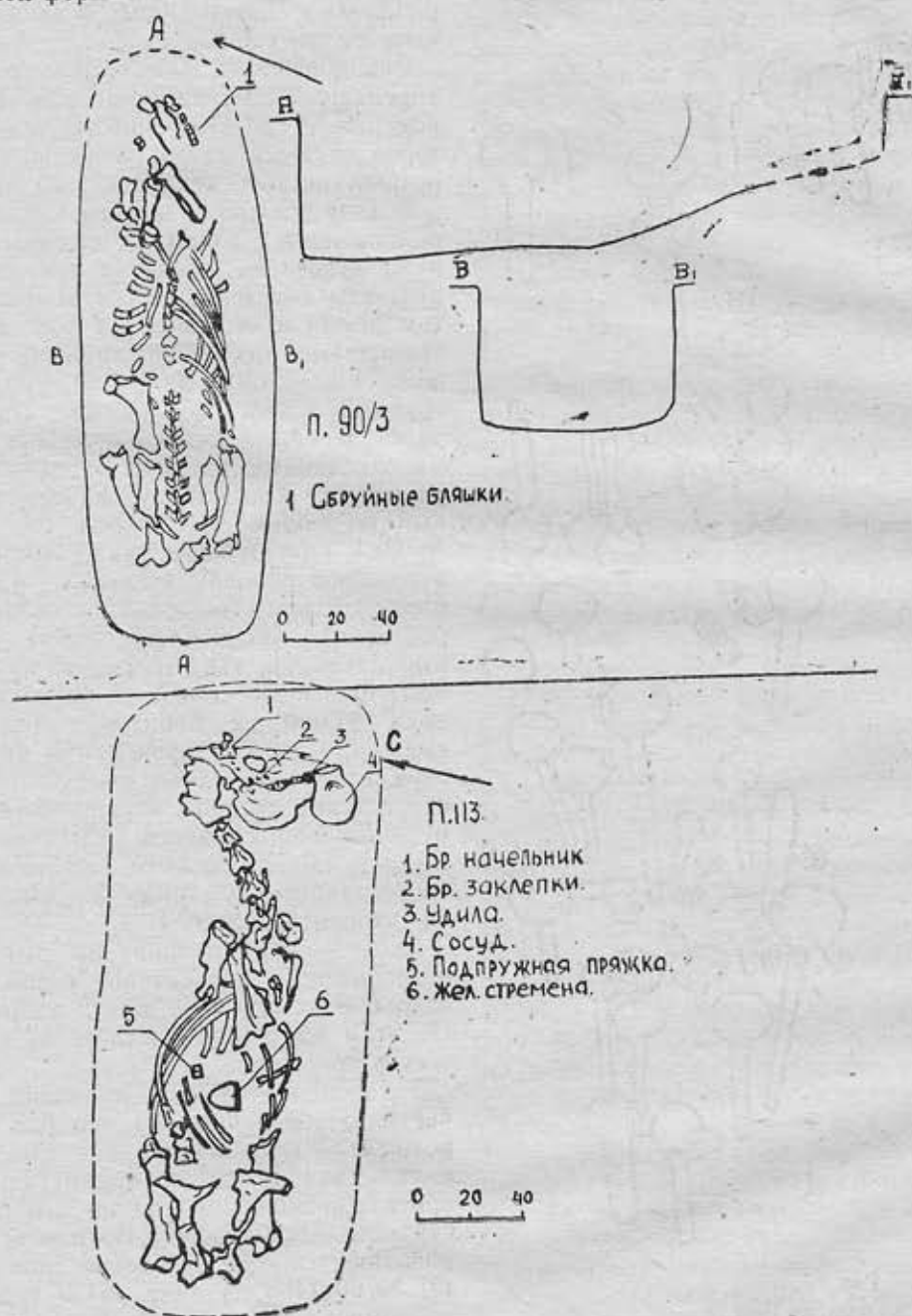

Рис. 2.

Стратиграфическое соотношение ям 90/2 и 90/3 не установлено, т. к. часть их разрушена в ходе выборки заполнения дромоса катакомбы № 60. Однако отмеченные выше признаки

дают также простую форму ямы и противоположную ориентировку скелета лошади в захоронении 90/3. Основываясь на сходстве конструкций ям и ориентировки скелета, положе-

нии коня в захоронении № 113, можно предположить, что оно относится к тому же времени, что и захоронение 90/3.

По сумме признаков в захоронениях можно выделить три группы:

III — в яме с «дромосом» левые конечности подогнуты, правые опущены в углубление (№№ 90/1, 91), правые подогнуты, левые опущены в углубление (№№ 90/2, 120).

В целом конские захоронения Змейского

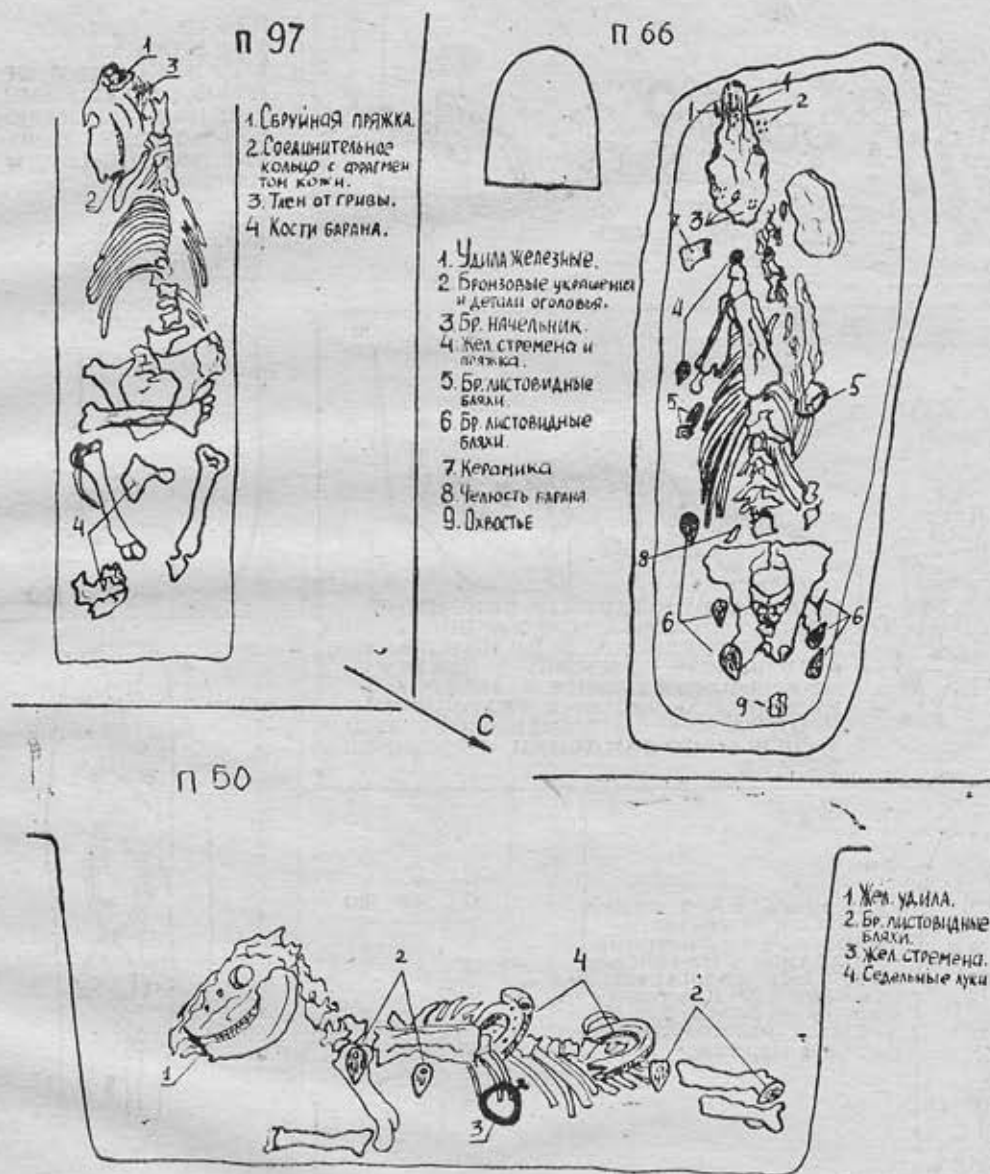

Рис. 3.

I — захоронения в яме подпрямоугольной в плане формы в лежащем положении с подогнутыми конечностями, головой к востоку. Дно понижается к западу (№№ 90/3, 113).

II — захоронения в яме подпрямоугольной в плане формы в лежащем положении с подогнутыми конечностями, головой к западу. Дно ямы горизонтальное. (№ 50, 66, 97).

катакомбного могильника характеризуются 12 признаками погребального обряда (табл. 1). Результаты анализа подтвердили вывод о наличии 3 групп захоронений. К I группе относятся захоронения № 90/3 и 113, характеризующиеся суммарно тремя признаками (1, 7, 11, табл. № 1), II группа захоронений — № 50, 66, 97, характеризующиеся суммарно 4-мя

признаками — (2, 7, 10, 12, табл. № 1), к III группе относятся захоронения № 90/1, 90/2, 91, 120, характеризующиеся признаками (3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, табл. № 1). В этой группе выделяются две подгруппы: а) № 90/1 и 91;

б) № 90/2 и 120. Признаки, отличающие первую подгруппу от второй (4, 8, табл. № 1).

Изучение конских захоронений Змейского могильника позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы: конские захоронения при-

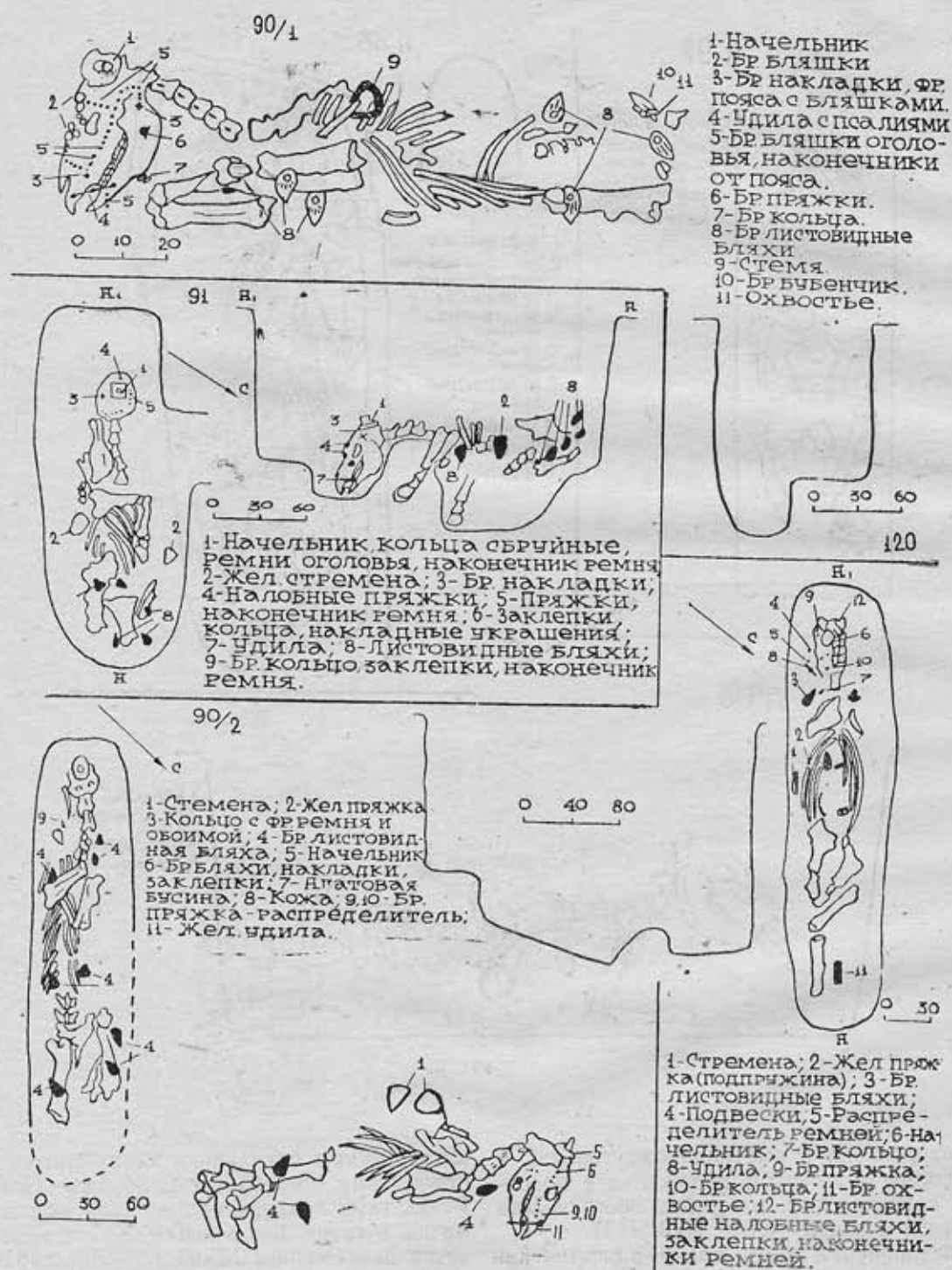

Рис. 4.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ КОНЕЙ № 1

№ п/п. захоро- нения	Конструкция захоронения						Положение костяка			Ориентировка		
	дно пони- жается к западу	дно ровное	углубление вдоль южной стенки	углубление вдоль северной стенки	наличие „подуш- ки“*	наличие „дрома- са“*	подогнуты все конеч- ности	подогнуты левые конечности	подогнуты правые конечности	головой к западу	головой к востоку	наличие череп барана
90/3	+						+					
113	+						+				+	
50		+					+			+		+
66		+					+			+		+
97		+					+			+		+
90/1				+	+	+		+		+		
91				+	+	+		+		+		
90/2			+		+	+			+	+		
120			+		+	+			+	+		

надлежат военной знати. Захоронения № 50, 66 и 90/1, 90/2, 91, по-видимому, находятся на дружинных участках большого некрополя. Конские захоронения могут служить показателем этнической принадлежности. Их инвентарь позволяет проследить этносоциальные процессы, происходившие здесь в X—XII вв.

Отличие в конструкции ям и более богатое снаряжение конских захоронений III группы

может служить показателем того, что их владельцы занимали более высокое положение в дружинной иерархии.

Однако подтверждение и конкретизация данных выводов нуждается в дальнейшем исследовании и привлечении анализа инвентаря конских захоронений и новых полевых материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.—Орджоникидзе, 1961.
2. Крупнов Е. И. Из итогов археологических работ.—Известия СОНИИ, т. 9, 1940.
3. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.—МАК, вып. 8, М., 1900.
4. Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа.—СА, 1982, № 2.
5. Куссаева С. С. Алаульский катакомбный могильник XI—XII вв. у станции Змейской.—Сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.—Орджоникидзе, 1961.

6. Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан: Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2—3.—Ставрополь, 1950.
7. Гиджрат Н. И. Разведки и раскопки в Северной Осетии.—АО—1978, М.: Наука, 1979.
8. Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X—XII вв. н. э. Кольцо гора.—В кн.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
9. Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.

А. В. Шевченко

К КРАНИОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДКАВКАЗСКОЙ АЛАНИИ X—XII вв. н. э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА 1981—1983 гг.)

Серия состоит из восьми мужских и одного женского черепов довольно плохой сохранности, собранных Н. И. Гиджрат, Р. Фидаровым и В. Л. Ростуновым в 1981—1983 годах (табл. 1)¹. Пол определялся по методике В. Н. Звягина (1983).

Свойственное ей сочетание брахикрании, большой высоты свода, широкого, средневысокого, клиногнатного лица, высоких, сильно выступающих носовых костей (табл. 2) является краниологическим эквивалентом кавкасионского антропологического типа, отличающегося от прочих европеоидов большими размерами мозговой капсулы и лица. Его характерные особенности выражены наиболее резко в высокогорных районах центрального Кавказа. Эта палеоевропейская комбинация, по мнению М. Г. Абдушелишвили (1964, 1966) и В. П. Алексеева (1963, с. 53), ярче всего представлена у хевсур. Морфологическую специфику хевсур и близких им по краниологии групп я объясняю не эпохальностью (т. е. не зависящей от метисации) изменчивостью, а переживанием у них, иногда почти в неизменном виде,

краниотипов древнего населения северных предгорий и склонов центральной части Кавказа, в первую очередь, носителей новосвободненской и тесно связанной с ней «северокавказской» археологических культур (Шевченко, 1980 «а», 1983, 1985)².

Краниологический полиморфизм кавкасионского типа таков, что не позволяет считать его гомогенной единицей расовой классификации. По-видимому, кавкасионцев действительно следует рассматривать «как совокупность, пучок вариантов» (Алексеев, 1973, с. 100). Основа их разнообразия — значительные антропологические различия мигрировавших в эти труднодоступные районы предковых для них групп и последующая метисация между ними. Наряду с выходцами из степей Восточной Европы — носителями преимущественно гипермормных краниологических типов, были среди них и куда более грацильные пришельцы из Восточного Средиземноморья — Закавказья: майкопцы, различные куро-араксинские племена и т. д. Обитатели Азово-Каспийского междуморья катакомбного и последующих перио-

¹ Первые черепа из этого некрополя (раскопки С. С. Куссаевой и В. А. Кузнецова 50-х годов XIX в.) были опубликованы В. П. Алексеевым и К. Х. Беслекоевой в 1963 году.

² Таким образом, за исключением определения времени и направления миграций предков кавкасионцев в места их нынешнего обитания, наша гипотеза совпадает в основных чертах с высказанной ранее В. П. Алексеевым (1963, 1974).

дов тоже могли внести свой вклад в генофонд горцев Северного Кавказа — большое сходство средневековых адыгов с предкавказскими катакомбниками, как и многие другие факты

подобного рода, видимо свидетельствуют об этом (Шевченко, 1980 «а»).

До сих пор принадлежность осетин³ к кавказскому типу никем из антропологов не

Таблица 1

ЧЕРЕПА ИЗ ЗМЕЙСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА X—XII вв. РАСКОПКИ 1981—1983 гг.

	Наименование признаков	м у ж ч и н ы								женщина
		7	32/3	33/5	49	88	107	118	119	
1	Продольный диаметр	184.0	—	171.0	178.0	185.0	196.0	181.0	181.0	170.0
8	Поперечный диаметр	152.0	—	147.0	137.0	150.0	143.0	161.0	130.0	129.0
8:1	Черепной указатель	82.6	—	83.0	77.0	81.1	73.0	89.0	71.8	75.9
$\sqrt{1-8}$	Модуль горизонтального сечения	167.2	—	158.5	156.2	166.6	167.4	170.7	153.4	148.1
17	Высотный диаметр (от <i>ba</i>)	149.0	—	135.0	—	137.0	—	136.0	135.0	132.0
17:1	Высотно-продольный указатель	81.0	—	79.0	—	74.0	—	75.1	74.6	77.7
17:8	Высотно-поперечный указатель	98.0	—	91.8	—	91.3	—	84.5	103.9	102.3
20	Высотный диаметр (от <i>po</i>)	128.0	—	117.0	110.0	119.0	121.0	119.0	113.0	106.0
9	Наименьшая ширина лба	97.0	94.0	95.0	99.0	105.0	103.0	95.0	82.0	84.0
9:8	Лобно-поперечный указатель	63.8	—	64.6	73.0	70.0	72.0	59.0	63.1	65.1
10	Наибольшая ширина лба	130.0	—	121.0	119.0	128.0	122.0	129.0	107.0	110.0
11	Ширина основания черепа	134.0	—	126.0	117.0	132.0	124.0	139.0	119.0	110.0
12	Ширина затылка	115.0	—	116.0	105.0	114.0	118.0	112.0	106.0	98.0
29	Угол поперечного изгиба лба	140.4	144.5	144.9	137.2	139.8	131.0	145.8	139.8	139.4
30	Лобная хорда	124.0	109.0	108.0	104.0	117.0	122.0	110.0	108.0	104.0
31	Теменная хорда	107.0	—	107.0	107.0	117.0	113.0	106.0	114.0	96.0
	Затыло-наз. хорда	03.0	—	83.0	—	97.0	101.0	98.0	99.0	94.0
	Высота изгиба лобной кости	30.3	22.2	22.3	24.8	29.0	21.3	28.0	25.0	24.0
	Высота игиба затылочной кости	28.0	—	23.0	—	31.0	31.8	33.0	27.0	24.8
	Указатель выпуклости лба	24.4	20.4	20.6	23.9	25.1	17.4	25.4	23.1	23.1
5	Длина основания черепа	110.0	—	10.0	—	103.0	—	100.0	104.0	107.0
40	Длина основания лица	106.0	—	105.0	—	—	—	100.0	105.0	102.0
40:5	Указатель выступания лица	96.4	—	102.5	—	—	—	100.0	101.0	95.3
45	Скуловой диаметр	141.0	—	133.0	123.0	142.0	140.0	140.0	132.0	113.0
45:8	Горизонтальный фацио-церебральный указатель	92.8	—	90.5	89.8	94.7	97.9	87.0	101.5	87.6
48	Верхняя высота лица	74.0	73.0	68.0	—	—	76.0	70.0	70.0	65.0
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	49.7	—	5.4	—	—	—	51.5	51.9	49.2
48:45	Верхний лицевой указатель	52.5	—	51.1	—	—	54.3	50.0	53.9	57.5
47	Полная высота лица	—	—	—	—	—	126.0	115.0	—	105.0
43	Верхняя ширина лица	106.0	110.0	106.0	104.0	110.0	114.0	106.0	—	96.0
46	Средняя ширина лица	105.0	94.0	—	—	—	90.0	96.0	99.0	83.0
60	Длина альвеолярной дуги	56.0	—	—	—	—	57.0	55.0	55.0	—
61	Ширина альвеолярной дуги	50.0	59.0	—	—	—	62.0	64.0	67.0	60.0
61:60	Указатель альвеолярной дуги	116.1	—	—	—	—	108.8	116.4	121.8	—
62	Длина неба	49.0	—	—	—	—	50.0	49.0	46.0	—
63	Ширина неба	44.0	—	—	—	—	38.0	43.0	42.0	39.0
63:62	Небный указатель	89.8	—	—	—	—	76.0	87.8	91.3	—
55	Высота носа	52.0	50.5	49.0	—	—	54.0	54.0	51.0	49.5
54	Ширина носа	25.0	25.0	27.0	27.0	—	24.0	24.0	26.5	24.0
54:55	Носовой указатель	48.1	49.5	55.1	—	—	44.4	44.4	52.0	48.5
51	Ширина орбиты (от <i>mt</i>)	43.0	42.0	41.5	—	—	45.0	43.0	41.5	38.0
52	Высота орбиты	30.0	32.0	30.5	—	—	33.5	30.0	34.0	30.5
52:51	Орбитный указатель	69.8	76.2	73.5	—	—	74.4	69.8	81.9	80.3
MC	Максиллофронтальная ширина	19.0	—	—	—	—	—	19.5	16.2	—
MS	Максиллофронтальная высота	9.0	—	—	—	—	—	8.4	7.2	—
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	47.4	—	—	—	—	—	47.9	44.4	—
SC	Симотическая ширина	11.6	—	11.4	—	—	—	9.1	7.0	—
SS	Симотическая высота	6.8	—	7.0	—	—	—	4.2	4.0	—
SS:SC	Симотический указатель	58.6	—	61.4	—	—	—	46.2	57.1	—
DC	Дакриальная ширина	22.0	—	—	—	—	—	23.0	17.5	—

³ Многие исследователи (не антропологи) считают их прямыми потомками алан.

Таблица 1 (продолжение)

	Наименование признаков	7	32/3	33/5	49	88	107	118	119	44/1
<i>DS</i>	Дакриальная высота	15.0	—	—	—	—	—	14.8	11.5	—
<i>DS : DC</i>	Дакриальный указатель	68.2	—	—	—	—	—	64.3	65.7	—
<i>PC</i>	Глубина клыковой ямки	3.8	4.0	3.5	—	—	5.5	2.0	—	—
77	Назомаллярный угол	139.2	143.7	142.2	140.2	135.8	125.8	141.0	—	144.7
<i>zm'</i>	Зигомаксиллярный угол	123.1	130.2	—	—	—	120.8	126.5	126.0	120.6
32	Угол профиля лба (от <i>n</i>)	88.0	—	82.0	—	—	70.0	89.0	82.0	78.0
<i>GM/FH</i>	Угол профиля лба (от <i>gl</i>)	82.0	—	76.0	—	—	65.0	82.0	74.0	72.0
72	Общий угол лица	88.0	—	78.0	—	—	87.0	85.0	80.0	83.0
73	Угол средней части лица	90.0	—	78.0	—	—	90.0	87.0	84.0	86.0
74	Угол альвеолярной части лица	83.0	—	78.0	—	—	79.0	78.0	68.0	71.0
75	Угол носа к горизонтали	59.0	—	37.0	—	—	—	56.0	52.0	—
75(1)	Угол носа к линии профиля	29.0	—	41.0	—	—	—	29.0	23.0	—
	Надбровье (1—6)	3.0	3.0	3.0	2.0	3.0	3.0	3.0	3.0	2.0
	Сосцевидный отросток (1—3)	3.0	—	3.0	3.0	3.0	3.0	3.0	3.0	2.0
	Нижний край грушевидного отверстия	антр.	жёлоб	инф.	антр.	—	антр.	антр.	пр. ям.	антр.

Таблица 2

АЛАНЫ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА. МУЖЧИНЫ. РАСКОПКИ 1981 — 1933 гг.

	Наименование признаков	<i>n</i>	$\bar{x}$	<i>s</i>
1	Продольный диаметр	7	182.3	7.6
8	Поперечный диаметр	7	145.7	10.2
8:1	Черепной указатель	7	80.1	6.5
$\sqrt{1:8}$	Модуль горизонтального сечения	7	162.9	6.7
157	Высотный диаметр (от <i>ba</i>)	5	138.4	6.0
17:1	Высотно-продольный указатель	5	76.7	3.1
17:8	Высотно-поперечный указатель	5	93.9	7.4
20	Высотный диаметр (от <i>po</i>)	7	118.1	5.8
9	Наименьшая ширина лба	8	96.3	7.0
9:8	Лобно-поперечный указатель	7	66.5	5.2
10	Наибольшая ширина лба	7	122.3	8.0
12	Ширина затылка	7	112.3	5.0
11	Ширина основания черепа	7	127.3	8.1
	Высота изгиба лба	8	25.4	3.5
23	Лобная хорда	8	112.8	7.3
	Указатель выпуклости лба	8	22.5	2.8
5	Длина основания черепа	5	103.8	3.8
40	Длина основания лица	4	104.0	2.7
40:5	Указатель выступания лица	4	100.1	2.7
45	Скуловой диаметр	7	135.9	6.9
45:8	Горизонтальный фацио-церебральный указатель	7	93.5	5.0
48	Верхняя высота лица	6	71.8	3.0
43	Верхняя ширина лица	7	108.0	3.5
46	Средняя ширина лица	5	96.8	5.6
55	Высота носа	6	51.75	2.0
54	Ширина носа	7	25.5	1.3
54:55	Носовой указатель	6	48.9	4.2
51	Ширина орбиты (от <i>mf</i>)	6	42.7	1.3
52	Высота орбиты	6	31.7	1.8
52:51	Орбитный указатель	6	74.3	4.5
<i>SC</i>	Симотическая ширина	4	9.8	2.2
<i>SS</i>	Симотическая высота	4	5.5	1.6
<i>SS:SC</i>	Симотический указатель	4	55.8	6.7
<i>DC</i>	Дакриальная ширина	3	20.8	2.9
<i>DS</i>	Дакриальная высота	3	12.6	1.9
<i>DS:DC</i>	Дакриальный указатель	3	6.1	2.0
<i>FC</i>	Глубина клыковой ямки (в мм)	5	3.8	1.25
32	Угол профиля лба (от <i>n</i>)	5	82.2	7.6
<i>GM/FH</i>	Угол профиля лба (от <i>gl</i>)	5	75.8	7.0

	Наименование признаков	<i>n</i>	$\bar{x}$	<i>s</i>
77	Назомаллярный угол	7	138.3	6.0
zm'	Зигомаксиллярный угол	5	125.3	3.6
72	Общий лицевой угол	5	83.6	4.4
73	Угол средней части лица	5	85.8	5.0
74	Угол альвеолярной части лица	5	77.2	5.5
75	Угол носа к горизонтали	4	51.0	9.8
75(1)	Угол носа к линии профиля	4	31.75	6.2

АЛАНЫ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА. МУЖЧИНЫ.

Таблица 3

	Наименование признака	<i>n</i>	<i>min-max</i>	$\bar{x}$	<i>s</i>
1	Продольный диаметр	26	165.0—200.0	181.4	7.6
8	Поперечный диаметр	24	130.0—161.0	144.4	6.6
8:1	Черепной указатель	24	71.8—91.5	79.6	5.1
$\sqrt{1.8}$	Модуль горизонтального сечения	24	153.4—172.6	162.0	5.0
17	Высотный диаметр (от <i>ba</i>)	18	127.0—149.0	137.3	5.6
17:1	Высотно-продольный указатель	18	68.5—83.8	76.2	4.2
17:8	Высотно-поперечный указатель	17	84.5—103.9	95.2	5.6
20	Высотный диаметр (от <i>po</i>)	21	110.0—128.0	117.5	4.6
9	Наименьшая ширина лба	25	82.0—119.0	97.8	5.9
9:8	Лобно-поперечный указатель	23	59.0—77.9	68.1	4.4
10	Наибольшая ширина лба	23	107.0—131.0	122.1	5.1
9:10	Широтный лобный указатель	23	71.8—88.6	80.6	4.7
11	Ширина основания черепа	21	117.0—139.0	126.6	5.9
12	Ширина затылка	23	104.0—118.0	111.3	4.2
29	Лобная хорда	24	104.0—124.0	110.9	5.3
	Высота изгиба лба	24	21.3—30.3	25.45	2.6
	Указатель выпуклости лба	24	17.4—26.5	22.95	2.2
32	Угол профиля лба (от <i>n</i>)	18	70.0—93.0	85.4	5.3
GM/FH	Угол профиля лба (от <i>gl</i>)	18	65.0—91.0	78.9	5.8
5	Длина основания черепа	18	95.0—110.0	102.3	4.3
40	Длина основания лица	15	93.0—107.0	100.3	5.3
40:5	Указатель выступания лица	15	92.1—106.0	98.45	3.8
45	Скуловой диаметр	22	123.0—143.0	136.1	5.0
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	22	84.2—102.2	94.2	4.2
48	Верхняя высота лица	23	64.0—78.0	70.7	3.8
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	17	45.2—58.3	51.3	2.7
48:45	Верхний лицевой указатель	20	47.5—55.4	5.0	2.3
62	Длина неба	19	42.0—53.0	47.7	3.1
63	Ширина неба	16	38.0—45.0	42.1	2.0
63:62	Небный указатель	16	76.0—102.3	87.8	5.8
43	Верхняя ширина лица	23	99.0—115.0	106.8	3.9
46	Средняя ширина лица	17	90.0—107.0	98.4	4.6
55	Высота носа	22	48.0—55.0	51.8	2.2
54	Ширина носа	22	23.0—30.0	25.6	1.7
54:55	Носовой указатель	21	43.4—56.6	49.35	4.0
51	Ширина орбиты (от <i>mf</i>)	24	39.5—45.0	41.8	1.4
52	Высота орбиты	24	29.0—34.0	31.7	1.4
52:51	Орбитный указатель	24	69.8—81.9	75.8	3.8
DC	Дакриальная ширина	18	17.5—25.4	21.3	2.2
DS	Дакриальная высота	18	9.3—16.3	13.1	2.0
DS:DC	Дакриальный указатель	18	45.4—73.1	61.3	7.7
SC	Симотическая ширина	20	6.2—12.7	9.1	2.1
SS	Симотическая высота	20	2.5—8.0	4.9	3.7
SS:SC	Симотический указатель	20	34.7—84.0	53.3	12.1
77	Назомаллярный угол	23	125.8—145.0	138.7	5.1
zm'	Зигомаксиллярный угол	19	116.0—136.0	124.8	4.8
FC	Глубина клыковой ямки (в мм)	19	2.0—8.0	4.7	1.5
72	Общий лицевой угол	16	78.0—89.0	84.8	3.5
73	Угол средней части лица	16	78.0—90.0	86.2	3.45
74	Угол альвеолярной части лица	16	68—90.0	80.6	6.2
75	Угол носа к горизонтали	13	37.0—67.0	52.7	7.4
75(1)	Угол носа к линии профиля	16	22.0—41.0	32.25	5.3

ставилась под сомнение, хотя краниология иронцев и дигорцев дает основания для этого — у них наименее крупные, по сравнению с прочими кавказскими, но наиболее длинные и узколицые черепа. По этим столь существенным для разграничения кавказских, понтийских и каспийских популяций признакам они вполне сопоставимы с адыгами (Алексеев, 1974, табл. 59 и сл.). К тому же, у них, особенно у иронцев, довольно малая высота черепной коробки—132,7 мм, что в общем-то не типично для горцев Кавказского хребта и встречается здесь лишь у ингушей—132,8 мм (ук. соч., табл. 68), лакцев селения Сумбатль—131,9 мм (там же, табл. 71) и удин—131,4 мм (там же, табл. 75). Пока еще трудно сказать, кому все они обязаны такой высотой свода, но вряд ли выходцам с севера, где в древности подобное явление встречается очень редко⁴. Наиболее вероятно, что это какие-то средиземноморские по происхождению группы, где умеренная, а то и просто малая высота черепа скорее правило, чем исключение.

Местной, кавказской подосновой северных осетин вряд ли могут быть и кобанцы с их длинными по указателю, во всех отношениях (в том числе и по высотным диаметрам) крупными черепами (Дебец, 1948; Домба, 1966; Алексеев, 1974).

Что же касается собственно алан, а вернее той части средневекового населения Северного Кавказа, которая в основном хоронила своих покойников в катакомбах, то при свойственном им краниологическом полиморфизме, они в большинстве своем достаточно высокоголовы по сравнению с иронцами и дигорцами. Исключением представляются, на первый взгляд, две сравнительно малочисленные выборки из могильников Нижнего Архыза и Верхнего Чегема (Алексеев, 1974, табл. 25, 30). Но обе они обладают куда более крупной в среднем, чем осетины, черепной коробкой, а главное, умеренно (по кавказским масштабам) выступающим носом и явно плоскатым (по европеоидным меркам) лицом—т. е.

комплексом признаков скорее савромато-сарматским, нежели кавказско-осетинским. К тому же верхнечегемская серия слишком широкая и брахикранная, чтобы претендовать на роль предка осетинского народа⁵.

Может быть морфологическое своеобразие северных осетин найдет объяснение, когда мы получим, наконец, достаточно многочисленные куро-араксинские краниологические серии именно с территории Осетии⁶. Известные нам куроараксинские черепа из Закавказья (Джавахишвили, 1968) свидетельствуют о расовой неоднородности носителей этой культуры и о резком преобладании среди них краниологических типов средиземноморского облика.

Сопоставление изучаемой серии с суммарными выборками трех территориальных подразделений осетин—иронцев, дигорцев и тувальцев—обнаруживает, что только с последними (Алексеев, 1974, табл. 62) она имеет довольно заметное морфологическое сходство. А различаются они в основном лишь по высотным диаметрам черепной коробки—значительно меньшим у тувальцев, да по углам профиля лба, которые неожиданно оказываются большими у алан, хотя величины черепного указателя в той и в другой выборках практически идентичны. На вопрос—может ли подобный уровень антропологического сходства служить достаточным основанием для вывода о возможности генетического родства—в какой-то мере призван ответить внутригрупповой анализ аланской серии (табл. 2).

Изменчивость большинства признаков мозговой капсулы у алан повышена, часто—достаточно. В первую очередь—это широтные размеры, причем не только черепной коробки, но и лица тоже. Затем—это углы горизонтальной и вертикальной профилировки лба, лица и носовых костей⁷. Все это дает нам право говорить о гетерогенности рассматриваемой выборки, в чем окончательно убеждает нас визуальный анализ таблицы индивидуальных измерений и указателей (табл. 1). Попарное комбинирование на корреляционном поле признаков с максимальным числом наблюдений

⁴ В энеолитическом Хвалынском могильнике (неопубликованные материалы Р. Мкртчян); у афанасьевцев Минусинской котловины (Рыкушина, 1976); у значительной части абашевцев, где малая высота свода часто сопряжена с довольно малыми же размерами мозговой капсулы и лица (Герасимова, Лебединская, 1966; Шевченко, 1984 а); у окуневцев, карасукцев и черкасульцев (Рыкушина, 1976; Шевченко, 1980 в, 1984 б); у сармат прохоровского этана (Тот, Фирштейн, 1970) и т. д. В четырех последних случаях фиксируется монголоидная примесь.

⁵ При ближайшем рассмотрении обе эти серии оказываются в большей степени половецкими, нежели в узком смысле кавказскими.

⁶ Единственный имеющийся в нашем распоряжении череп куро-араксинца из могильника Кобань имеет высоту от базиса 134,0 мм—то есть весьма обнадешивающую в этом плане.

⁷ Вариативность симметрической высоты и угла средней части лица тоже повышена достоверно.

позволило разделить составляющие выборку черепа на две резко различающиеся краниологически части.

Первая—33/5, 49, 119—отличается малыми размерами мозговой капсулы, сравнительно небольшими величинами скулового диаметра, абсолютно широким носом и чуть ли не prognатным лицом. Высота черепа при этом большая. Подобная морфологическая комбинация по сути своей не только не кавкасионская, но даже и не осетинская.

Зато вторая группа—7, 88, 107, 118—представлена очень крупными, выражено широколицыми, узконосыми, ортогнатными черепами со средневыступающими носовыми костями. По уровню матуризации она решительно превосходит даже наиболее гиперморфные серии кавкасионского типа (например, тех же хевсур), тем более—осетинские. Перед нами «классические» образчики протоевропейского краниологического типа или, как определял это явление В. В. Бунак—степной антропологической формации.

Любопытно, что череп 3 из катакомбы 32, от которого сохранилась лишь лицевая часть с лобной костью, скорее всего, принадлежит к одному из ранних вариантов южносибирского антропологического типа, нередко встречавшегося уже у сармат (Тот, Фирштейн, 1970), но особенно широко распространенного среди поздних кочевников южнорусских степей VIII—XIII вв.—торков, печенегов и половцев—в частности, среди половцев калмыцких степей, непосредственно примыкавших к Предкавказской Алании (Шевченко, 1980 б). Учитывая время существования Змейского могильника (X—XII вв), его локализацию, а также тесные и в основном, по-видимому, дружественные взаимоотношения между предкавказскими аланами и половцами, этот факт расценивается нами как свидетельство участия половцев в расогенезе змейской группы алан.

Более многочисленная выборка из того же могильника (Алексеев, Беслекоева, 1963) на первый взгляд мало чем отличается от нашей, хотя составляющие ее черепа в среднем помельче, пониже, с несколько более широким и низким, ортогнатным лицом. Учитывая возможность случайных отклонений в малочисленных сериях, этим различиям вроде бы и не следует придавать большого значения. Любопытно однако, что она в большей степени, чем наша, приближается по своей усредненной краниологической характеристике к показателям суммарной выборки осетин-туальцев, но достоверное повышение в ней вариабельности черепного и высотно-продольного указателей, симметрической и дакриальной высот, свидетельствует, что и она тоже, по-видимому,

неоднородна в антропологическом отношении. Ознакомление с таблицей индивидуальных измерений показывает основательность подобного предположения (ук. соч., табл. 1).

Во-первых, сразу же обращает на себя внимание череп с порядковым номером 3 (из раскопок С. С. Куссаевой в 1953—55 гг.). Он имеет крупную, довольно низкую (132 мм), мезокранный по указателю (78,1) мозговую капсулу, высокое (78 мм), широкое (139 мм), ортогнатное (88°), умеренно профилированное в горизонтальном плане, особенно на зигмаксиллярном уровне, лицо (136°), довольно низкие носовые кости (37,8) и переносье (48,4). Так же как череп 32/3 нашей серии (табл. 1) он принадлежит к южносибирскому антропологическому типу, скорее всего, половцу.

Во-вторых, бросается в глаза малая (даже по мировому масштабу) величина обоих высотных диаметров мозговой капсулы на черепах № 9 (из раскопок С. С. Куссаевой) и № 19 (раскопки В. А. Кузнецова, катакомба 56, погр. 1). Тщательная проверка показывает, что оба они обладают и другими чертами морфологического сходства, отличающими их от всех прочих. Так, у них малые тотальные размеры черепной коробки, наиболее узкие в серии лоб и орбиты, очень низкое—причем самое низкое в серии лицо, крайне резко профилированное на зигмаксиллярном уровне, очень высокие и необычайно сильно выступающие переносье и носовые кости. По своему облику к ним приближается и череп № 5. Этот краниологический тип не имеет убедительных аналогов ни в бронзовом, ни в железном веке Восточной Европы, однако распространен в Средиземноморье—в восточном и в западном.

Механический характер смещения в серии подчеркивается черепом № 13—очень крупным, долихокранным, широко- и высоколицым, узконосым, с крайне резко профилированным, особенно на верхнем уровне, лицом. Подобная комбинация признаков имеет убедительные аналогии в новосвободненских (Шевченко, 1985), «северокавказских» (Шевченко, 1980 а, 1983) и, отчасти, в древнеямыных материалах. В изученной нами части змейской выборки этот компонент представлен более весомо.

Суммарная серия черепов из Змейского могильника ($n=27$) выглядит теперь следующим образом—см. табл. 3. Изменчивость признаков в ней выше, чем в каждой из слагающих ее выборок, а распределение их вариант обнаруживает иногда достоверный отрицательный (8, 12, 51, SC) или положительный (10, GM/FH, zm' , 46) эксцесс.

Отметим в итоге несколько твердо установленных фактов.

1) Серия черепов из Змейского могильника

неоднородна, что вызвано, по-видимому, механическим смещением в ней черепов различных краниологических типов.⁸

2) В ней представлены краниологические комплексы как средиземноморского, так и протоевропейского облика. Представлены также черепа носителей южносибирского антропологического типа, принадлежавшие, скорее всего, половцам.⁹

3) Стало быть группа, оставившая после себя Змейский могильник, была пестрой в расовом отношении, что, может быть, было специфическим явлением только для городского населения Предкавказской Алании.¹⁰

Если рассматривать все эти яркие краниологические комплексы под углом зрения возможного участия их носителей в расогенезе осетин, то следует сказать следующее. Каждый из них в отдельности пока не имеет аналогий в довольно многочисленных уже близких к современности материалах из Осетии, но исключить возможность их участия в формировании расового облика той или иной территориальной группы осетин нельзя. Однако же ни один из них не был, по-видимому, основным или хотя бы самым крупным по численности компонентом смешения. На суммарном уровне змейские черепа обнаруживают довольно заметное, но отнюдь не бесспорное, сходство с туалыцами. Спрашивается однако — почему не с дигорцами или иронцами, локализованными ближе к местам обитания змейских алан.

Суммарные черепные серии близкого к современности населения Иронии и Дигории (Алексеев, 1974) практически не отличаются друг от друга. Да и межгрупповые различия

внутри этих территориальных подразделений осетин тоже невелики — и это в условиях высокогорья! Невольно возникает вопрос — как и когда сформировалось относительно единоеобразие их антропологического облика? И какую роль сыграли в этом процессе аланы предгорий Кавказа? Ответ на этот вопрос можно получить, изучая позднесредневековые — т. е. максимально приближенные к аланской эпохе краниологические серии из горной Осетии. Одна такая коллекция (24 мужских и 9 женских черепов) из полуподземного склепа у с. Дзивгиз на реке Фиангон, датируемая ее собирательницей Л. Г. Нечаевой XIV—XVI вв. изучена нами и, вероятно, будет опубликована в одном из следующих выпусков настоящего сборника. Если датировка Л. Г. Нечаевой верна, то ее отделяют от змейской всего только два-три столетия. Будут ли Дзивгиза прямыми потомками алан, то за такой сравнительно короткий промежуток времени могла произойти только некоторая, может быть довольно значительная, гомогенизация их антропологического состава. Но, хотя все черепа добыты из одного склепа, серия столь же неоднородна как и змейская, да и отличается от нее больше, чем любая из осетинских.

В итоге у меня сложилось твердое убеждение, что только дальнейшее накопление краниологических коллекций по бронзовому и железному векам Северного Кавказа позволит нам, в конце концов, правильно ответить на вопросы о путях формирования антропологического состава осетинского народа и о степени участия в расогенезе осетин алан.

ЛИТЕРАТУРА

Абдушлишвили М. Г. Краниологии древнего и современного населения Кавказа. — Тбилиси, 1966.

Абдушлишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. — Тбилиси, 1964.

Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта: Антропологический сборник, IV. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР). — М., 1963.

Алексеев В. П. О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов

центрального Кавказа. — В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. — М., 1974.

Алексеев В. П., Беслекоева К. Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии. — МИА, 114, М., 1963.

Герасимова М. М., Лебединская Г. В. Абашевский человек. — В сб.: Пепкинский курган. Пятикар-Ола, 1966.

⁸ В нашей выборке высота от базиса не опускается ниже 135 мм, чем она и отличается от всех известных нам осетинских групп.

⁹ На первый взгляд, удельный вес их в серии незначителен. На деле он может быть значительно большим, т. к. среди половцев Предкавказья встречаются отдельные группы почти совершенно европеоидные по краниологическим признакам — например, во II Лолинском могильнике (неопубликованные материалы автора).

¹⁰ Не исключено, что представители разных этносов, входивших в аланское объединение, хоронили своих покойников на различных участках этого громадного и полностью не докопанного еще кладбища. Именно этим и может объясняться известное несходство суммарных характеристик обеих выборок, а также различия их качественного состава.

Дебел Г. Ф. Палеоантропология СССР: (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.).—М., 1948.

Джавахишвили Э. Н. Краниологические материалы с территории Грузии первой половины III тысячелетия до н. э.—В сб.: Вопросы антропологии Кавказа. Тбилиси, 1968.

Домба М. По материалам древних погребений Северо-Осетии.—Орджоникидзе, 1966.

Звягин В. Н. Методика краниоскопической диагностики пола человека: Судебно-медицинская экспертиза.—М.: Медицина, 1983, 3.

Рыкушина Г. В. К антропологии эпохи неолита-бронзы Красноярского края.—В сб.: Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976.

Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы.—Л., 1970.

Шевченко А. В. Палеоантропология Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.—М., 1980 «а».

Шевченко А. В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе).—Сб. МАЭ, Л., 1980 «б».

Шевченко А. В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза.—В сб.: Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980 «в».

Шевченко А. В. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья.—В сб.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

Шевченко А. В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности.—В сб.: Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984 «а».

Шевченко А. В. Современное состояние антропологической изученности черкаскульской культуры.—В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984 «б».

В. С. Уарзиати

ОТРАЖЕНИЕ ОСЕТИНО-АДЫГСКИХ КОНТАКТОВ В ТРАДИЦИОННОМ ЖИЛИЩЕ

История осетино-адыгских этнокультурных контактов восходит к глубокой древности, а именно к началу нашей эры, когда на Северо-Западном Кавказе аланы вступили в контакт с адыгскими племенами. Как свидетельствуют археологические раскопки, пришедшие на Кавказ аланы расселились в степях и предгорьях. Часть аборигенного населения, оставшись на прежних местах обитания, оказалась в районах, занятых аланами. С течением времени у них установились мирные взаимоотношения и аланы, как и другие сарматские племена Северо-Западного Кавказа, постепенно сливаются с местными племенами. «Процесс этого слияния показывает Усть-Лабинский второй могильник, где наряду с грунтовыми прямоугольными могилами есть катакомбы, и Терезинский могильник, на котором имеются катакомбы и местные формы погребальных сооружений (1, с. 1—8).

Алано-адыгские контакты продолжают успешно развиваться и в последующее время. Археологические раскопки выявили в аланских захоронениях VIII—IX вв. интересные свидетельства об этих контактах в материальной культуре. В частности, установлено наличие двух культурных традиций в организации интерьера раннесредневекового жилища Западной Алании. Первая — размещение круглого очага и дымохода в середине помещения, восходящая, по мнению В. А. Кузнецова, к кочевническим традициям. Вторая — размещение четырехугольного очага и дымохода в уг-

лу или у стены, восходящая к местным традициям (2, с. 83).

Аналогичную картину дают раскопки А. А. Иерусалимской на могильнике «Мошечая балка». Обе этнические группы четко прослеживаются в комплексах аланского костюма. При чем доминирует, естественно, аланская традиция, а привнесенная адыгская — проявляется лишь в некоторых деталях костюма алан (3, с. 93—94).

Материалы археологических раскопок дополняют и письменные свидетельства X в. н. э. В первую очередь это упоминания Масуди, анонимного автора «Худуд-ал-Алам» и Константина Порфиrogenита о регулярных набегах алан на кашаков-адыгов (4, с. 179—184; 5, с. 158—160). О связях алан и адыгов упоминают и последующие авторы, в частности, Вильгельм Рубрук в середине XIII в. писал: «К югу у нас были величайшие горы, на которых живут... черкесы и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар». (6, с. 36).

Естественно предположить, что многовековое соседство нашло свое отражение в культуре двух этносов. Нельзя сказать, что данная проблема не привлекала внимания исследователей. Однако в данном случае речь пойдет о малоизвестных фактах, которые могут пролить свет на древность и интенсивность этнокультурных контактов осетин и адыгов.

Предметом внимания будет традиционное жилище, бытовавшее у рассматриваемых на-

родов в XIX веке. Вместе с тем отметим, что характер данного сборника побуждает нас обратить внимание на факты культуры, выходящие за рамки XIX века и относящиеся к более ранним периодам. С этой целью в работе привлекаются материалы смежных дисциплин.

Прежде чем перейти к анализу традиционного жилища осетин и адыгов, необходимо несколько слов сказать о поселении.

Хорошо известно, что поселения адыгов в исторически обозримый период представляли собой замкнутый укрепленный тип круговой и кареобразной планировки. Об этом сообщал Ж.-Б. Тавернье, писавший: «...селения, в особенности в Черкесии, построены все по одному образцу, с расположением домов вокруг одной большой площади посередине...» (6, с. 76). Несколько позже П.-С. Паллас подтвердил этот факт, «Они строят свои дома близко один к другому, одним или несколькими кругами или четырехугольниками, таким образом, что внутреннее пространство представляет собой общий скотный двор, имеющий лишь одни ворота, а дома, окружающие его, служат как бы для его охраны» (6, с. 219). Об этом же писал и Ю.-Г. Клапрот (6, с. 267).

Подобное устройство поселений было характерно и многим другим народам, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство. В данном случае перед нами яркий факт, свидетельствующий о тесной взаимосвязи хозяйственного быта с традиционной материальной культурой. Автор второй половины IV в. Аммиан Марцелин писал об аланах, еще не осевших на землю, что «живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки, а истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках» (7, с. 15). В этой связи отмечу, что осетинская номинация для поселения «хъæу» восходит к тем далеким временам кочевого быта, когда селение было идентично временному кочевому стойбищу и в своей первооснове означает «скот», «скотоводческое стойбище» (8, II, с. 300).

Подвижность кабардинских поселений однако не была аналогичной кочевникам. Все они имели свои четко очерченные закрепленные обычным правом и исторической традицией земли в пределах которых и передвигались в силу обстоятельств хозяйственного быта или военной опасности (7, с. 20). Эти же обстоятельства, главным образом внешняя опасность, вынуждала первых осетинских переселенцев на предгорную равнину использовать опыт своих соседей кабардинцев. «Их селе-

ния,— писал И.-Г. Гюльденштедт,—входящие в каждый район в количестве от 5 до 50, полностью похожи на черкесские: они большие или маленькие; построены аналогично черкесским и также часто переносятся на новые места. В каждом из них живет от 20 до 100 фамилий» (9, с. 89).

Во время полевой работы мне неоднократно приходилось слышать о подобных перемещениях равнинных селений (Гизель, Эльхотово, Дарг-Кох, Кадгарон). Отчасти эти сведения о подвижности первых осетинских поселений в предгорье подтверждаются и документами (см.: 10, с. 140—141, 228, 234—235).

На равнине, в новых экологических условиях, усадьба характеризовалась значительным числом хозяйственных сооружений. Жилище и вспомогательные постройки были отделены друг от друга и решены в горизонтальном плане. Напомню, что для горной зоны был характерен комплекс этих построек, решенных в вертикальном плане, когда жилье располагалось над хозяйственными постройками.

Нет сомнения, что подобная застройка усадьбы осетин осуществлялась не без влияния кабардинцев. «Почти каждая сакля,— по словам Н. Ф. Дубровина,—окружена хлевами и курятниками... Все здания и постройки обнесены прочным тыном» (7, с. 58). Примерно также описывает усадьбу и другой автор. «Каждый хозяин обносил свой двор твердой изгородью — плетнем на прочных жердях из дуба или бузины. Все дома без исключения были крыты соломой и стояли среди усадьбы лицом на восток... За домом скотный двор — хлев, куда из дома имеется тайный выход (фæстаг кæразгæ). Вдоль улицы сарай для арб, а подле него кунацкая или приемная для гостей» (11, с. 179).

Как видно из приведенных описаний, жилище на равнине всегда располагалось в центре усадьбы, в чем отразилась замкнутость семейного быта, характерного для социальных отношений у народов Северного Кавказа вплоть до начала XX в. Подобное расположение для домов было специфической чертой в Кабарде еще в довоенные годы (12, с. 107) и сохраняет свое доминирующее положение и в настоящее время. В Осетии такое расположение дома на усадьбе было нарушено еще в до-революционные годы, когда под влиянием капиталистических отношений зажиточные слои начали, подражая горожанам, возводить новые кирпичные дома на «красной линии».

Однако замкнутый характер усадебной застройки продолжает развиваться и в Осетии, что нашло свое отражение в специфической форме комплекса жилых и хозяйственных построек, расположенных горизонтально под од-

ной крышей (7, с. 60). В данном случае произошло творческое развитие двух традиций. Горной, обусловленной отсутствием земель и формированием вертикального комплекса и равнинного, характеризуемого многодворностью усадьбы, где жилой двор отделялся от скотного. Причем формирование этих типов проходило в конкретных исторических условиях.

Любопытно подчеркнуть, что подобное разделение на чистый или жилой и скотный двор, где были выстроены хлев, овчарня, сеновал оказалось довольно устойчивой формой усадебной застройки на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует этнографический материал по осетинам и другим народам Северного Кавказа. Более того, эта форма застройки получила распространение в Турции, в тех местах, где поселились выходцы с Северного Кавказа, так называемые «черкеслер» (13, с. 99).

К числу кабардинских влияний необходимо отнести упомянутую выше, отдельную постройку для гостей — кунацкую (уазэгдон, хъэщIэщ). Она располагалась рядом с въездом на усадьбу. Развитый институт гостеприимства у народов Северного Кавказа и осетинское происхождение номинации для кунацкой дословно означающее «вместилище гостей» свидетельствуют о знакомстве осетин с этим помещением еще до выселения на предгорную равнину. Об этом сообщает и К. Л. Хетагуров в очерке «Особа».

Однако выделение изолированного помещения, расположенного у въезда во двор — этот факт должен интерпретироваться как еще одно свидетельство рассматриваемых этнокультурных контактов. Подтверждением этому может служить следующий факт.

Недалеко от кунацкой был расположен туалет. Обычно в равнинных селениях их было два. Расположенный у кунацкой предназначался для мужчин, а в глубине усадьбы (чылдымты) — для женщин. Его делали из плетня круглым в плане, наподобие спирали или лабиринта. Это освобождало хозяев от устройства дверей. В качестве номинации этой постройки в Северной Осетии используется лексема кабардинского происхождения (псуна). В основе этого названия лежат кабардинские слова «псы» (вода) и «унэ» (дом), которые точно передают функциональное назначение этой постройки и отражают источник заимствования данного факта культуры.

Традиционное сооружение кунацкой и уборной рядом, причем изолированно от основного жилья способствовало тому, что в современном осетинском языке «уборная» в просторечье обозначается номинацией кабардинско-

го происхождения, а в табуированной, эфемической — именуется как и кунацкая — «уазэгдон». Причем это значение для данного слова стало основным семантическим статусом.

Как известно, в хозяйственных помещениях пережиточно сохраняются старинные типы жилища. Некоторые из этих сооружений были круглыми в плане, в частности — летние кухни (12, с. 107). Вопрос о круглоплановых плетенных постройках у народов Северо-Западного Кавказа неоднократно ставился в этнографической науке. Из новейших работ укажу исследования И. Адамия и Л. Х. Акаба (14, с. 27—50; 15, с. 156—162). Специально этому вопросу в свое время уделил внимание Е. М. Шиллинг. По его словам, стены состоят из кругообразно расставленных и вбитых в землю вертикальных жердей, которые плотно оплетались хворостом, обмазывались глиной и белились.

Наибольший интерес представляло перекрытие постройки. В центре помещения в землю была врыта жердь с наглухо укрепленным наверху колесом от арбы. Поверх колеса были уложены жерди перекрытия, связанные между собой над ним. Жерди эти своими нижними концами лежали на цилиндрической стене, а средней частью упирались на обод колеса. Все это покрывалось толстым слоем соломы. Ссылаясь на информаторов-кабардинцев, Е. М. Шиллинг писал, что «такие круглые отдельные кухни на дворах близ жилых домов были на их памяти довольно распространенными постройками. Когда-то, по их же словам, в таких круглых постройках люди жили» (16, с. 134).

Такие круглые в плане жилища у народов Северного Кавказа существовали в двух самостоятельных разновидностях. Первую, характерную для Большой Кабарды, он склонен был считать как первоначальное жилище полукочевых скотоводов предгорий Северо-Западного Кавказа, вторую, встречающуюся в Северной Абхазии и лишенную центрального столба из-за открытого очага, расположенного в центре, Е. М. Шиллинг возводил к «древнейшим по происхождению жилищам аборигенов предгорно-лесных частей кавказского Причерноморья» (16, с. 137).

Подобное жилище было хорошо известно и в Осетии. Его устройство было впервые подробно описано М. С. Тугановым. По его словам, в Осетии издревле бытовали два вида жилья: одно конусообразное, другое — четырехугольное. «Первое носило название «мусонг» (впоследствии «фидонг», то есть «мясная», «копчение мяса») и имело основанием правильный круг с очагом для огня в самом центре, стены же делались большей частью

плетенные из кольев и хвороста. Колья из стен поднимались ввысь на 3—4 метра и тут переплетали их в узкое кольцо, оставляя наверху дымоход, как трубу в виде воронки, опрокинутой вверх узким отверстием» (17, л. 189—190). По стенам такой постройки были развешаны мясные туши для копчения. Для большой устойчивости устраивались подпорки — деревянные рогатки, упиравшиеся в уходящие вверх жерди. По словам М. С. Туганова, это был тип «самого архаичного строения и жилья...» (17, л. 190). Этот вывод подтверждают и изыскания осетинских лингвистов (18, с. 94).

Как видно, во времена фиксации, осетинский «мусонг» уже выполнял вспомогательные функции, в нем коптили мясо. Однако сравнительный материал по адыгам и особенно абхамам, а также материалы осетинского фольклора свидетельствуют о том, что первоначально эти сооружения использовались для жилья. Вызывает интерес тот факт, что в Осетии были распространены постройки, несколько отличающиеся конструктивно от кабардинских. В центре кабардинской летней кухни (пшаа хурей) был расположен столб, а в осетинской постройке (мусонг) его не было.

Связано это с тем, что центральное место в жилище осетин всегда занимал открытый очаг (къона), сохранившийся без изменения вплоть до начала XX века. У осетин главное жилое помещение с очагом (хæдзар) являлось основным, наиболее почетным местом всего жилого комплекса. Здесь семья проводила большую часть времени: готовили пищу, ели, принимали гостей, отправляли все семейные обряды. В горной зоне, вплоть до недавних пор, сохранялись и вышедшие из употребления надочажные цепи (рæхыс), символизировавшие когда-то единство семьи и очага.

Иная картина наблюдалась в Кабарде. В первые годы Советской власти кухня как таковая являлась «только местом приготовления пищи: там не спят и там редко едят». Понятие святости очага, почетности кухни исчезло совершенно. Отдельная кухня придает особый характер усадьбе кабардинцев (в отличие от осетин и других народов Кавказа). Вместе с установлением понятия «кухня» (как службы) появился и отдельный термин «пщæфлæпæ» (12, с. 112). Иными словами, очаг и надочажная цепь составляли у осетин тот комплекс, который в силу своих утилитарных и культовых функций занимал в доме центральное место.

Этот факт, вероятно, и проясняет отмеченное различие в конструкциях осетинского и адыгского круглопланового жилища. Хотя бытование его у двух соседних народов, имею-

щих исторические корни добрососедства, свидетельствует о прочных взаимосвязях. Косвенным доказательством сказанному могут служить и данные археологии и языкознания. Раскопки кабардинских археологов памятников сарматского времени дали богатый материал о культуре очага у народов, проживавших на Северном Кавказе, в частности, в Кабардино-Балкарии (Чегемский и Нижнеджугатский могильники). Большое место среди находок заняли обрывки надочажных цепей.

Как справедливо подчеркивает Б. М. Керетов «фетишизация надочажной цепи в более архаичной и гиперболизированной форме сохранилась у осетин, для которых надочажная цепь объединяет в себе всю совокупность понятий об очаге» (19, с. 147).

Анализ материала позволил исследователю сделать вывод о том, что «культовые сосуды с цепями зафиксированы в большинстве случаев во впускных могилах и в катакомбных захоронениях или на памятниках, отмеченных печатью сильного сарматского влияния» (19, с. 152).

В этой связи замечу, что столь давний и столь развитый культ надочажной цепи способствовал тому, что в языках адыго-абхазской группы начали использовать для ее обозначения номинацию «лъахш», имеющую осетинское (иранское) происхождение (8, II, с. 397; 20, с. 267; 21, с. 132).

Другим видом жилища кабардинцев был прямоугольный в плане дом, стены которого «состоят из плетня и укрепляются посредством тонких столбиков или, лучше сказать, подпорок. Внутри и снаружи стены эти с тщанием обмазываются глиною. Верхняя часть стены укрепляется перекладинами, на которые изредка основывают и потолки; но большей частью не делают потолков и никогда досками не мостят пол, а вместо досок утаптывают землю» (22, с. 234). Сведения Хан-Гирея о традиционном жилище кабардинцев перекликаются с материалами его предшественников. В частности, подробное описание дает в первой половине XVII в. Дж. Лукка и А. Олеарий, П.-С. Паллас и Я. Поттоцкий в конце XVIII в., а Г.-Ю. Клапрот в начале XIX в. (6, с. 71, 85, 219, 233, 267).

Продолжая эту тему, замечу, что техника строительства этих домов в Кабарде сохранилась вплоть до 30-х годов XX в., о чем наглядно свидетельствует полевой материал Е. Н. Студенецкой (12, с. 11). Столь длительная традиция строительства домов из плетня свидетельствует о историко-культурной устойчивости. Жилище такого типа было наиболее распространенным по всей Предкавказской

равнине, особенно в местах лишенных леса (7, с. 86).

Столь важная роль турлука (плетня, обмазанного глиной) способствовала развитию плетения в Кабарде, где различают несколько типов плетений: «чийльэрыкуэ» — сплошной плетень с ровными горизонтальными рядами; «чийльэпэдисэ» — плетень с косыми рядами; «чийльырхэ» — плетень с редкими рядами; «гуэзнэч» — переносный плетень для временных загонов (23, с. 40).

В этой связи интересно отметить, что турлук был хорошо известен в строительном деле осетин. Причем преобладали турлучно-каркасная (кауын хæдзар) и закладная техника (хæдкьул хæдзар). В основном это были жилища предгорной и равнинной зон и различались они тем, что в первом случае для возведения стен использовался плетень (кау), а во втором случае жерди или доски.

По сведениям информаторов, в Осетии были распространены и дома, возведенные из двурядного плетня с забутовкой землей. Такой дом (сахъари хæдзар) отличался лучшей теплоизоляцией и требовал двойного труда и стройматериала. Замечу, что дома такого типа были известны у адыгов еще в первой половине XVII в. Джованни Лукка писал, что дома черкесов состоят «из двух рядов кольев, воткнутых в землю, между коими вплетают ветви; наполняют промежуток глиной и кроют их соломой» (6, с. 71). Этот тип жилища сохранился вплоть до начала нашего века (7, с. 86).

Идентичные способы возведения турлучного жилья в Кабарде и Осетии нашли свое отражение и в лексике. В осетинском языке понятие «плетень» обозначается номинацией «кау», в современном кабардинском ему соответствует «бжыхъ». Однако в фольклоре встречается другая номинация «чэу», соответствующая понятиям «плетень», «ограда», «ограда из плетня», «крепостца» и ныне почти непонятная в Кабарде. Термин этот имеет широкое распространение среди адыгейцев, где отмечена его лексическая продуктивность (23, с. 40).

Изыскания языковедов показали, что адыгейское «чэу» непосредственно связано с осетинским «кау». Основа этого слова восходит к адыгейскому «чы» (*кьы) со значением «прут» и сохраняет этимологическую прозрачность (21, с. 127). В другие кавказские языки лексема попала через посредство алан-осетин (8, I, с. 574; 24, II, с. 128—129). Иными словами, как и в случае с конструктивным устройством летней кухни, в жилье из двойного плетня вновь отмечается прямая параллель с западными адыгами.

К этим фактам этнокультурных контактов можно добавить, что по сведениям К. Коха, относящимся к первой половине XIX в. «при строительстве дома не стараются даже изменить натуральный цвет земли и только на западе красят стены белой, а также (по Белю) светло-зеленой краской» (6, с. 594). Вероятно, речь идет о глинистой обмазке плетеных жилищ, которые в Адыгее белили.

Замечу, что осетинское традиционное жилище в горах не белилось изнутри, открытый очаг и фактическое отсутствие дымоходов делали эту процедуру излишней. Первые опыты по побелке жилья известны (чъыр) начались на равнине и связаны, по всей вероятности, с адыгским культурным миром. В частности, такие дома отмечены были Г.-Ю. Клапротом. Хотя известно, как таковая, была известна осетинам много раньше и использовалась для приготовления связующего раствора в каменном зодчестве (9, с. 119).

Сохранившиеся постройки на извести помимо номинации «гæнах», имеют и диалектные названия. В селах Туалгома и Дигоргома они известны как «чъырын» и «къырин» соответственно. Данный факт представляется показательным. Дело в том, что Вахушти Багратиони для обозначения аналогичных построек в горах Осетии употреблял слова «квитк 'ирса» и «квитк 'ирисани», дословно означающие «камень и извести» (25, с. 47).

В указанных диалектных названиях жилой башни отмечен тот же лексический элемент, восходящий к картвельскому «к'при», что в осетинском дало «чъыр/къырæ» (26, с. 198). Таким образом, в осетинской периферийной лексике отложился специфический конструктивно-строительный факт — использование известкового раствора. Причем этот факт стоит в прямой зависимости с материальной культурой горного Кавказа, а адыгейский термин для извести — «сэхъу» остался осетинам неизвестным.

В турлучном жилище обращает на себя внимание конструкция крыши. Стропила такого покрытия первоначально имели на верхних концах естественные крючки из сучьев, которыми они цеплялись за главную балку (7, с. 13, рис. 31). Это были даже не стропила, а кокоры, которые назывались кабардинцами «арэф» (12, с. 114). Такое слово имеется в строительной лексике осетинского языка — «æрæф» (вариант «рæф») и означает «стропило» или «рейка» (27, с. 141). Изначальная его основа восходит к индоевропейским языкам, что признают и кабардинские лингвисты (24, II, с. 62).

Приведенные выше свидетельства о комплексе турлучных построек и связанной с ни-

ми строительной терминологии могут служить доказательством того, что постройки такого типа относятся к глубокой древности. Прямые осетино-адыгейские параллели являются показателем не только самого факта культуры, но и относительной хронологии.

По всей вероятности, эти свидетельства оформились еще в домонгольское время, когда аланы непосредственно граничили с предками адыго-абхазских народов (1, 2). Должно быть к той же эпохе восходит заимствование номинации «арэф» — жерди с сучком на конце, используемой как стропило для крыш хозяйственных построек. Будучи прерванными эти традиции турлучного жилища были регенерированы у осетин на предгорной равнине под влиянием кабардинцев, у которых традиция турлучного домостроения фактически не прерывалась до начала XX в. (31, с. 195).

Определенные осетино-кабардинские связи прослеживаются в планировке и функциональном распределении традиционного жилища. Основным помещением жилого комплекса у осетин был «хæдзар», к которому в последующем пристраивались комнаты брачных пар (уат). В результате получался, так называемый «длинный дом» (даргъ хæдзар) — жилище большой семьи (бирæ бинонтæ).

Аналогичная картина была характерна и кабардинцам. Исходной формой планировочного решения было однокамерное жилище с очагом «унæшхуэ». Со временем к «большому дому» пристраивались комнаты женатых сыновей (лагъунæ). Если они пристраивались по прямой оси к «унæшхуэ», то получался большой дом (унæк'ыхъ). По словам Е. Н. Студенцкой «таким дом был в прошлом типичным жилищем неразделенной большой семьи (унæгъуэ зэхæс)» (12, с. 108). Подобное распределение жилища на общесемейную комнату, в которой помещались старшие, комнату молодых и гостевую комнату или самостоятельную постройку (кунацкую) было наиболее характерным для народов Северного Кавказа в прошлом веке.

Сравнительный анализ сведений об интерьере осетинского жилища, сообщаемого Г.-Ю. Клапротом (9, с. 170—171) и материалов по кабардинскому жилищу, описанных П.-С. Палласом, И. Ф. Бларамбергом (6, с. 219, 367) и Хан-Гиреем (22, с. 235), свидетельствует о своеобразном единообразии внутреннего убранства. В этом единообразии необходимо выделить использование невысокого круглого столика на трех ногах (фынг, Iæнæ) известного и другим северокавказским народам, однако лишь в быту осетин он был наделен помимо утилитарных еще и яркими культурными функциями. Кроме того, он четко прослеживается

по археологическим данным еще в средневековой Алании.

Удивительно схожие прототипы осетинскому «фынгу» обнаружены в аланских катакомбных могильниках у сел. Архон (Северная Осетия), на Рим-горе (р-он г. Кисловодска) и в Хасауте (Карачаево-Черкесия). «Это те же самые фынги на ножках, — писал В. А. Кузнецов, — несущих круглый столик-чашку с высоким бортиком». «На культовое назначение аланских фынгов указывает то, что в катакомбе 48 Рим-горского могильника на нем стояла деревянная чаша с грецкими орехами и яблоками — остатками ритуальных жертвоприношений» (5, с. 287). Лингвистический материал еще более удревает этот предмет старого осетинского быта до скифской эпохи (28, с. 56).

Столь древним является и название кровати в осетинском языке «сынтаг», которое, по мнению В. И. Абаева, восходит к индоарийским понятиям: «ложе», «колыбель». Любопытно, что основа этого слова прослеживается в кабардинской номинации для обозначения резного деревянного дивана «сæнтжъей», что, по словам Е. Н. Студенцкой, дословно означает «скамья для сна» (12, с. 119). Она же добавляет любопытную деталь о его назначении: «Женщины не имели права на него садиться, это было место для мужчин» (12, с. 119). Такие «диваны» были широко распространены в Осетии вплоть до начала XX в. и именовались «фахс бандон», как и кресло для старшего в доме (къæлæтджин), они были покрыты тонкой резьбой. Сидеть на них было исключительным правом взрослых мужчин.

Вышеназванные предметы отражают этнокультурные контакты глубокой древности, времен алаано-адыгских связей, когда аланы были активной стороной в культурном обмене двух этнических массивов.

Значительно позже в интерьер осетинского жилища попала тростниковая циновка (ерджен), о которых писал Ю.-Г. Клапрот (9, с. 107). Как правило, они были характерны для плоскостных осетинских селений, причем в большей степени заселенных мусульманами. Мною записаны даже редкие мастерицы, изготавливавшие их, в частности, в сел. Заманкул это были Бигка и Сабу Цаллагкаты.

Замечу, что эта вещь попала в осетинский быт через кабардинское влияние. Тростниковые циновки кабардинцев (арджэн) были очень популярны в быту, заменяя более дорогие ковры, войлоки. Они выполняли и декоративные функции, так как были украшены плетеным орнаментом геометрических форм.

Циновка попала к осетинам довольно позд-

но. Об этом говорит тот факт, что она преимущественно распространена среди «плоскостных» осетин. Ведь для ее изготовления нужна болотная трава, отсутствующая в горах. Кроме того, южные осетины используют для ее обозначения номинацию «ц'юлоби», производную от грузинского «ч'илоби». Таковы основные точки соприкосновения осетино-адыгских контактов в сфере традиционного жилища.

Рассмотренные свидетельства этнокультурных контактов осетин и адыгов дают богатый материал давних и прочных связей, существовавших между двумя этносами. Обусловленные общим фоном кавказского культурного мира, они были стимулированы социально-экономическими и культурно-бытовыми факторами. Конкретное проявление каждого из них как следствие имело свои определенные свидетельства взаимобмена фактами культуры.

Предпринятая попытка анализа их способствовала выяснению как общего механизма взаимовлияний, так и отдельных каналов культурной трансмиссии. Среди них такие, как семейно-брачные отношения, факты искусственного родства, билингвизм, хозяйственная кооперация и другие.

Привлечение лингвистического материала заметно облегчило интерпретацию некоторых фактов этнокультурных параллелей традиционного быта осетин и адыгов. В частности, свидетельства прямых осетино-адыгских параллелей нашли подтверждение и лексическими данными. Территориальный разрыв, существующий ныне между Осетией и Адыгеей ставил под сомнение правомочность приведенных примеров. Однако историко-сравнительный метод позволил сделать выводы о двух этапах в развитии этнокультурных связей двух народов.

Первый датируется с первых веков нашей эры до XIV в. и характеризуется, в основном, отрывочными сведениями письменных источников, археологическим материалом и данными языкознания. В этот период аланы представляли мощное этнополитическое образование, культура которых обладала активным потенциалом. Вероятно, в этот период в адыгской среде получили распространение элементы ираноязычной культуры. Этим фактом и объясняются, отмеченные прямые осетино-адыгские параллели и ираноязычные номинации отдельных фактов культуры адыгского общества (28, с. 88; 29, с. 8—9).

Нашествия татаро-монгол, и особенно Тимура, существенно изменили этнополитическую карту Северного Кавказа. Разгромленные этими полчищами аланы вынуждены были укрыться в горах Центрального Кавказа. Ареал распространения осетинского языка и культуры заметно сократился. Понизился и уровень развития осетинского общества, обусловленный экстремальными условиями высокогорья. Срыв поступательного развития ала-но-осетинского общества, поставленного на грань физического уничтожения как следствие, имел резкое падение социально-престижного уровня фактов культуры. Начиная с XIV в. фактическое положение социально-экономических, историко-культурных, военно-политических, демографических факторов катастрофически снизило активность осетинского этноса в этнокультурных контактах с соседями, в том числе и адыгами.

В свою очередь адыги, максимальное продвижение которых на юго-восток датируется по археологическим материалам XIV—XV вв. (30, с. 11), в процессе социально-экономического развития приобрели значительную мощь. С этого периода, а конкретнее с XV—XVI вв., начинается второй этап непосредственно осетино-кабардинских взаимоотношений. Резко меняется объем и направление культурного обмена. Не последнее место в этом принадлежало и географическому фактору. Хорошо известно, что горы всегда экономически зависимы от жителей равнины.

С изменением исторической обстановки в крае, начиная с XVIII в., осетины получают возможность выселиться на предгорные равнины. На равнине осетины начали широко пользоваться многими достижениями традиционной кабардинской культуры. Это в частности относится к традициям домостроения. Однако, как показывает приведенный материал, некоторые из этих традиций и фактов культуры были не просто заимствованы, а регенерированы в быту осетин вновь или творчески преломлены с позиций этнических вкусов и привычек.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что обмен культурными ценностями на всех этапах развития осетино-адыгских этнокультурных связей был обоюдным. Свидетельством этому могут быть и позднейшие влияния осетин на жителей Малой Кабарды, которые внесли заметные различия в сравнении ее с Большой Кабардой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа.—Черкесск: КЧ отд. Ставроп. ки. изд., 1976.

2. Кузнецов В. А. К вопросу о раннесредневековом жилище Северного Кавказа.—VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978.

3. Иерусалимская А. А. Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа. — VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978.
4. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. — Л.: ЛГУ, 1979.
5. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Орджоникидзе: Ир, 1984.
6. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX (сост. Б. А. Гарданов). — Нальчик: Эльбрус, 1974.
7. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. — Москва: Наука, 1982.
8. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка I—III. — М., 1958; Л., 1973; Л., 1979.
9. Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII—XIX вв. (сост. Б. А. Калоев). — Орджоникидзе: Ир, 1967.
10. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. — Москва: Наука, 1974.
11. Гарданти М. К. Селение Христиановское в фактах жизни: Известия ОНИИК 1. — Владикавказ, 1925.
12. Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище. — СЭ, 1948, № 4.
13. Курылев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. — М.: Наука, 1976.
14. Адамия Илья. Колхидские плетенные дома. — Дзеглис мегобари, 49. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979 (на гр. яз.).
15. Малля Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов: Материалы для историко-этнографического атласа Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1982.
16. Шиллинг Е. М. Круглые плетенные постройки у народов Западного Кавказа. — Известия АБИЯЛИ. III. — Тбилиси: Мецниереба, 1974.
17. Туганов М. С. Осетинское народное изобразительное искусство. — Дзауджикау, 1946. — ОРФ СОНИИ, искусство. ф-1, оп. 1. д. 2.
18. Тедеты Г. З. Лингво-этнографический анализ некоторых фразеологизмов. — Фиднуаг, № 9, 1985 (на ос. яз.).
19. Кереев Б. М. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени. — Этнография и современность. Нальчик, 1984.
20. Басиева С. М. К вопросу осетинских заимствований в адыгских языках: Материалы V региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению ИКЯ. — Орджоникидзе, 1977.
21. Абдоков А. И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. — Нальчик: Эльбрус, 1983.
22. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик: Эльбрус, 1978.
23. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. — Нальчик: Эльбрус, 1965.
24. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. I—II. — М.: Наука, 1977.
25. Тогошвили Г. Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. — Тбилиси: Мецниереба, 1977 (на гр. яз.).
26. Тедеева О. Г. Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям. — Тбилиси: Мецниереба, 1984 (на гр. яз.).
27. Тедеев Г. З. Номпнации, отражающие реалии деревянного дома. — Известия ЮОНИИ, XX. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
28. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. — М.: Л.: изд. АН СССР, 1949.
29. Абаев В. И. Значение ареальных контактов в истории языка. — Материалы V региональной научной сессии...
30. Нагсеев А. Х. Материальная культура кабардинцев в период позднего средневековья. — АКДМ.: ИА АН СССР, 1972.
31. Уарзиати В. С. Турлучное жилище: осетинско-адыгские параллели. — ВСИПЭАИ 1984—1985 г. Тезисы докладов. — Пешкар-Ола, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Виноградов В. Б. (Грозный). Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа	3
Кореневский С. Н. (Москва). Т- и У- образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья	12
Ростунов В. Л. (Орджоникидзе). Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III — начала II тыс. до н. э.	24
Хашегульгов Б. М. (Грозный). К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе в эпоху бронзы	45
Нераденко Т. Н. (Черкаск). К вопросу о хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия)	57
Наглер А. О., Гряднев В. В. (Орджоникидзе). Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР	64
Березин Я. Б. (Кисловодск). Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40—80-е гг.)	68
Савенко С. Н. (Грозный). Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора	75
Сосранов Р. С. (Орджоникидзе). Захоронения коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества в X—XII вв.	92
Шевченко А. В. (Ленинград). К краниологии Предкавказской Алании X—XII вв. н. э. (по материалам раскопок Змейского могильника 1981—1983 гг.)	100
Уарзиати В. С. (Орджоникидзе). Отражение осетино-адыгских контактов в традиционном жилище	107

Св. план 1986, поз. 406.

Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа

Редактор И. М. Гальцева.
Художник Д. П. Моисеев
Технический редактор И. П. Вартанян.
Корректор Ф. А. Кокаева.

ЕН 00140

Сдано в набор 25.09.86. Подписано в печать 30.12.86. Формат бумаги 84x108¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. п. л. 12,18. Уч.-изд. л. 13,73: Тираж 500 экз: Заказ № 400. Цена 1 р. 20 к.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 362040, г. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 46.
Книжная типография Госкомиздата СО АССР, 362011, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.